premio letterario italo-russo per giovani autori

Raduga

ALMANACCO LETTERARIO

5

Conoscere Eurasia Edizioni

российско-итальянская литературная премия для молодых авторов

Raduga

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

БАНК ИНТЕЗА

Банк Интеза – российский дочерний банк Группы Интеза Санпаоло, которая является одной из крупнейших банковских групп в еврозоне и абсолютным лидером рынка банковских услуг Италии.

В России Интеза Санпаоло представлена уже более сорока лет – в 1973 году в Москве было открыто Представительство банка «Банка Коммерчиале Итальяна», которое стало первым представительством иностранного банка в СССР.

Банк Интеза предоставляет широкий спектр банковских услуг предприятиям и частным лицам в 25 регионах России от Калининграда до Владивостока.

В основе деятельности Банка Интеза и Группы Интеза Санпаоло лежат принципы социальной ответственности.

Банк Интеза и Группа Интеза Санпаоло поддерживают проекты в области культуры и искусства как в Италии, так и в России.

Генеральная лицензия Банка России № 2216
Интернет-сайт Банка Интеза – www.bancaintesa.ru

BANCA INTESA

Banca Intesa è la sussidiaria russa del Gruppo Intesa Sanpaolo, il maggior gruppo bancario in Italia e uno dei principali in Europa.

In Russia il Gruppo vanta una presenza di oltre 40 anni: nel 1973 a Mosca venne aperto l'Ufficio di Rappresentanza della Banca Commerciale Italiana, la prima rappresentanza di una banca straniera in URSS.

Banca Intesa offre una gamma completa di prodotti e servizi bancari ai clienti privati e alle aziende sul territorio di 25 regioni del Paese da Kaliningrad a Vladivostok.

Lo spirito di responsabilità sociale è fondamentale per l'attività di Banca Intesa e del Gruppo Intesa Sanpaolo che promuove iniziative culturali in Italia e in Russia.

Licenza Bancaria della Banca di Russia № 2216
Sito Internet di Banca Intesa: www.bancaintesa.ru

Conoscere Eurasia Edizioni

V

Издательство «Познаём Евразию»

Associazione Conoscere Eurasia

L'Associazione Conoscere Eurasia è stata costituita nel 2008 per iniziativa di cittadini italiani e società private, nonché del Consolato Generale della Federazione Russa a Milano e del Consolato Onorario della Federazione Russa a Verona.
Non ha fini di lucro e si propone prevalentemente di sviluppare le relazioni economiche e culturali tra l'Italia, la Federazione Russa e la Comunità Economica Eurasiatica, alla quale aderiscono a pieno titolo Bielorussia, Kazakistan, Kirghizistan, Tagikistan e Uzbekistan e, come osservatori, Armenia, Moldavia e Ucraina.
Inoltre, l'Associazione Conoscere Eurasia è attivamente impegnata nello sviluppo dei rapporti con l'Azerbaigian, il Turkmenistan e l'Organizzazione di Shanghai per la Cooperazione (SCO) a cui, oltre alla Federazione Russa, aderiscono come membri effettivi Cina, Kazakistan, Kirghizistan, Tagikistan, Uzbekistan, e come osservatori India, Iran, Mongolia e Pakistan.
Afferiscono alla Associazione Conoscere Eurasia persone fisiche e giuridiche dei vari Paesi, ma anche enti giuridico-statali ed economici.
Grazie al contributo di idee e al sostegno degli associati, Conoscere Eurasia organizza regolarmente forum e seminari di carattere economico, nonché iniziative culturali quali cineforum, mostre d'arte, premi letterari per giovani, corsi di lingua e cultura russa per adulti e bambini.

Ассоциация «Познаём Евразию»

Некоммерческая Ассоциация «Познаём Евразию» создана в 2008 году по инициативе итальянских граждан, частных и государственных компаний, Генерального консульства Российской Федерации в Милане и Почётного консульства Российской Федерации в Вероне.

Целью Ассоциации является развитие экономических и культурных связей между Россией и Евразийским экономическим сообществом, в которое входят такие страны, как Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и, в качестве наблюдателей, – Армения, Молдавия и Украина.

Кроме того, Ассоциация «Познаём Евразию» проводит активную работу по развитию всесторонних связей с Азербайджаном, Туркменистаном и Шанхайской организацией сотрудничества (ШОС), членами которой, помимо России, являются Китай, Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан и, в качестве наблюдателей, Индия, Иран, Монголия и Пакистан.

Члены Ассоциации «Познаём Евразию» – это физические и юридические лица разных стран, а также государственные органы и экономические учреждения.

Благодаря идеям и поддержке своих членов, Ассоциация на регулярной основе организует экономические форумы и семинары, а также различные культурные мероприятия: кинофестивали, художественные выставки, литературные премии для молодых писателей, курсы русского языка и культуры для взрослых и детей.

Литературный институт имени А.М. Горького

Литературный институт имени А.М. Горького – государственное учебное заведение, основанное в 1933 году по инициативе А.М. Горького. Современное название институт получил в 1936 году. С 1942 года приняты очная и заочная формы обучения. С 1953 года при институте действуют Высшие литературные курсы. В 1983 году институт награжден Орденом Дружбы народов. С 1992 года находится в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации.

В настоящее время учебный процесс идет на двух факультетах: очном и заочном – по программам специалиста (квалификации «Литературный работник» и «Литературный работник, переводчик художественной литературы»). Система обучения в институте предусматривает изучение курсов гуманитарных и общественных дисциплин, занятия в творческих семинарах по родам и жанрам художественной литературы: проза, поэзия, драматургия, детская литература, литературная критика, очерк и публицистика, перевод художественной литературы. Институт ведет активную международную деятельность, контактируя со многими профильными зарубежными университетами.

Istituto Letterario A.M. Gor'kij

L'Istituto Letterario A.M. Gor'kij è un'istituzione universitaria statale che – fondata nel 1933 su iniziativa dello scrittore Maksim Gor'kij – ha preso la sua attuale denominazione nel 1936. A partire dal 1942 è stato introdotto l'insegnamento in sede e quello a distanza. Dal 1953 sono stati attivati i Corsi Superiori di Letteratura. Nel 1983 l'Istituto è stato insignito dell'Ordine dell'Amicizia tra i Popoli. Dal 1992 è passato sotto il Ministero dell'Istruzione e delle Scienze della Federazione Russa. Attualmente il percorso di studi si avvale di due facoltà, in sede e a distanza, secondo un programma di laurea specialistica con indirizzi "Letteratura" e "Letteratura e Traduzione Letteraria". Il sistema d'insegnamento dell'Istituto prevede corsi di ambito umanistico e sociale, nonché seminari dedicati a vari generi letterari: prosa, poesia, drammaturgia, letteratura per l'infanzia, critica letteraria, saggistica e pubblicistica, traduzione letteraria. L'Istituto partecipa attivamente a progetti internazionali, e ha contatti con molte qualificate università straniere.

Direttore editoriale e letterario
Flavio Ermini

Progettazione e cura grafica
Cierre Grafica

Per i singoli racconti © Autori
Per le traduzioni © Traduttori
Per l'Edizione © 2014 Associazione Conoscere Eurasia

Via Achille Forti 10, 37121 Verona, Italia
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

Главный редактор
Флавио Эрмини

Разработка проекта и графическое оформление
Чиэрре Графика

© на рассказы принадлежат авторам произведений
© на переводы принадлежат переводчикам
© 2014 данного издания принадлежат Ассоциации «Познаём Евразию»

Италия 37121 г. Верона ул. Акилле Форти, 10
info@conoscereeurasia.it
www.conoscereeurasia.it

ALMANACCO LETTERARIO

Conoscere Eurasia Edizioni

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Издательство «Познаём Евразию»

Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

Il Premio Raduga ha compiuto cinque anni. Alla sua quinta edizione hanno partecipato in Russia e in Italia quasi quattrocento ragazze e ragazzi con scritti, che generalmente rappresentano il profondo disagio dei giovani, costretti a vivere in un contesto globale grigio e privo di valori umanistici e di entusiasmo per i beni naturali e sociali.
Molti di loro hanno la piena consapevolezza che all'attuale situazione di crisi sociale, economica e morale si può reagire in modo creativo prefigurando un mondo alternativo a dimensione umana. Come dimostrano i dieci racconti dei giovani finalisti russi e italiani, inseriti nel presente Almanacco, che si esprimono con una scrittura vivace, essenziale e creativa.
La creatività è anche la ragione della scelta di pubblicare in questo volume le opere dei dieci traduttori, russi e italiani, che, pur rispettando la versione letterale, hanno, tuttavia, ricreato il testo grazie alla loro sensibilità interpretativa.
Spero che l'esempio dei nostri giovani scrittori e traduttori sarà seguito da tanti altri loro coetanei, che hanno a cuore una società giusta, costruita sulle esigenze genuine dell'uomo. E a questo nobile fine, come sempre, assicuriamo il nostro convinto contributo. Esprimo, infine, le mia gratitudine a coloro che hanno reso possibile in questi quattro anni la realizzazione del Raduga: l'Associazione Conoscere Eurasia, l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij, l'Agenzia federale per la stampa e la comunicazione di massa della Federazione Russa, Rossotrudničestvo, l'Istituto Italiano di Cultura di Mosca, Banca Intesa e le case editrici Azbooka-Atticus e Feltrinelli. E spero che anche nel futuro possano continuare a sostenere questa nostra iniziativa.

Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

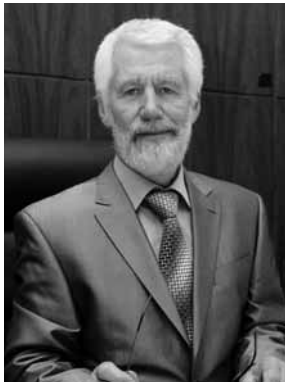
Премии «Радуга» исполняется пять лет. В этом году на конкурс подано свыше четырехсот произведений, большинство из которых отражает растерянность поколения, живущего в сером мире, где нет места гуманистическим ценностям, стремлению защищать природные и общественные блага.

Многие из молодых писателей понимают, что ответом на нынешний социальный, экономический и нравственный кризис может стать творчество, рассказ о мире, в котором мерой всего является человек. Доказательство тому – представленные в альманахе десять рассказов молодых итальянских и российских финалистов, говорящие о насущном, написанные живо и творчески.

Уважение творческого начала обусловило и то, что в альманах вошли работы десяти итальянских и российских переводчиков: храня верность оригиналу, они сумели предложить собственное понимание художественного произведения, воссоздав его на другом языке.

Надеюсь, что примеру наших молодых писателей и переводчиков последуют многие их ровесники, которые радеют за справедливое общество, уважающее истинные потребности человека. Мы, как всегда, готовы вносить свой вклад ради достижения этой высокой цели. В заключение мне бы хотелось поблагодарить всех тех, благодаря кому в эти годы существовала Премия «Радуга», – Ассоциацию «Познаём Евразию», Литературный институт имени А.М. Горького, Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Россотрудничество, Итальянский Институт культуры в Москве, Банк Интеза, а также издательства «Азбука-Аттикус» и «Фельтринелли». Надеюсь, что они и впредь будут поддерживать нашу инициативу.

Борис Тарасов
Ректор Литературного института им. А.М. Горького



Пять лет назад Литературный институт имени А.М. Горького с благодарностью принял предложение итальянской ассоциации «Познаём Евразию» учредить совместную российско-итальянскую премию «Радуга». Столь необходимое само по себе начинание в то же время целиком отвечает задачам деятельности нашего института. Присуждение такой ежегодной премии – особое и перспективное событие в литературной жизни России и Италии. Оно нацелено на поощрение творческой молодежи, открытие новых имен в литературе, знакомство читателей с их произведениями. Российско-итальянская премия «Радуга» вносит свой вклад и в укрепление культурных связей между нашими народами, сохранение подлинного творчества в эпоху деградации истинных художественных ценностей и господства массового искусства. С каждым годом возрастает ее популярность и заметно расширяется география. Образовалась целая группа больших и малых городов России и целых областей, из которых конкурсные работы приходят постоянно и в большом количестве. Это – Москва, Санкт-Петербург, Новосибирск, Красноярск, Омск, Томск, Иркутск, Тюмень, Оренбург, Якутск, Волгоград, Краснодар, Нижний Новгород, Петрозаводск, Екатеринбург, Пенза, Уфа, Владикавказ, Казань, Ростов, Московская область, Ленинградская область, Пермский край, Кемеровская область и др. Пожелаем номинантам и победителям пятого, юбилейного, конкурса новых творческих успехов.

Boris Tarasov
Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij

Cinque anni fa l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij ha accolto con gratitudine la proposta dell'Associazione Conoscere Eurasia di istituire il Premio congiunto italo-russo Raduga. Si tratta di un'iniziativa che, di per sé, è di estrema importanza e nel contempo soddisfa pienamente gli obiettivi delle attività del nostro Istituto. L'assegnazione di questo premio annuale è un evento speciale e di ampia prospettiva nella vita letteraria della Russia e dell'Italia. L'obiettivo è quello di incoraggiare i giovani dotati di talento creativo, i nomi nuovi sbocciati in letteratura, e di rendere familiari ai lettori i loro lavori. Il Premio italo-russo Raduga contribuisce in modo rilevante a consolidare i legami culturali tra i nostri popoli, e a salvaguardare l'autentica creatività in un'epoca di degrado dei veri valori artistici e di supremazia dell'arte di massa. Di anno in anno aumenta la sua popolarità e si amplia visibilmente la geografia. Si è venuto a formare un intero gruppo di grandi e piccole città della Russia, nonché di intere regioni, da cui arrivano regolarmente e in grande quantità elaborati per il concorso: Mosca, San Pietroburgo, Novosibirsk, Krasnojarsk, Omsk, Tomsk, Irkutsk, Tjumen', Orenburg, Jakutsk, Volgograd, Krasnodar, Nižnij Novgorod, Petrozavodsk, Ekaterinburg, Penza, Ufa, Vladikavkaz, Kazan', Rostov, Regioni di Mosca e di Leningrado, Regioni di Perm' e di Kemerovo, e altri. Auguriamo ai finalisti e ai vincitori della quinta edizione nuovi successi creativi.

Raduga

Premio letterario italo-russo per giovani narratori e traduttori

Il Premio Raduga è alla sua quinta edizione. È nato con l'intento di rafforzare i rapporti culturali italo-russi e di valorizzare le opere di giovani narratori e traduttori, sia russi che italiani, dando loro la possibilità di trovare un editore e di confrontarsi, in tal modo, con un più ampio numero di lettori.
Il Premio si rivolge in modo particolare a quelle giovani voci che – attraverso una forma narrativa caratterizzata dalla consapevolezza stilistica – giungono a farsi interpreti della complessità e delle inquietudini dei nostri tempi.
L'*Almanacco letterario* dà spazio alle migliori tra le opere pervenute al Premio. Tutti i lavori sono pubblicati con traduzione a fronte – a opera di giovani traduttori russi e italiani – e sono seguiti da una nota critica e da una nota biografica.
Il volume viene distribuito in entrambi i Paesi al fine di far meglio conoscere il lavoro dei giovani narratori e traduttori.

Премия «Радуга»

Российско-итальянская литературная премия для молодых авторов «Радуга»

Перед вами пятое издание литературного альманаха Премии «Радуга», которая была создана с целью укрепления российско-итальянских культурных связей и содействия молодым писателям и переводчикам из России и Италии, а также для того, чтобы дать возможность молодым талантам найти издателя и получить известность среди многочисленной читательской аудитории.

В первую очередь, Премия «Радуга» создавалась для молодых талантов, способных отразить в своем творчестве все сложности и тревоги нашего времени, найдя для этого стилистически точную форму.

В альманах включены произведения, которые жюри признало лучшими. Рассказы, биографии авторов и краткие рецензии публикуются на двух языках (переводы выполнены молодыми итальянскими и российскими переводчиками).

Литературный альманах распространяется в Италии и России. Его главная задача – познакомить читателей с творчеством молодых авторов и переводчиков.

Albo d'oro del Premio Raduga

Prima edizione, 2010. Almanacco letterario 1

Giovani narratori italiani
Silvia Banterle, traduzione in russo di Marina Kozlova
Gabriele Belletti, traduzione in russo di Ol'ga Pozdneeva
Massimiliano Maestrello, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja
Andrea Paolo Massara, traduzione in russo di Dar'ja Belokrylova
Paolo Valentino, traduzione in russo di Anastasija Golubcova

Giovani narratori russi
Ljudmila Eremeeva, traduzione in italiano di Francesca Lazzarin
Sergej Kubrin, traduzione in italiano di Maria Isola
Anna Ostrouchova, traduzione in italiano di Giulia Zangoli
Anna Remez, traduzione in italiano di Cinzia Benedetti
Bulgun Čimidova, traduzione in italiano di Alessia Cadeddu

Giovani narratori dell'anno: Massimiliano Maestrello e Sergej Kubrin
Giovani traduttori dell'anno: Giulia Zangoli e Ol'ga Pozdneeva

Seconda edizione, 2011. Almanacco letterario 2

Giovani narratori italiani
Alice Malerba, traduzione in russo di Jana Kidenko
Alessandro Metlica, traduzione in russo di Anastasija Golubcova
Leandro Miglio, traduzione in russo di Anna Fedorova

Победители и финалисты Премии «Радуга»

Литературный альманах 1 – 2010 год

Российские финалисты
Людмила Еремеева, перевод на итальянский язык Франчески Ладзарин
Сергей Кубрин, перевод на итальянский язык Марии Изолы
Анна Остроухова, перевод на итальянский язык Джулии Дзанголи
Анна Ремез, перевод на итальянский язык Чинции Бенедетти
Булгун Чимидова, перевод на итальянский язык Алессии Кадедду

Итальянские финалисты
Сильвия Бантерле, перевод на русский язык Марины Козловой
Габриэле Беллетти, перевод на русский язык Ольги Позднеевой
Массимилиано Маэстрелло, перевод на русский язык Марии Судиловской
Андреа Паоло Массара, перевод на русский язык Дарьи Белокрыловой
Паоло Валентино, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Кубрин и Массимилиано Маэстрелло
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Ольга Позднеева и Джулия Дзанголи

Литературный альманах 2 – 2011 год

Российские финалисты
Андрей Антипин, перевод на итальянский язык Марии Изолы
Наталья Николашина, перевод на итальянский язык Аличе Гизи
Дмитрий Фалеев, перевод на итальянский язык Мануэля Боскьеро

Fabio Mineo, traduzione in russo di Irina Artamonova
Daniele Tommasi, traduzione in russo di Marina Kozlova

Giovani narratori russi
Andrej Antipin, traduzione in italiano di Maria Isola
Natal'ja Nikolašina, traduzione in italiano di Alice Ghisi
Dmitrij Faleev, traduzione in italiano di Manuel Boschiero
Alëna Čurbanova, traduzione in italiano di Maria Gatti Racah
Sergej Šargunov, traduzione in italiano di Linda Torresin

Giovani narratori dell'anno: Alessandro Metlica e Sergej Šargunov
Giovani traduttori dell'anno: Maria Gatti Racah e Marina Kozlova

Terza edizione, 2012. Almanacco letterario 3

Giovani narratori italiani
Paola Manuela Battaglia, traduzione in russo di Anna Fedorova
Guido Del Duca, traduzione in russo di Anastasija Golubcova
Federica Di Rosa, traduzione in russo di Marija Sudilovskaja
Olga Paltrinieri, traduzione in russo di Tat'jana Bystrova
Silvia Valentini, traduzione in russo di Anastasija Klepikova

Giovani narratori russi
Ekaterina Brjuchova, traduzione in italiano di Linda Torresin
Jurij Lunin, traduzione in italiano di Alessandro Bonomelli
Dmitrij Nikitin, traduzione in italiano di Simona Nicoli
Ksenija Romanova, traduzione in italiano di Giorgia Pomarolli
Èl'vira Farnieva, traduzione in italiano di Alessandra Fiandra

Алёна Чурбанова, перевод на итальянский язык Марии Гатти Раках
Сергей Шаргунов, перевод на итальянский язык Линды Торрезин

Итальянские финалисты
Аличе Малерба, перевод на русский язык Яны Киденко
Алессандро Метлика, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Леандро Мильо, перевод на русский язык Анны Федоровой
Фабио Минео, перевод на русский язык Ирины Артамоновой
Даниеле Томмази, перевод на русский язык Марины Козловой

Победители в номинации «Молодой автор»: Сергей Шаргунов и Алессандро Метлика
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Марина Козлова и Мария Гатти Раках

Литературный альманах 3 – 2012 год

Российские финалисты
Екатерина Брюхова, перевод на итальянский язык Линды Торрезин
Юрий Лунин, перевод на итальянский язык Алессандро Бономелли
Дмитрий Никитин, перевод на итальянский язык Симоны Николи
Ксения Романова, перевод на итальянский язык Джорджии Помароли
Эльвира Фарниева, перевод на итальянский язык Алессандры Фьяндры

Итальянские финалисты
Паола Мануэла Батталья, перевод на русский язык Анны Федоровой
Гвидо Дель Дука, перевод на русский язык Анастасии Голубцовой
Федерика Ди Роза, перевод на русский язык Марии Судиловской
Ольга Пальтриньери, перевод на русский язык Татьяны Быстровой
Сильвия Валентини, перевод на русский язык Анастасии Клепиковой

Giovani narratori dell'anno: Federica Di Rosa e Jurij Lunin
Giovani traduttori dell'anno: Giorgia Pomarolli e Tat'jana Bystrova

Quarta edizione, 2013. Almanacco letterario 4

Giovani narratori italiani
Nicola Carboni, traduzione in russo di MarijaVolodina
Fabio Chiriatti, traduzione in russo di Valentina Kučerovskaja-Marcevaja
Michele Grignaffini, traduzione in russo di Anna Lentovskaja
Marta Manfioletti, traduzione in russo di Ivan Semënov
Sabrina Sansalone, traduzione in russo di Zinaida Ložkina

Giovani narratori russi
Diana Boguslavskaja, traduzione in italiano di Amedeo Pagliaroli
Il'ja Ludanov, traduzione in italiano di Elisabetta Spediacci
Dmitrij Romanov, traduzione in italiano di Francesco Bigo
Elena Tarchanova, traduzione in italiano di Alessandra Moretti
Dmitrij Filippov, traduzione in italiano di Maria Rosaria Carrozzo

Giovani narratori dell'anno: Fabio Chiriatti ed Elena Tarchanova
Giovani traduttori dell'anno: Elisabetta Spediacci e Valentina Kučerovskaja-Marcevaja

Победители в номинации «Молодой автор»: Юрий Лунин и Федерика Ди Роза
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Татьяна Быстрова и Джорджия Помаролли

Литературный альманах 4 – 2013 год

Российские финалисты
Диана Богуславская, перевод на итальянский язык Амедео Пальяроли
Илья Луданов, перевод на итальянский язык Элизабетты Спедиаччи
Дмитрий Романов, перевод на итальянский язык Франческо Биго
Елена Тарханова, перевод на итальянский язык Алессандры Моретти
Дмитрий Филиппов, перевод на итальянский язык Марии Розарии Карроццо

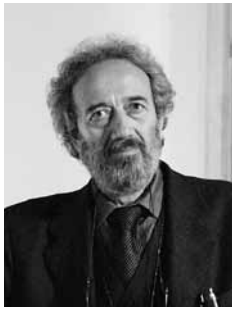
Итальянские финалисты
Никола Карбони, перевод на русский язык Марии Володиной
Фабио Кирьятти, перевод на русский язык Валентины Кучеровской-Марцевой
Микеле Гриньяффини, перевод на русский язык Анны Лентовской
Марта Манфьолетти, перевод на русский язык Ивана Семёнова
Сабрина Сансалоне, перевод на русский язык Зинаиды Ложкиной

Победители в номинации «Молодой автор»: Елена Тарханова и Фабио Кирьятти
Победители в номинации «Молодой переводчик»: Валентина Кучеровская-Марцевая и Элизабетта Спедиаччи

Giuria italiana
Итальянское жюри

Adriano Dell'Asta (Cremona, 1952), professore di Lingua e letteratura russa all'Università Cattolica di Brescia e di Milano, è attualmente direttore dell'Istituto Italiano di Cultura di Mosca. Accademico della Classe di Slavistica dell'Accademia Ambrosiana, ha pubblicato oltre un centinaio di contributi scientifici e ha partecipato a numerosi convegni e seminari.

Адриано Дель Аста (Кремона, 1952), профессор русского языка и литературы Католического Университета г. Милана и Университета г. Брешиа. В настоящее время директор Итальянского института культуры в Москве. Член Академии Амброзиана (класс славистики), опубликовал более ста научных работ.



Flavio Ermini (Verona, 1947), poeta e saggista, è autore di numerosi volumi in Italia e in Francia. Dirige la rivista letteraria "Anterem". Fa parte del comitato scientifico di "Osiris" (Università di Deerfield, Massachusetts) e degli "Amici della Scala" di Milano. Dirige la collana di filosofia "Narrazioni della conoscenza" (Moretti&Vitali).

Флавио Эрмини (Верона, 1947), поэт и литературный критик, опубликовал ряд книг в Италии и во Франции. Редактор литературного журнала «Антерем». Член научного комитета «Осирис» (Университет г. Дирфилд, Массачусетс) и общества «Друзья Ла Скала» (Милан). Составитель серии книг по философии «Рассказы о познании» издательства «Моретти&Витали».

Inge Feltrinelli (Essen, 1930), presidente della Giuria italiana, presidente della Giangiacomo Feltrinelli Editore, presidente onorario delle oltre 100 Librerie Feltrinelli. Vicepresidente della holding finanziaria EFFE. È stata nominata Cavaliere dell'Ordine al merito della Repubblica Italiana e della Repubblica Federale di Germania. Commandeur dans l'Ordre des Arts et des Lettres nella Cultura francese. È membro dell'Accademia Europea di Yuste (seggio "Clara Zetkin").

Инге Фельтринелли (Эссен, 1930), председатель итальянского жюри. Президент издательства «Джанджакомо Фельтринелли», почетный президент свыше 100 книжных магазинов «Фельтринелли», вицепрезидент холдинга «Эффе». Кавалер орденов «За заслуги перед Итальянской республикой» и «За заслуги перед Федеративной республикой Германия», командор «Ордена искусств и литературы» (Франция). Член Европейской академии Юсте (кресло Клары Цеткин).

Sebastiano Grasso (Catania, 1947), poeta e giornalista. Ha pubblicato una decina di libri di poesia, tradotti in molte lingue. È presidente del Pen Club Italia. Dopo l'insegnamento universitario di Letteratura italiana per un biennio, dal 1971 vive a Milano; attualmente è inviato speciale e responsabile dell'Arte del "Corriere della Sera".

Себастьяно Грассо (Катания, 1947), поэт и журналист. Опубликовал десяток книг стихов, переведенных на многие языки. Председатель итальянского Пен-клуба. Два года преподавал итальянский язык и литературу в университете. С 1971 г. живет в Милане. Специальный корреспондент, редактор раздела «Искусство» газеты «Коррьере дела Сера».

Maria Pia Pagani (Pavia, 1975), docente dell'Università di Pavia, è autrice di libri e saggi scientifici sul teatro russo e i suoi legami con la cultura spirituale ortodossa. Vincitrice del Premio Giovani Ricercatori in ricordo di Maria Corti (2003), del Premio Cesare Angelini (2004), del Premio Foyer des Artistes (2006) e altri. È la traduttrice italiana di Michail Berman-Cikinovskij.

Мария Пиа Пагани (Павия, 1975), преподаватель Университета г. Павия, автор книг и научных статей о русском театре и его связи с духовной православной культурой. Лауреат Премии для молодых ученых им. Марии Корти (2003), Премии им. Чезаре Анджелини (2004) и ряда других. Итальянская переводчица Михаила Бермана-Цикиновского.

Sergio Pescatori (Venezia, 1941), professore a contratto di Lingua e letteratura russa dell'Università di Verona. Ha lavorato in varie Università italiane. Si è occupato di linguistica, di traduzione, di letteratura. Ha curato un volume su Brodskij (atti del Convegno di Venezia, 2000) e uno sullo studio del russo in Europa (Convegno di Verona, 2005).

Серджо Пескатори (Венеция, 1941), преподает на Факультете иностранных языков и литератур Университета г. Вероны. Преподавал русский язык и литературу в различных итальянских университетах. В круг его интересов входят языкознание, литература, теория перевода. Под его редакцией вышли материалы конференций о Иосифе Бродском (Венеция, 2000 год) и о русском языке в Европе (Верона, 2005 год).

Российское жюри
Giuria russa

Алексей Николаевич Варламов. Писатель, филолог. Доктор филологических наук, профессор, преподаватель Литературного института имени А.М. Горького и МГУ имени М.В. Ломоносова. Лауреат Премии Александра Солженицына, Премии «Большая книга» и ряда других. Член Совета по культуре при Президенте РФ. Главный редактор журнала «Литературная учеба».

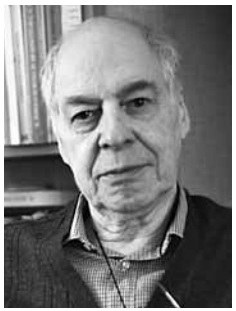
Aleksej Nikolaevič Varlamov. Scrittore e filologo. Professore ordinario, docente dell'Università Statale di Mosca M.V. Lomonosov e dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Premio Aleksandr Solženicyn, il Premio Bol'šaja Kniga e altri. Membro del Consiglio per la cultura presso il Presidente della Federazione Russa. Direttore della rivista "Literaturnaja učëba".

Нина Сергеевна Литвинец. Издатель, литературовед, переводчик. Кандидат филологических наук. Программный директор Института перевода, член Наблюдательного совета. Заслуженный работник культуры РФ. Публиковала рассказы в журналах «Октябрь» и «Знамя». Книга для детей «Меня зовут Аглая» вышла в издательстве «Время» в 2013 г.

Nina Sergeevna Litvinec. Editore, critico letterario e traduttore. Direttore programmatico dell'Istituto della Traduzione e membro del suo Comitato direttivo. Lavoratore emerito della cultura della Federazione Russa. Di recente ha cominciato a occuparsi di narrativa e ha pubblicato racconti nelle riviste letterarie "Oktjabr'" e "Znamja". Nel 2013 è uscito con la casa editrice Vremja il suo libro per bambini *Mi chiamo Aglaja*.

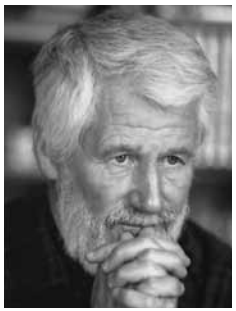
Елена Леонидовна Пастернак. Лингвист, переводчик. Доктор филологических наук, доцент филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Президент фонда имени Б.Л. Пастернака.

Elena Leonidovna Pasternak. Linguista e traduttore. Professore ordinario della Facoltà di Filologia presso l'Università Statale di Mosca M.V. Lomonosov. Presidente della Fondazione Boris Pasternak.



Евгений Михайлович Солонович. Поэт, переводчик. Профессор Литературного института имени А.М. Горького, почетный профессор Сиенского университета, почетный доктор Римского университета «Сапиенца». Лауреат премии «Мастер» Союза «Мастера литературного перевода», Государственной премии Италии в области художественного перевода, премии Монтале, премии Монделло и ряда других российских и итальянских премий.

Evgenij Michajlovič Solonovič. Poeta e traduttore. Professore ordinario dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Laurea honoris causa dell'Università di Siena, dottorato honoris causa dell'Università La Sapienza di Roma. Ha ricevuto il Premio Master dell'Unione dei maestri della traduzione letteraria, il Premio Nazionale per la traduzione (Italia), il Premio Montale, il Premio Mondello e altri riconoscimenti sia russi che italiani.



Борис Николаевич Тарасов. Доктор филологических наук, профессор, ректор Литературного института имени А.М. Горького. Заслуженный деятель науки РФ, академик Международной академии наук (Инсбрук). Лауреат Бунинской премии, Премии имени Ф.М. Достоевского, Премии Правительства Российской Федерации и ряда других.

Boris Nikolaevič Tarasov. Professore ordinario, rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Scienziato emerito della Federazione Russa, membro dell'Accademia Internazionale delle Scienze (Innsbruck, Austria). Ha ricevuto il Premio Bunin, il Premio Dostoevskij, il Premio del Governo della Federazione Russa e altri.

Анна Владиславовна Ямпольская. Переводчик, филолог. Кандидат филологических наук, PhD (Università di Firenze). Доцент Литературного института имени А.М. Горького. Удостоена Серебряного гонфалона области Тоскана за исследования по итальянистике и Премии имени Н. В. Гоголя в Италии за перевод. Совместно с М. Динелли опубликовала книгу рассказов «Ленин. От «Правды» к «Прада»» (Милан, 2008).

Anna Vladislavovna Jampol'skaja. Traduttrice, filologa. Professore associato di Lingua e letteratura italiana all'Istituto Letterario A.M. Gor'kij. Ha ricevuto il Gonfalone d'argento della Regione Toscana per le sue ricerche di italianistica e il Premio N.V. Gogol' in Italia per la traduzione. In collaborazione con M. Dinelli, ha pubblicato il volume di racconti *Lenin. Dalla Pravda a Prada: storie di una rivoluzione* (Milano, TEA, 2008).

GIOVANI NARRATORI ITALIANI
МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

Gianluca Boroni	Джанлука Борони
Giovanni Duminuco	Джованни Думинуко
Gianluca Lattuada	Джанлука Латтуада
Cristina Ottelli	Кристина Оттелли
Livio Santoro	Ливио Санторо

Gianluca Boroni

Traduzione in russo di Diljara Tuiševa

Джанлука Борони

Перевод на русский язык Диляры Туишевой

SETTE NANI

Mi chiamo Biancaneve. O almeno questo è lo *username* del mio *account* con cui sono conosciuto nelle varie agenzie della città. Sono laureato e ora faccio ricerca su vasta scala, comodamente seduto in poltrona esploro, modifico il mio profilo, aggiorno il mio curriculum, amplio i miei interessi e attendo. Tutto qua. Attendo e non devo fare altro.
Da mesi non faccio altro... ma una volta non era così.

MAMMOLO. Sette anni fa lasciai la mamma. E una famiglia comune senza troppe ambizioni, nonostante quattro figli con almeno un sogno nel cassetto a testa. Forse lo stesso cassetto, ma da lì quattro strade diverse. Da Brescia mi spostai a Trento seguendo la giovane ragazza che aveva sostituito la mia vecchia madre. Uniche raccomandazioni "mangia" e "finisci l'università". Entrambe difficili da seguire, ma ce l'ho messa tutta per procurarmi un paio di pasti al giorno. Ero già al terzo anno del mio corso di studi quando me ne andai di casa, e il primo lavoro che mi procurò l'agenzia fu addetto alle pulizie cantieristiche. Virile e cosmopolita, questo mestiere diede un colpo di spugna alla volontà di studiare.

PISOLO. Quando mi svegliai lei non c'era più. Erano passati diciotto mesi e dopo l'ennesima divergenza d'opinioni, l'ultima per l'esattezza, lei aveva deciso che non poteva stare con uno che si accontentava di vivacchiare (così diceva lei), senza ambizioni, con un lavoro di bassa lega e incapace di terminare gli studi. Rimasi sbigottito nel sentirle pronunciare quelle parole. Mentre sbatteva la porta con le valigie appresso pensai "oggi è domenica" e subito dopo mi resi conto che aveva ragione. Non avevo più dato un esame da che vivevo per conto mio e quel lavoro sicuro era diventato la scusa per dormire a tempo indeterminato.

СЕМЬ ГНОМОВ

Меня зовут Белоснежка. Во всяком случае, под этим логином зарегистрирована моя страница на сайтах городских агентств по подбору персонала. Я закончил университет и сейчас занят поисками работы. Посиживая в кресле, собираю информацию, редактирую свой аккаунт, обновляю резюме, расширяю графу «мои интересы» и жду. Все эти месяцы только и знаю, что жду… Но так было не всегда.

СКРОМНИК. Семь лет назад я ушел из дома, от мамы. У нас обычная семья, без особых устремлений, хотя у каждого из четырех детей была своя заветная мечта. Мечта была у каждого, но дорогу к ней все выбрали разную. Из Бреши я переехал в Тренто вслед за девушкой, которая заняла место моей мамы. «Не забывай есть» и «Закончи университет» – вот и все мамины напутствия. Задачи одна труднее другой, и я из кожи вон лез, чтобы заработать на хлеб. Я был на третьем курсе, когда ушел из дома. Первое, что мне предложили в агентстве, было место уборщика на стройплощадке. Более подходящая для двужильного гастарбайтера, эта работа поставила крест на моем желании учиться.

СОНЯ. Я проснулся, когда она уже ушла. Прошло полтора года, и после очередного, точнее сказать – последнего, расхождения во мнениях она решила, что не может жить с человеком, которого устраивает жалкое прозябание (это ее слова), человеком без амбиций, если он согласился на дрянную работу и никак не закончит учебу. От услышанного я потерял дар речи. Когда она ушла с чемоданами, хлопнув дверью, я подумал: «Сегодня воскресенье». И тут же понял, что она права. С тех пор как я сам зарабатываю себе на жизнь, я не сдал ни одного экзамена. Работа служила оправданием тому, что все остальное время я спал.

ЧИХУН. «Каким ветром к нам занесло?» – спрашивал обычно директор агентства, когда

EOLO. “Qual buon vento?” soleva dire il direttore dell’agenzia, quando entravo ogni lunedì mattina per sentire se c’erano novità. Erano passati mesi dall’ultimo lavoro propriamente detto. Tutti gli altri erano stati delle pause, delle vacanze: soggiorno di due notti in tranceria, visita in giornata alla zona carico-scarico merci, tour con muletto ai magazzini Coop eccetera... brevi sostituzioni, fingersi qualcun altro per un po’. Ma il vento stava per cambiare direzione.

BRONTOLO. Che palle ’sto vento gelido! Ma come c’ero finito in sella a quel motorino, al 20 di dicembre, carico di estratti conto, bollette e raccomandate? Portalettere per un corriere espresso, fedele e affidabile discepolo che porta la buona/cattiva/pessima novella in qualche località fantasma del Trentino. Assegnazione zone: “ci vai tu lassù perché hai il 125!”, “che palle!” urlavo, dentro di me, contro il mio superiore. Ma questa era la routine: nuova zona, “tu. Lassù”, “che palle!”. Ed ecco che arrancavo, tra fango, sassi, lastre di ghiaccio per consegnare una raccomandata a bassa digeribilità cercando di scongelare le labbra in un sorriso professionale. Ma ecco che ti arriva il vero Postino, scende dalla sua carrozza riscaldata a quattro ruote chiodate, consegna un’incantevole letterina d’auguri natalizi che scalda il cuore solo a vederla, e mi fa passare per quello che porta il carbone. “Che palle!”. “E qui perché non ci sei andato?” “c’era la neve” “grazie tante, siamo in gennaio!”, una logica così schiacciante che non potei sfidare presentandomi il giorno dopo. Che palle! Dovevo cercarmi un altro lavoro. Era già il terzo quell’anno, e sempre dello stesso livello. Dovevo elevare il mio ceto sociale.

DOTTO. Magazziniere part-time in un centro di smistamento. Faceva al caso mio. Non ero lontano da casa, ero al coperto e nel restante part-time potevo studiare per terminare l’università. E così mi ritrovai ad affrontare il tirocinio presso un dipartimento di ricerca. Di giorno un rispettabile e insospettabile ri-

каждый понедельник я приходил узнать, есть ли новости. В последний раз работа (в полном смысле этого слова) была у меня несколько месяцев назад. Все остальное так, ерунда, считай каникулы: пара ночей на подхвате в цеху по резке металла, несколько часов в зоне погрузки-выгрузки товаров, тур на погрузчике по складу магазина «Кооп» и так далее в том же духе… когда нужно кого-то заменить на короткое время, побыть в чужой роли. Но ветер начинал меняться.

ВОРЧУН. Черт бы побрал этот ледяной ветер! И угораздило же меня оказаться двадцатого декабря в седле мотороллера с грузом банковских выписок, квитанций и заказных писем! Курьер в службе доставки, верный и надежный посланник, несущий хорошие/плохие/ужасные вести в какое-нибудь захолустье. Распределение адресов происходило так: «В горы поедешь ты, у тебя движок помощнее», – говорил начальник. «Ядрена вошь!» – возмущался я про себя. Каждый раз одно и то же: как новое место в горах – «Ты поедешь». Ядрена вошь! И вот я трясусь по грязи, по камням, по наледи, чтобы вручить какое-нибудь дурацкое письмо, не забыв растянуть замерзшие губы в профессиональной улыбке. Но тут появляется настоящий Почтальон, вылезает из своей теплой машины на шипованной резине, вручает чудесную открытку с рождественскими поздравлениями, один вид которой греет душу. Рядом с ним, ядрена вошь, я выгляжу развозчиком угля. «А сюда почему ты не поехал?», – спросил начальник. «Там снег». «Спасибо, что напомнил. А то я забыл что на дворе январь!» Железная логика, и, поскольку возразить мне было нечем, на следующий день я не явился на работу. Ядрена вошь! Пришлось искать другую – четвертую за год. Три предыдущие были одна не лучше другой, так что следовало подумать о повышении социального статуса.

УМНИК. Кладовщик на полставки в почтовом сортировочном пункте. Как раз для меня: недалеко от дома, работа в помещении, в остальное время я мог учиться, чтобы наконец закончить университет. Так я оказался на практике в научно-исследовательском институте. Днем – прилежный и степенный исследователь, без зарплаты, а вечером

cercatore pacato, non stipendiato, e di sera un rude scaricatore-caricatore, che s' incazza coi pacchi pesanti, sputa in terra e stenta a distinguere le destinazioni 'Milano' da 'Sicilia'. Forse a qualche cliente dell'azienda scappò detto per causa mia "minchia! 'a *Madunina*", ma infine riuscii a spuntare un 97/110. Non ero più uno studentello che faceva qualche lavoretto intanto che finiva gli studi. Ora ero ufficialmente disoccupato.

GONGOLO. Sulla scia dell'entusiasmo avevo mollato quel lavoraccio che non s'addiceva al mio nuovo rango. Avendo tutti i requisiti necessari, decisi di godermi la disoccupazione a spese dello Stato che tanto avevo contribuito a crescere. Un po' di sangue a ciascuno. Mi sentivo brillante mentre inserivo la nuova voce nel curriculum: come una testa di unicorno nel soggiorno di un cacciatore, mostravo il mio trofeo alle maggiori aziende, di colpo sicuro delle mie competenze che certamente dovevano essere elencate su qualche attestato allegato al diploma di laurea. Passarono alcuni mesi e ancora niente. Dotto e abbandonato a me stesso, da vero intellettuale decisi di darmi al vino: operaio stagionale in una cantina che produceva vini di un certo pregio. Lavorando dalle 8:00 alle 23:30 ogni giorno sembrava un tempo indeterminato. Chiudevo gli occhi sull'abat-jour di casa e li riaprivo sulla cisterna che rimestava il mosto con quell'odore selvaggio che stordiva i sensi. Anche se in fondo stavo dall'altra parte del bancone, attraversai il tunnel e ne uscii stanco ma un poco più arricchito. Ancora ebbro, mi affacciai nuovamente sul mondo del lavoro. Dovevo solo mettere un passo avanti l'altro sulla linea bianca…

CUCCIOLO. È appena morto, ma l'anno vecchio è già un ricordo lontano. Quest'anno, ancora cucciolo e inesperto, sta muovendo i primi passi, non si può pretendere che dia subito frutti maturi. Si sa che il tempo libero lascia molto spazio alle domande esistenziali, ma la quotidianità fornisce semplici risposte così

– неотесанный грузчик, который то и дело злится из-за неподъемных коробок, чертыхается, силясь разобрать адрес получателя – то ли Милан, то ли Сицилия. Вероятно, у кого-то из клиентов нашей фирмы вырвалось по моей вине «минкья!» или «а'Мадунина»[1]. Наконец я закончил университет с приличными оценками. Я больше не был студентиком, который время от времени перебивается с одной работы на другую, пока заканчивает учебу. Теперь я официальный безработный.

ВЕСЕЛЬЧАК. Воодушевившись, я бросил работу – она не соответствовала моему нынешнему положению. Теперь у меня было все необходимое, чтобы насладиться статусом безработного за счет государства, в содержании которого я тоже когда-то участвовал. Каждому по заслугам. Я составлял резюме, гордость переполняла меня: каждый новый пункт, словно новые рога в коллекции охотника. Я демонстрировал свои трофеи крупным компаниям, козыряя познаниями в областях, перечисленных в одном из приложений к диплому. Прошло несколько месяцев – никакого результата. Я, как и прежде, был предоставлен сам себе со всей своей ученостью. Тогда я решил искать ответ в вине – как истинный интеллектуал. Устроился сезонным рабочим в винодельню, где производили дорогие вина. Ежедневная работа с раннего утра и до поздней ночи казалась бесконечной. Последнее, что я видел, засыпая, была настольная лампа, а продирал глаза я у цистерны, перемешивающей сусло, терпкий запах которого путал мысли. Хоть я и находился по ту сторону барной стойки, я все-таки увидел свет в конце туннеля, который помог мне выбраться, пускай смертельно уставшим, но хоть с какими-то деньгами. Не успев отойти от пьянящего дурмана, я снова принялся за поиски работы. Я был уверен: еще немного – и я на коне…

ПРОСТАЧОК. Прошлый год едва закончился, но кажется уже далеким воспоминанием.

---

[1] Ругательства: «минкья» - на Сицилии, «а' Мадунина» - в Милане.

a “viene prima l’uovo o la gallina?” fu detto “l’uovo”… di Pasqua. Magazzino uova di Pasqua, stagionale. E allora non me la prendo, in fondo in ogni uovo c’è una sorpresa e io ne ho a disposizione centinaia… basta scartarne uno, e ciò che viene metterlo nel sacco delle proprie esperienze, andare sul sito dell’agenzia, piantare un semino nell’orticello del proprio profilo e attendere, attendere, attendere...

Наступивший пока не набрал обороты, он делает первые шаги, ждать от него серьезных результатов еще рано. Все знают, что избыток свободного времени порождает множество экзистенциальных вопросов, на которые сама жизнь дает простые ответы. «Что появилось раньше яйцо или курица?» – «Яйцо»… Пасхальное. Предлагается сезонная работа на складе шоколадных пасхальных яиц. Пожалуй, откажусь. В любом яйце сюрприз, а у меня их сотня в запасе… разверни его и добавь к себе в копилку, затем зайди на сайт агентства, посади зернышко в огороде на своей странице и жди, жди, жди…

Nota critica

La condizione sociale dei giovani uomini e delle giovani donne è sempre stata problematica, in ogni tempo e in ogni Paese. C'è di mezzo la crescita personale e il confronto disorientante con il mondo adulto. C'è di mezzo il distacco dall'infanzia accompagnato dal simultaneo affacciarsi sul futuro. Così è sempre stato. E oggi?
Oggi – afflitta com'è la società da una crisi economica, sociale ed etica senza precedenti –, oggi la situazione si è fatta ancora più penosa.
Come tradurre questa "pena" in parole? Affidandosi alla rabbia? all'invettiva? alla rassegnazione? Gianluca Boroni sceglie l'arma dell'ironia. Sceglie di parafrasare la nota fiaba di *Biancaneve e i sette nani* dei fratelli Grimm e di farla diventare lo specchio della condizione giovanile di questi anni. Ed ecco allora che la parola "Biancaneve" diventa l'*username* di un *account*. Ed ecco che i nomi dei sette nani giungono a rappresentare altrettante fasi di un racconto di formazione. Mammolo, per esempio, diventa il simbolo del distacco dalla famiglia; Brontolo diventa la denuncia per la difficoltà di trovare un lavoro; Cucciolo diventa l'anno nuovo che non sembra aver altro da offrire che l'attesa.
È la caduta delle illusioni quella che qui tratteggia Boroni, mostrando che la realtà viene incontro ai giovani non per aiutarli nella crescita, ma per soffocarne i desideri e la volontà di sperare. Se il giovane eroe descritto da Joyce in *Dedalus* poteva alla fine esclamare: "Benvenuta, oh vita", non altrettanto potrà fare il protagonista di questo racconto, oppresso com'è da una società che sta dissipando i propri giovani e i loro talenti.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Социальное положение молодежи всегда было проблемой – какое бы время и какую бы страну мы ни взяли. Речь идет о личностном росте и обескураживающей встрече с миром взрослых, о прощании с детством, за которым открывается будущее. Так было всегда. А что сегодня?

Как выразить эти муки словами? Выплеснуть их вместе с гневом? Сорваться? Или может смириться? Джанлука Борони выбрал иное: его оружие – ирония. Он по-своему пересказал всем известную сказку братьев Гримм «Белоснежка и семь гномов», тем самым отразив, как в зеркале, положение молодых людей сегодня. Так «Белоснежка» становится логином на странице в интернете, а имена семи гномов олицетворяют семь частей рассказа о становлении героя. Например, Скромник символизирует отделение от семьи, Ворчун – жалобы на безрезультатные поиски работы, Простачок – наступающий год, который не сулит ничего, кроме длительного ожидания.

Крах иллюзий, описанный Джанлукой Борони, показывает реальность, идущую навстречу молодому поколению, но не для того, чтобы помочь вырасти и возмужать, а наоборот, чтобы убить желания и чаяния. Если молодой герой джойсовского «Улисса» мог воскликнуть в конце повествования: «Добро пожаловать, жизнь!», маловероятно, что то же самое мы бы услышали из уст главного героя этого рассказа, угнетенного обществом, не дорожащим своей молодежью и ее талантами.

Флавио Эрмини

Biografia

Gianluca Boroni è nato nel 1982 a Brescia, dove ha conseguito la maturità scientifica. Si è laureato in Scienze motorie a Verona e attualmente, dopo aver fatto diverse esperienze lavorative, è diventato educatore presso una cooperativa sociale in cui lavora con ragazzi con disabilità psicomotoria. Ha praticato nuoto a livello agonistico per quattordici anni, ma le sue vere passioni sono il disegno e, soprattutto, la poesia.

Биография

Джанлука Борони родился в 1982 году в Бреши, где окончил технический лицей. Высшее образование получил в Вероне, в области физической культуры и воспитания. В настоящее время, попробовав себя на различных поприщах, работает воспитателем в социальном центре с детьми, имеющими проблемы психомоторного развития.
На протяжении четырнадцати лет профессионально занимался плаванием, но его истинное призвание – рисование и поэзия.

Giovanni Duminuco

Traduzione in russo di Ksenija Timenčik

Джованни Думинуко

Перевод на русский язык Ксении Тименчик

LA FERITA

I

Verranno i giorni che hai contato sulla punta delle dita, verranno a chiedere il tuo nome. Tu non ridere, dimentica il buio, le contrazioni, i mutamenti del bianco: eppure, sono un soffio la visione del niente, le profondità dell'acqua, oltre il muro: c'è del grigio, tra queste pareti, nel sonno della pietra, laddove ogni forma si consuma, nella quiete abulica e disperata.

Una donna e una strada. L'ultimo sole che allunga le ombre sull'asfalto, gli angoli arrotondati delle case, passate in rassegna dal vento che negli anni ha scavato, eroso la pietra, come i corpi che incontra durante il cammino, passanti stretti nei pastrani grigi, i volti abbassati per ripararsi dalle raffiche che infuriano, nel giorno che lentamente muore per cedere il posto alla sera. Immobile, tra i corridoi di case e cemento, lo sguardo perso in un punto imprecisato dell'orizzonte, la linea sottile del cielo metallo. È tempo di andare, pensa. Ma il corpo rimane immobile, sospeso nella visione, i capelli che indovinano la direzione del vento, il freddo che incrosta le fragili ossa. Sei un rametto di mimosa, ripeteva sua madre, mentre la stringeva al petto, dove affondava la mandibola ossuta. La vide morire lentamente, tra le sue braccia, nella vestaglia bianca. Il calore di quell'ultimo respiro le ingrossò il petto.

II

Dove andrai, perduta, tra le pieghe sottili del sonno disertato, rimestando le ferite accecate dal sale, nei rivoli scolpiti sulla pelle sedotta dal vento, la pioggia tra i pini, dove affondano i cieli, nei corpi che muoiono tra i vicoli silenziosi?

РАНА

I

Придут дни, которые ты считала на кончиках пальцев, придут узнать твое имя. Ты не смейся, забудь тьму, судороги, смену оттенков белого: лишь мгновение видно ничто, глубины вод, по ту сторону стены; есть еще серое в этих стенах, в каменном сне, там, где растворяется любая форма, в безвольном и безнадежном покое.

Женщина и улица. В последних лучах солнца вытягиваются тени на асфальте, сглаженные углы домов, выстроившихся на парад перед ветром, который годами глодал и подтачивал камень, как и плоть попадающихся на его пути прохожих, которые кутаются в серые шинели и пригибают головы, чтобы защититься от бешеных порывов, в тот час, когда медленно угасающий день уступает место вечеру. Она стоит неподвижно в коридорах домов и бетона, взгляд устремлен в неуловимую точку на горизонте, тонкую линию металлического неба. Пора идти, думает она. Но тело остается неподвижным, завороженное открывшимся видом, волосы послушны ветру, холод покрывает коркой слабую плоть. Ты – веточка мимозы, говорила ей мать, когда она прижимала ее к груди, и та зарывалась в нее острым подбородком. Она видела, как мать медленно умирает у нее на руках, в белом домашнем халате. Тепло последнего дыхания наполняло ей грудь.

II

Куда пойдешь ты, потерявшись в неуловимых изгибах разоренного сна, бередя присыпанные солью раны, среди ручьев, высеченных на соблазненной ветром коже: дождь льет на заросли сосен, в которые погружаются небеса, на тела, умирающие в тихих закоулках?

Lascia scorrere l'acqua fino a riempire metà della vasca. Le piastrelle appannate riflettono il suo volto. Il mondo restituisce un'immagine distorta delle cose. Immerge una mano nell'acqua, poi vi sprofonda con tutto il corpo. Respira una nuvola di vapore, mentre chiude gli occhi, lasciando l'acqua gocciolare sulle ginocchia. Si sente troppo grande per quella vasca, ma le piace pensare di immergersi completamente, come nei film. Dalla porta socchiusa filtrano a intermittenza i lampi opalescenti del televisore lasciato acceso, il ronzio di una voce che parla in una lingua che non conosce. Da bambina pensava che il mondo, lontano dalle attenzioni degli uomini, vivesse di una vita propria, che a pochi era dato il privilegio di conoscere. Sono cambiate molte cose, da allora. Non si va da nessuna parte, si ripete, soffiando bolle di sapone. Tra qualche ora incontrerà un uomo. Non sarà di certo l'uomo della tua vita, le aveva detto Sonia. Un incontro come tanti. Lasciarsi scorrere il tempo addosso, abbandonarsi all'ipotesi di una provvisoria felicità. Fuori dalla vasca, si asciuga in fretta. È in anticipo. Le piace essere pronta anzitempo, forse per quella sua abitudine di giocare con il mondo. Che strano gioco, la vita. Un gioco senza regole, dove ognuno muove i propri passi alla ricerca di un traguardo, un punto d'arrivo. Io non so giocare, dice a voce alta. Non è per me questo incantesimo. Si veste di lana pesante, un cappotto bianco che non indossa da anni. Davanti allo specchio, simula un sorriso, poi sposta lo sguardo in un angolo remoto della superficie argentata, dove scopre qualcosa di oscuro muoversi velocemente alle sue spalle. Due occhi neri. Prima di uscire, spegne il televisore. Poi piange, chiudendo a chiave la porta. Anna, il suo nome.

III

Cosa sarebbe poi, un'immagine ritagliata dalla cornice, nell'attesa che la memoria si compia, in attimi e brandelli di esistenza: il giardino delle rose, gli occhi spalancati sul nulla, tra queste pareti, sempre le stesse, le stesse immagini, ancora, in un vortice continuo: la bocca, una punta di spillo sulla quale annegare.

Она наполняет ванну до половины. В запотевшей плитке отражается ее лицо. Мир как кривое зеркало. Она пробует воду рукой, потом окунается целиком. Вдыхает облако пара, закрывая глаза и подставляя колени под струи воды. Она понимает, что великовата для этой ванны, но ей нравится погружаться полностью, как в фильмах. Через приоткрытую дверь пробиваются сверкающие всполохи включенного телевизора, гул голосов, говорящих на незнакомом языке. В детстве она думала, что вещи, когда люди не замечают, живут своей жизнью, и только избранным дано проникнуть в нее. Многое изменилось с тех пор. И никуда это все не приводит, говорит она, выдувая мыльные пузыри. Через несколько часов ей встречаться с мужчиной. Разумеется, это не мужчина твой жизни, сказала ей Соня. Встреча, каких миллион. Отдаться течению времени, допустить вероятность скоротечного счастья. Выбравшись из ванны, она наспех вытирается. Она совсем не опаздывает, наоборот. Ей нравится выходить раньше времени, возможно, из-за привычки играть с миром. Что за странная игра – жизнь. Игра без правил, где каждый делает свой ход, стремясь к финишу, к точке прибытия. Я не умею играть, произносит она вслух. Эти трюки не для меня. Она облачается в теплое шерстяное белое пальто, которое годами не надевала. Перед зеркалом пытается улыбнуться, потом переводит взгляд в дальний угол зеркальной глади: там что-то темное проносится у нее за спиной. Два черных глаза. Перед выходом она выключает телевизор. Плачет, запирая дверь. Анна ее имя.

III

Что будет потом картинкой, вырезанной из рамки, в ожидании, когда кончатся воспоминания, в мгновениях и ошметках бытия: розовый сад, вытаращенные почему-то глаза, в этих стенах, одних и тех же стенах, одни и те же картинки, в бесконечном водовороте – рот, острие иглы, в котором потонешь.

Ресторан у реки. Мужчина под пятьдесят, от него пахнет ванилью. Они едят лангустов

Un ristorante, nei pressi del fiume. L'uomo, sulla cinquantina, profuma di vaniglia. Mangiano aragosta e bevono vino italiano. Sei bella, le dice. Anna sorride, mostrando i denti bianchi. La sala è piena di gente che rumoreggia. Il tintinnio dei bicchieri le ricorda le campane dell'infanzia. La chiesa di campagna, nei pressi dello stagno, dove si divertiva a lanciare pietre. Rimaneva per ore a osservare i cerchi concentrici che si formavano quando la pietra annegava nell'acqua, cerchi che si ingrossavano, per poi svanire. Acqua nell'acqua. L'uomo le racconta di essere un viaggiatore e che una volta si è spinto in un avventura in canoa fino alla foce del Volga, dove è rimasto per un'intera notte a guardare il cielo stellato. Lei lo ascolta distrattamente. Il televisore trasmette una gara di pattinaggio artistico. Osserva quelle gambe, belle e muscolose. Anni di allenamento. Usciamo, dice. Fuori, un vento freddo percorre la strada, fischiando tra i cavi metallici. Camminano insieme, scambiandosi parole sulla primavera che tarda ad arrivare, sulla moria dei corvi, quell'anno più intensa del solito. Cosa sta accadendo in questo mondo? Da una delle finestre aperte delle case che delimitano la strada, un vecchio grammofono diffonde una melodia per archi. È lì, sul davanzale, immobile nella sua assoluta presenza. Una melodia invernale. Anna chiude gli occhi e immagina la neve. L'uomo la guarda con aria divertita. Potremmo andare da qualche parte, dice. Una sala da ballo. Si fermano nei pressi di un vecchio ponte. Il parapetto in pietra è consumato dal tempo. Appoggiano i gomiti in direzione del canale. Chissà quanta gente si è fermata qui, pensa Anna. Alcune anatre attraversano il ponte, lasciandosi dietro una striscia d'acqua più scura. Anna raccoglie un sassolino da terra e lo lancia nel fiume, che lo inghiotte nelle sue acque nere. Nessun cerchio, questa volta. L'uomo è silenzioso e osserva le anatre. Non conosco ancora il tuo nome, le dice. Anna sposta lo sguardo sulle sue mani. Sto morendo di un male incurabile. Non dobbiamo vederci mai più, dice.

IV

Sarebbe oltremodo valida l'ipotesi di raccogliere il vento, la luce tra le lame, il segno del

и пьют итальянское вино. Ты красивая, говорит он ей. Анна улыбается, обнажая белые зубы. Зал набит людьми, гул голосов. Перезвон бокалов напоминает ей колокола детства. Деревенская церковь у пруда, в который она бросала камушки. Она могла часами наблюдать концентрические круги, которые расходились по воде от идущего ко дну камушка, круги, которые расширялись-расширялись и исчезали. Вода в воде. Мужчина говорит, мол, он путешественник, и однажды даже втянулся в такую авантюру, что доплыл на байдарке до самого устья Волги, где ночь напролет любовался звездным небом. Она слушает вполуха. По телевизору идет фигурное катание. Она разглядывает ноги фигуристов, красивые и мускулистые. Годы тренировок. Пойдем на улицу, говорит она. Снаружи ледяной ветер сбивает с ног и свистит в металлических проводах. Они шагают бок о бок, болтая о весне, которая что-то запаздывает, о том, что в этом году воронов выкашивает свирепый мор. Что происходит в этом мире? Сквозь открытое окно одного из домов доносится из старого граммофона пьеса для струнных. Вот она прямо тут, на карнизе, недвижима в своем абсолютном присутствии. Зимняя мелодия. Анна закрывает глаза и представляет себе снег. Мужчина смотрит на нее с интересом. Может пойдем куда-нибудь, говорит он. Потанцуем. Они останавливаются у старого моста. Каменный парапет изъеден временем. Они опираются на него, выставив локти к воде. Как знать, сколько людей тут стояло, думает Анна. Под мостом проплывают утки, оставляя на воде темную полосу. Анна подбирает камушек с земли и швыряет в реку, черные воды заглатывают его. На этот раз ни одного круга. Мужчина молчит и смотрит на уток. Я так и не знаю твоего имени, говорит он. Анна переводит взгляд на свои руки. Я умираю от неизлечимой болезни. Нам не стоит больше встречаться, никогда, говорит она.

IV

Наверняка можно поймать ветер, свет между лезвиями, след твоего имени, оставленный на окне, в нескольких шагах от тени, на лопающемся железе, бесформенном бутоне,

tuo nome inciso alla finestra, a pochi passi dall'ombra, nel ferro che scoppia, bocciolo informe, tra le protuberanze molteplici, visioni annientate dallo spettro, mutilando la pietra, al di là di ogni visione: un soffio tra le palpebre scomposte, senza rincorrere alcunché, se non un'idea di compimento.

Non avresti dovuto. Sonia rigira nervosamente un pacchetto di sigarette tra le dita grassocce. Anna ordina un altro caffè macchiato. Non ci riesco, dice. È più forte di me. Una ferita che non si rimargina. Mi sta divorando, lentamente. Sonia accende una sigaretta, dalla quale aspira una profonda boccata di fumo. Anna assottiglia tra le mani l'involucro di una bustina di zucchero. Ha lo sguardo smarrito tra le gocce di pioggia incollate ai vetri. C'è poca gente ai tavoli. L'aria è impregnata dell'odore del caffè. Appoggiato al bancone del bar, un uomo ordina una birra. Ho sentito che nelle prossime ore pioverà a dirotto, dice al barista. Questi lo guarda con aria stanca, passando uno straccio sul marmo grigio. Il volume della radio è troppo basso per riuscire a distrarsi. Esiste un tipo di silenzio dal quale non si sfugge. È quello dei sussurri, dei fantasmi, ritagli di esistenza. Un lampo illumina la strada. Comincia a piovere a dirotto. Una prigione d'acqua, dice Anna. Mi ricorda l'infanzia, quando ancora non conoscevo il male. È da quel momento che cominciamo a smarrire il senso, allontanandoci dall'innocenza, verso una strada che sappiamo non ci condurrà da nessuna parte. Sonia inala le ultime boccate di fumo dalla sigaretta. Anna osserva il rosso tremolante della brace. È mia madre che me lo ha trasmesso, dice. Con i suoi abbracci.

V

L'abitudine di calpestare le foglie, inseguire l'ombra, un passo alla volta, i vetri sotto i piedi, tra le fenditure della pietra, nei fotogrammi alterati di un'esibizione della carne, rimestando il dito nella ferita, i pesci morti nell'acquario, sopra il tavolo di cenere: un

среди многочисленных выступов, видений, уничтоженных призраком, уродуя камень, выходя за пределы восприятия: дуновение сквозь растрепанные веки, не стремиться ни к чему, кроме того, чтобы все, наконец, завершилось.

Зря ты так. Соня нервно вертит в пухлых пальцах пачку сигарет. Анна заказывает еще один кофе с молоком. У меня не получается, говорит она. Это сильнее меня. Рана, которая не заживает. Она пожирает меня, медленно-медленно. Соня прикуривает и глубоко затягивается. Анна катает в руках пакетик из-под сахара. Взгляд ее блуждает по каплям дождя, приклеенным к стеклу. За столиками мало народу. Воздух пропитан ароматом кофе. Какой-то мужчина, облокотившись о стойку, заказывает пиво. Я слышал, сегодня будет ливень, говорит он бармену. Тот смотрит на него с усталым видом, протирая тряпкой серый мрамор. Радио играет слишком тихо, чтобы можно было отвлечься. Бывает такая тишина, от которой не убежишь. Тишина шепотков, призраков, обрезков бытия. Молния освещает улицу. Начинается ливень. Тюрьма из воды, говорит Анна. Это напоминает мне детство, когда я еще не знала хвори. Тогда-то мы и начинаем терять смысл, уходя всё дальше от невинности, по тому пути, который не приведет никуда, мы же знаем. Соня делает последнюю затяжку. Анна глядит на мерцающий пепел. Это передалось мне от мамы, говорит она. Через ее объятия.

V

Привычка растаптывать листья, гнаться за тенью, шаг за шагом, под ногами осколки, по расщелинам камней, словно в искаженных кадрах, представляющих плоть, бередя пальцем рану; дохлые рыбки в аквариуме, на ложе из пепла: пылинка, еще одна гипотеза становления: небытие, ставящее себя выше ветра: воск, похороненный под снегом, черный изгиб раздвоенного хвоста.

Один из способов уйти заключается в том, чтобы закрыть глаза на какое-то время и

granello di polvere, un'altra ipotesi del divenire: il nulla, nella sua pretesa di sovrapporsi al vento: la cera sepolta sotto la neve, il nero guizzo della coda tagliata in due.

Uno dei modi per andarsene consiste nel chiudere gli occhi per un tempo imprecisato e rimanere immobili, le braccia lungo i fianchi, nella postura rigida del silenzio, simulando la morte, la rigidità del legno. Essere albero, o pietra. Poco importa. Chiudendo gli occhi, si scompare, un pezzo alla volta. Qualcuno preferisce partire, da un giorno all'altro, lasciarsi tutto alle spalle, una moglie disperata, quattro marmocchi in lacrime, le briciole del pane sulla tavola apparecchiata. Ognuno segue la propria strada. Anna chiude gli occhi. Il respiro è denso, fermo nel grembo, calda presenza, nella consapevolezza della carne, ipotesi dell'assenza, di quel bianco che comincia a ricoprire ogni cosa, le pareti, le fotografie dagli angoli smussati sparse sopra il tavolo, i fogli di carta dove tenere traccia delle abitudini. Cosa rimane, di questi giorni? Parole incompiute, disperse tra i lamenti del sonno agitato. Cieli urlanti, nella notte che sfugge all'agire. C'è qualcosa, nella stanza. Qualcuno. Fantasmi del passato. Ritagli obliqui di percezioni sopite, nel vuoto cieco di un'esistenza.

VI

L'orecchio scavato nella pietra, un orecchio per sentire il suono delle sirene, tra i passi recisi dall'ombra: gli occhi anneriti dal fumo che la memoria esala: il tuo nome, ricordi? La bocca imbrattata di nero, il segno del vuoto, nella tempesta inesplosa, veleno che scorre dalle cavità dei fianchi: dovevamo percorrere il bordo di questa visione, le mani intrecciate dietro la schiena, il nome tagliato dal vento, gridato alla pietra, alle fessure del cranio: il nome, dietro ogni cosa: la specie, il sangue, il cordoglio della ferita.

лежать неподвижно, руки по швам, застыв в тишине и притворяясь мертвым, твердым, как дерево. Стать деревом или камнем. Неважно. Стоит закрыть глаза, и ты по кусочкам отмираешь. Кто-то предпочитает внезапно уйти, бросив все: безутешную жену, четырех малышей в слезах, крошки хлеба на накрытом столе. Каждый идет своей дорогой. Анна закрывает глаза. Дыхание плотное, задержанное в утробе, теплое присутствие, причастность плоти, возможность отсутствия, белого, что уже покрывает все кругом: стены, фотографии с потрепанными уголками, разбросанные по столу, листы бумаги, хранящие следы привычек. Что останется от этих дней? Недосказанные слова, затерянные среди стонов беспокойного сна. Вопиющие небеса в ночи, что бежит любого действия. Что-то есть в этой комнате. Кто-то. Призраки прошлого. Неровные обрезки усыпленного восприятия, в слепой пустоте бытия.

VI

Ухо, высеченное в камне, ухо, чтобы слышать вой сирен, сквозь вырезанные из тени шаги: глаза, потемневшие от дыма, что клубится над воспоминаниями: свое имя ты помнишь? Рот, измазанный черным, знак пустоты, в неразразившейся буре, яд, что стекает по впалым бокам: мы должны были перешагнуть край видения, руки сцеплены за спиной, имя, вырезанное из ветра, выкрикнутое в лицо камню, прорезям в черепе: имя, что стоит за всем: животным видом, кровью, скорбью раны.

Nota critica

Sono due le voci che occupano la scena narrativa de *La ferita*. La prima voce racconta alcuni momenti della vita di una donna, Anna, che fa i conti con un'insopprimibile infelicità. Nella seconda voce è il dolore stesso che parla.
Giovanni Duminuco registra con questo racconto che il malessere da cui siamo tormentati sin dalla nascita rappresenta lo strato di fondo veramente portante dell'esistenza.
La felicità è una fioritura. Riguarda pochi attimi; sussiste poco. Il dolore è invece qualcosa che sta appeso all'albero della vita e non dura soltanto una primavera, ma anche per tutto l'inverno, per tutto l'anno. Scrive Rilke: "I dolori sono il nostro oscuro sempreverde".
Quella che ne *La ferita* va in scena è una discesa negli abissi della sofferenza e della perdita. Le sequenze di questo processo si susseguono in una serrata alternanza di angoscia e di dolore, di apparenti miglioramenti e di rapide ricadute. Ecco perché possiamo dire che questo racconto è un flusso ininterrotto di emozioni: dallo smarrimento alla desolazione, dalle inquietudini del cuore alle ombre spettrali della mente.
Le due voci ci parlano di volti e sguardi che testimoniano una solitudine senza fine, una solitudine che nessun altro essere umano (madre o uomo o amica che sia) potrà lenire. Sono sguardi che non riescono ad aprirsi alla speranza, all'attesa di qualcosa che dia un senso alla vita. Le due voci sono incrinate da una malinconia lacerante. E si configurano come le due labbra di una ferita che non si può rimarginare, perché è una ferita dell'anima.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Два голоса звучат в рассказе «Рана». Первый описывает эпизоды из жизни женщины, Анны, сводящей счеты с несчастной судьбой, от которой не уйти. Вторым голосом говорит сама боль.

Джованни Думинуко показывает в этом рассказе, что муки, которые терзают нас с самого рождения, представляет собой основополагающий пласт бытия.

Счастье – как весеннее цветение. Оно быстротечно и мало значит. Боль же прочно связана с древом жизни. Цветение длится одну весну, боль – и весну, и зиму, целый год. Рильке писал, что муки «наши вечнозеленые листья, наш темный барвинок»[1].

В «Ране» показано погружение в бездну страдания и потери. Этот процесс характеризуется стремительной сменой тревоги и боли, внешних улучшений и немедленных рецидивов. Поэтому можно сказать, что перед нами непрерывный поток эмоций: от растерянности до отчаянья, от душевной тоски до призрачных теней сознания.

Два голоса рассказывают нам о лицах и взорах с печатью бесконечного одиночества – одиночества, которое ни одно живое существо (мать, мужчина или подруга) не может облегчить. Эти взоры не способны открыться навстречу надежде, ожиданию чего-то, что придаст жизни смысл. Оба голоса отравлены пронзительной печалью. Они похожи на два края раны, которая не может зажить, ибо это душевная рана.

Флавио Эрмини

---

[1] Цитата приводится в переводе В.Б. Микушевича по изданию Р.М. Рильке, Дуинские элегии, 1912–1922, Мюнхен–Москва, 2002, стр. 46.

Biografia

Giovanni Duminuco (1980) vive e lavora in Sicilia. È attivo nel campo della ricerca filosofica e psicologica, con diversi studi pubblicati in riviste specializzate. Da sempre interessato alla ricerca letteraria, nel 2013, con l'opera *Dinamiche del disaccordo*, si è aggiudicato la XXVII edizione del Premio "Lorenzo Montano", sezione "Raccolta inedita".

Биография

Джованни Думинуко (1980) живет и работает на Сицилии. Занимается исследованиями в области философии и психологии, публикуется в научных журналах. Всегда увлекался литературой, в 2013 г. за сборник стихов «Развития разногласий» был удостоен премии «Лоренцо Монтано» в номинации «Неопубликованный сборник».

Gianluca Lattuada

Traduzione in russo di Anna Kabanova

Джанлука Латтуада

Перевод на русский язык Анны Кабановой

PASTICCERIA DAL 1908

Mi sono seduto in un tavolo nell'angolo in fondo a destra, nella parte della stanza con meno passaggio, così da poter vedere una donna sulla cinquantina, ma comunque in forma, ordinare un cappuccino con molto latte e senza cacao, con le estremità delle labbra leggermente protese all'esterno, una via di mezzo tra la bocca di un pesce e un sorriso accennato, espressione che ha l'intento di attirare l'attenzione del barista per ricevere la bevanda bollente prima dell'uomo distinto appoggiato al bancone qualche metro più in là, impegnato a leggere sull'iPad le quotazioni della Borsa asiatica chiusa qualche ora fa. Il barista, un ragazzo di circa venticinque anni con un taglio di capelli *hipster* corto sui lati, sopra impomatato e i baffi che si arricciano sulla guancia e lo fanno sembrare più vecchio di almeno un paio di anni, sa come coccolare i propri clienti e, approfittando della distrazione del broker, prepara il piattino con sopra un dolcetto al cioccolato al latte di produzione propria, dato che il bar ha anche la pasticceria interna, sull'insegna c'è scritto dal 1908, e il quartiere è abitato soprattutto da famiglie con un reddito medio-alto che la domenica acquistano centinaia di vassoi di paste rendendo il settore dolciario prima fonte di reddito durante il weekend, superando l'introito dei caffè espresso che sono il prodotto con maggiore margine di guadagno durante la settimana, e posiziona il cappuccino con molto latte e senza cacao di fronte alla donna sulla cinquantina, ma comunque in forma, la quale ricambia con un sorriso che lascia intravedere il bianco avorio degli incisivi, sicuramente sistemati da un odontotecnico negli ultimi dieci anni. Sul tavolo, quello in fondo a destra nella parte del bar con meno passaggio e lontano dai bagni perché soffro di una leggera forma di ipocondria tale per cui considero i servizi pubblici poco igienici e non adatti a essere attigui alla stanza in cui si mangia, è appoggiato il "Corriere della Sera" di oggi che riporta l'assegnazione di un Golden Globe a *La Grande Bellezza*, film diretto da Sorrentino e interpretato da Servillo che

КОНДИТЕРСКАЯ 1908 ГОДА

Я занял столик в дальнем правом углу, вдали от прохода, чтобы видеть женщину – лет пятидесяти, но в форме – что заказала «большой капучино, много молока и без какао, пожалуйста», слегка оттопырила губы, застывшие на полпути между рыбьим профилем и полуулыбкой, в надежде завладеть вниманием бармена и получить свой обжигающий заказ быстрее изысканного типа, в нескольких метрах от нее, поглощенного изучением айпада с таблицами котировок азиатского рынка, уже к тому времени закрывшегося. Бармен – молодой парень лет двадцати пяти, с хипстерской стрижкой, бритыми висками, напомаженным чубом и завивающимися кончиками усов, старящих его, по крайней мере, на пару лет – знает, как холить собственных клиентов, и, пользуясь невниманием брокера, вначале выбирает десерт из белого шоколада, – а мы ведь все-таки в кондитерской, старинной, открытой, судя по вывеске, в 1908 году в этом квартале, населенном семьями со средне-высоким достатком, что воскресными днями покупают тысячи упаковок со сладостями, выводя выручку кондитерских на первое место по результатам выходных, выше прибыли от приготовления эспрессо, занимающей верхнюю строку доходов по будням, – а потом ставит дымящийся капучино, много молока и без какао, перед его владелицей – лет пятидесяти, но в форме – которая одаривает парня проблескивающей жемчугом улыбкой, плодом труда проверенного зубного врача. На моем столике, в дальнем правом углу, вдали от прохода и туалета, с коим из брезгливости я предпочел бы не соседствовать, лежит сегодняшняя «Коррьере делла Сера» с известием о Золотом Глобусе, присужденном «Великой красоте»: фильму Соррентино, в главной роли – Сервилло; в фильме так мастерски показаны пороки и противоречия новой буржуазии, что он, естественно, был проиг-

mette in luce i vizi e le contraddizioni della nuova borghesia italiana in maniera così magistrale da essere stato snobbato dalle rassegne cinematografiche franco-italiane, per poi essere vendicato artisticamente dall'Asse Berlino-Hollywood, così che tutti qui in Italia, dando ragione allo stereotipo *sorrentiniano*, ora parlano di un film che ha praticamente l'Oscar in mano. Il lettore in questo momento si sta aspettando diverse cose, innanzitutto che sveli la vera identità del narratore e dica il motivo per cui si trova in questo bar e, in secondo luogo, freme per lo svolgersi di un avvenimento imprevisto che rompa l'equilibrio della scena e che lo accompagni, attraverso un climax ascendente, nella risoluzione finale del nodo, possibilmente senza il retrogusto del caffè amaro che ho in bocca io in questo momento. Al primo quesito posso dare una risposta sommaria, senza tirare in ballo i filosofi dell'ontologia, rispondendo che sono una persona qualunque che abita nella periferia di una grande città, a cui piace andare a bere il caffè ogni mattina sempre nello stesso bar situato in un quartiere del centro dove da poco tempo sono stati costruiti tre grattacieli che hanno reso la città una metropoli internazionale a tutti gli effetti, bar che è anche pasticceria dal 1908, a soli venti minuti da casa se si percorre la strada di notte quando in giro non c'è nessuno, trentacinque-quaranta di mattina nell'ora di punta. Di professione, o meglio per vocazione, faccio lo scrittore, ma nessuno vuole pubblicare le storie che scrivo perché gli *editor* dicono che metto troppe virgole e buttano tutto prima di arrivare alla fine, uno di quelli l'ho incontrato una sera in discoteca e l'ho picchiato, due pugni, uno andato a vuoto e uno a segno sull'occhio destro che è diventato nero nel giro di qualche minuto, era al tavolo del *privé* con la mia ex ragazza e beveva *champagne* francese al costo di duecento euro a bottiglia, la stessa che al supermercato trovi a ventitré euro e novanta, ma questa è un'altra storia. Per quanto riguarda la costruzione del racconto devo dare una brutta notizia al lettore, perché questa storia molto probabilmente non ha una fine e forse non può essere considerata nemmeno una storia, a meno che il lettore non abbia letto gli ultimi cinquant'anni di letteratura postmoderna occidentale o gli ultimi cento di quella russa. Forse le infor-

норирован франко-итальянской прессой, чтобы затем быть вознесенным на пьедестал мстительным союзом Берлина и Голливуда. Конечно, этого хватило, чтобы все тут же уверовали в «соррентинский» стереотип, ведь, неудивительно, фильм-то наверняка возьмет Оскара. Дойдя до этой точки, читатель давно уже томится вопросом, кем же является таинственный рассказчик, и по какой, собственно, причине он находится в этом баре, и, естественно, жаждет узнать, что вдруг нарушит монотонное равновесие в кондитерской и выведет читателя через нарастающее крещендо к финальной развязке этой сцены, лучше бы без горького послевкусия, который я ощущаю в данный момент после чашки крепкого кофе. На первый вопрос я отвечу вкратце, не привлекая философов-онтологов, что, собственно, являюсь типичным жителем окраины большого города, которому нравится выпивать свой утренний кофе в одном и том же баре – расположенном в центральном квартале этого уже мегаполиса, где небоскребы растут как грибы после дождя, – в баре-кондитерской 1908 года, всего в двадцати минутах езды от дома, когда на ночных улицах нет ни одной живой души, но в утренние загруженные часы двадцать минут становятся тридцатью пятью и даже сорока. По профессии, вернее – по призванию, я являюсь писателем. Непечатаемым: редакторы путаются в моих запятых и выбрасывают рукописи, даже не дочитав. Так, одного из них я побил недавно на дискотеке: два удара, один – в пустоту, другой – в почерневший тут же глаз. Редактор сидел в отдельном зале в компании моей бывшей и пил французское шампанское, двести евро за бутылку, что в супермаркете найдется по двадцать девяносто – но это уже совсем другая история. Касаемо самого повествования, приходится дать читателю неутешительную новость: никакой развязки в рассказе, скорее всего, не случится; да и вряд ли это вообще можно будет назвать рассказом, конечно, если только читатель не знаком с литературой постмодерна последних лет пятидесяти или с прошедшим веком литературы русской. Вполне возможно, что

mazioni che sono state presentate fin qui, utili per creare un filo conduttore, non sono reali e in verità io potrei non essere seduto al tavolo in fondo destra, nella parte della stanza con meno passaggio, ma magari essere il barista *hispter* con i baffi arricciati sulla guancia e non capire molto di letteratura, potrei aver comprato *Infinite Jest* e averne letto solo qualche decina di pagine, avere la perversione di analizzare la psicologia dei clienti in attesa del caffè al bancone e nascondere un debole per le donne mature, o potrei anche essere l'uomo distinto, il presunto broker che legge le notizie di Borsa, e di letteratura capirne ancora meno, ma in questo caso potrei spiegare benissimo lo *yield to maturity* di un'obbligazione, calcolare l'equazione differenziale della formula di Black-Scholes-Merton e operare strategie di copertura tramite *futures* su mercati *over the counter*. Un lettore attento, poi, si chiederebbe come faccio a sapere che di notte, quando non c'è traffico, mi ci vogliono venti minuti per raggiungere il bar nel quartiere in centro, particolare che fa intendere che percorro la strada in un orario in cui è presumibilmente chiuso e che potrebbe indurre una persona con molta fantasia a immaginare che in realtà io sia la signora sulla cinquantina, ma comunque in forma, e che in questo momento stia appoggiando le labbra sulla schiuma bianca del cappuccino con molto latte e senza cacao, cappuccino che in realtà non è la mia colazione come molti potrebbero pensare, ma il pasto prima di andare a dormire dopo una notte intera di lavoro, iniziata alle undici di ieri sera e terminata alle sette di stamattina, ovvero due ore fa, con l'ultimo cliente venuto da me prima di attaccare il turno, nell'appartamento affittato per milleduecento euro al mese al quarto piano dello stesso stabile del bar nel quartiere in centro dove vivono famiglie con reddito medio-alto, e dopo aver mangiato il dolcetto, quello al cioccolato al latte di produzione propria, prenderò l'auto e mi avvierò verso la mia casa in periferia, una villetta a schiera quattro locali più un piccolo giardino, percorrendo la strada nell'ora di punta e mettendoci trentacinque-quaranta minuti, ma nella direzione opposta immaginata dal lettore la prima volta che ha elaborato frettolosamente questa informazione ritenuta poco importante. Quello che rimarrà della storia di

обстоятельства, вылепившие остов этой истории, никогда не случались, что я и сам никогда не присаживался за столик в дальнем правом углу, вдали от прохода, а на деле был тем самым барменом-хипстером с завивающимися усами, мало разбирающимся в литературе – возможно, даже купившим «Бесконечную шутку»[1], но не осилившим больше пары десятков страниц, – барменом с непреодолимой склонностью к психоанализу клиентов в ожидании кофе и затаенной тягой к зрелым женщинам. Или же я был тем брокером, что пересматривал новости биржи, а в литературе разбирался и того меньше, но с легкостью вычислял доходность к погашению *облигаций, сложные интегралы формулы Блэка-Шоулза-Мертона и покрытие через фьючерсы внебиржевых рынков*. Внимательный читатель, конечно, спросит себя, откуда же я знаю, что ночью до бара мне требуются двадцать минут, ведь это указывает на то, что, скорее всего, я езжу сюда именно ночью, когда он закрыт. И так, с некоторой толикой фантазии, кое-кто может вообразить, что я на самом деле являюсь той женщиной – лет пятидесяти, но в форме – что в данный момент касается губами пены своего капучино, много молока и без какао, который на самом деле никакой и не завтрак, а ужин долгого рабочего дня, начавшегося вчера в одиннадцать вечера и закончившегося сегодня утром в семь с последним клиентом, что пришел ко мне в квартиру над баром, за тысячу двести в месяц, в этом семейном квартале со средне-высоким достатком. И что, закончив десерт из белого шоколада в кондитерской, я сяду в машину и поеду домой – на окраину Милана, к небольшой вилле в ряду себе подобных, четыре комнаты и маленький сад – в утренний загруженный час, когда дорога растянется на добрых тридцать пять-сорок минут, но в совершенно другом направлении по отношению к тому, что представил себе

---

[1] Речь идет о романе американского писателя Дэвида Фостера Уоллеса.

questi personaggi non è dato sapere, forse alcuni in questo preciso momento sono già morti e magari nel bar non si sono mai incontrati. Forse quel tavolino, nell'angolo in fondo a destra, nella parte della stanza con meno passaggio, ora è occupato da una coppia di giovani adolescenti che hanno bigiato la scuola con la scusa della manifestazione *controqualcosa* e adesso si stanno scambiando promesse di amore eterno, mentre al bancone c'è un tizio triste che sta leggendo *Il flauto di vertebre* di Majakovskij e gli sta passando per la mente di mettere il punto di un proiettile alla propria sorte, senza un concerto d'addio, senza parole destinate all'oblio scritte sopra un tovagliolo, di quelli che si trovano nei bar, fini e trasparenti come la carta velina, come al bar che è anche pasticceria dal 1908, foglio-tovagliolo che rimarrà bianco e perciò verrà buttato un attimo dopo che il tizio sarà uscito dalla stessa porta da cui è entrato. Questa, caro lettore, in fin dei conti è una storia d'amore, un amore verso l'umanità intera e la sua sfumatura, bianca o nera che sia, una storia che parla di persone comuni in una mattina come tante in un bar del centro, la storia scritta da un uomo qualunque che ogni giorno guarda in faccia il suo destino e racconta delle storie per pensare ad altro.

читатель, мельком прочитав мои географические заметки в начале рассказа. То, что случилось с героями этой истории, нам знать не дано: некоторые из них, возможно, уже умерли и, вероятно, в баре так и не повстречались. Возможно, за тем столиком в дальнем правом углу, вдали от прохода, сейчас сидит парочка, слинявшая из школы под предлогом очередной манифестации против-чего-то, и в данную секунду обменивается пылкими обещаниями в вечной любви. А за стойкой печальный тип читает «Флейту-позвоночник» Маяковского и все чаще думает, а не поставить ли ему точку пулей, не дав прощального концерта, без обреченных на забвение слов на салфетке, – из тех тонких, полупрозрачных, что можно найти в любом баре, как и в этой кондитерской 1908 года, – салфетке, оставшейся белой, которую выбросят, как только клиент выйдет из двери, через которую когда-то вошел. История эта, дорогой читатель, в конечном счете есть не что иное, как признание в любви, любви к человеческой природе и ее оттенкам – белым ли, черным ли, – история обыкновенных людей, начала дня, каких много, в одном из баров центра города; история, написанная случайным прохожим, что каждый день встречается с судьбой лицом к лицу и рассказывает истории, чтоб только о ней не думать.

Nota critica

Il soggetto di questo racconto di Gianluca Lattuada è un narratore impegnato su due fronti: raccontare quello che accade intorno a lui e, in pari tempo, dialogare con un lettore ideale circa quello che sta accadendo. È seduto in un bar (una pasticceria fondata nel 1908, per la precisione) "in un tavolo nell'angolo in fondo a destra, nella parte della stanza con meno passaggio" in modo da poter osservare il mondo con un certo distacco, come se si trovasse a teatro. Il suo sguardo è minuzioso; percepisce con esattezza forme, colori, distanze.

Il narratore sa tuttavia che non potrà accedere con la propria persona allo spazio descritto. Ecco perché si rivolge al lettore: per sentirsi meno solo di fronte a questa rappresentazione e soprattutto per essere aiutato ad andare oltre le apparenze e a raccontare fino in fondo il suo "amore verso l'umanità intera".

Ecco quali sono i compiti che Lattuada affida al narratore: osservare il molteplice e multiforme alfabeto del reale e raccontarlo; andare incontro senza pregiudizi alle cose che ci circondano e ci comprendono; descrivere le vite che tessono la nostra storia e che forgiano inconsapevolmente la nostra esistenza.

E il lettore? In questo reticolato verbale, il lettore si trova a seguire una guida che lo colloca nella trama del racconto e lo fa diventare – lui stesso – un personaggio, imponendogli sentimenti e sensi; una guida che lo lascia penetrare negli interstizi più nascosti della narrazione, dov'è oltremodo vivo il mistero insondabile della casualità del nostro essere al mondo.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Своему герою, рассказчику, Джанлука Латтуада поручает две задачи: описывать происходящие вокруг него события и одновременно обсуждать их, ведя диалог с вымышленным слушателем. Рассказчик «занял столик в дальнем правом углу, вдали от прохода» в баре (если быть точным – в кондитерской 1908 года), расположившись в отдалении от окружающих персонажей, будто в театре. От внимательного взгляда героя не ускользает ни малейшей детали: он точно описывает предметы и людей – их взаимное расположение, цвета и формы.

Вместе с тем, рассказчик понимает, что не сможет присоединиться к происходящему, и именно поэтому он обращается к читателю: чтобы почувствовать себя менее одиноким, попросить о помощи. Диалог с читателем призван помочь ему избежать поверхностных суждений и в полной мере выразить «признание в любви, любви к человеческой природе и ее оттенкам».

Латтуада ставит перед рассказчиком несколько задач: пересказать сложную многообразную азбуку действительности; непредвзято осмыслить то, что нас окружает и частью чего мы являемся; показать, как чужие судьбы вплетаются в нашу жизнь, неосознанно ее определяя.

А что читатель? В этом словесном сплетении он должен следовать за путеводной нитью, что в свою очередь вплетается в сюжет рассказа, превращая читателя в одного из героев, наделенных чувствами и ощущениями. Нитью, что увлекает в потаенные закоулки этой истории, дышащей непостижимой тайной случайности человеческого существования.

Флавио Эрмини

Biografia

Gianluca Lattuada (1988) è nato e vive a Baranzate, un piccolo paese alle porte di Milano a due passi dall'area Expo2015, comune che detiene il record di sessantasette etnie in meno di tre chilometri quadrati. Ha una laurea in Economia che gli serve per progettare *business plan* con finalità sociali da presentare negli incubatori di idee. Di notte scrive e dipinge.

Биография

Джанлука Латтуада (1988) родился и вырос в Баранцате – небольшом городке в окрестностях Милана, в двух шагах от места проведения всемирной выставки Экспо2015, в муниципалитете-рекордсмене: здесь, на менее чем трех квадратных километрах, проживают представители шестидесяти семи национальностей. Джанлука получил университетский диплом экономиста, увлекается составлением бизнес-планов для социальной сферы, которые он представляет в рамках бизнес-инкубаторов. По ночам Джанлука пишет и рисует.

Cristina Ottelli

Traduzione in russo di Julija Galatenko

Кристина Оттелли

Перевод на русский язык Юлии Галатенко

GESTAZIONE DI UN ANGELO

Sapeva che la fotografia non faceva altro che riportare sulla pellicola il mondo così come era là fuori, magari sottratta del suo dettaglio, selezionata nel suo concetto, ma di modo che in quel ritaglio rettangolare non ci fosse niente di creato dal nulla, nulla che cominciasse a esistere a partire dall'immagine. Eppure Erica sapeva mettere così bene in rilievo il profilo bombato di una collina, riusciva a dare ai petali di un fiore quella convessità così gonfia da farla sembrare carnosa. Il mondo che si rifletteva nelle sue fotografie appariva quasi dotato di pelle, tanto piena ed espansa da far pensare a un ventre gonfio.
Glielo faceva notare soprattutto chi era a conoscenza della sua sterilità sofferta, che l'aveva portata a fare i conti con l'impossibilità di mettere al mondo un figlio suo e di essere madre nel senso più classico del termine. Ed Erica certamente aveva intuito quell'idiosincrasia, ma reagiva con un'alzata di spalle a tali insinuazioni maliziose e aggiungeva: "Non è mia abitudine ritoccare le fotografie. È roba da dilettanti. Forse è semplicemente che la Terra è madre per sua propria natura" e voltando le spalle all'interlocutore si allontanava.
Ma soffriva di quelle affermazioni: lei cercava di dimenticare, di rassegnarsi, e ogni volta veniva riportata sulla sua deficienza: perché di questo si trattava, pensava lei. Già: si sentiva mancante, come una cava, una fossa scavata nel terreno, e con ciò la sua arte non faceva che ricordarle la disparità.
Quante volte aveva guardato il profilo del proprio addome allo specchio pensando che non si sarebbe mai gonfiato, che là sotto non avrebbe mai generato vita. "Però almeno genero bellezza" si rispondeva poi, riversandosi sulla sua Leica, che carezzava come un figlio, che amava più di ogni altra cosa, perché attraverso quell'occhio tecnico, il suo sguardo trovava il contorno desiderato, la linea sinuosa di un mistero in divenire.
Il suo occhio naturale quand'era spogliato dell'obiettivo era molto più crudele: guardava le altre donne, le loro *silhouette* carnose, calcolandone la metamorfosi. E questo sguardo impietoso non faceva che accrescere il suo senso d'inferiorità. Per questo aveva deciso

РОЖДЕНИЕ ЧУДА

Она знала, что фотография всего лишь отображает мир таким, какой он есть, без лишних деталей, самое главное. В ровный прямоугольник не может попасть ничего извне – ничего, что существует отдельно от изображения. Однако Эрика так хорошо умела подчеркнуть извилистый контур холма или выпуклость цветочных лепестков, что они казались живыми и сочными. Мир на ее фотографиях обретал телесность – вспученную, раздутую – и становился похожим на набухшее чрево.

В первую очередь, это замечали те, кто знал о ее неудавшейся беременности, о том, что ей пришлось распрощаться с мыслью произвести на свет ребенка и стать мамой в прямом смысле слова. Конечно, Эрика реагировала болезненно, но в ответ на ехидные намеки лишь пожимала плечами и говорила: «Ретушировать фотографии не входит в мои привычки. Это привилегия дилетантов. Наверное, дело в том, что Земля по своей природе – мать». И, отвернувшись, уходила.

Подобные разговоры мучили ее: она пыталась забыть, смириться, но всякий раз ей снова указывали на ее изъян – именно так она воспринимала свое бесплодие. Да, она чувствовала себя ущербной, ей казалось, будто она пещера или выкопанная в земле яма, и ее фотографии постоянно напоминают ей о том, что она не такая, как все.

Сколько раз она вставала в профиль к зеркалу и разглядывала живот, понимая, что он никогда не вырастет, внутри нее никогда не зародится жизнь. «Зато я рождаю красоту», – думала Эрика, прижимая к себе «Лайку», которую она гладила, словно ребенка, и которую любила больше всех на свете, потому что сквозь механический глаз объектива ее глаз находил желаемый контур и извилистую линию рождающегося чуда.

Без объектива ее взгляд становился намного жестче: она смотрела на других женщин, на их распухшие силуэты, воображая, как они изменятся.

И этот безжалостный взгляд лишь усиливал ощущение собственной ущербности. Поэтому она твердо решила, что никогда в жизни не станет фотографировать человеческое тело.

che non avrebbe mai ritratto alcun corpo umano. Se per caso nella foto di un paesaggio si intravedeva qualcosa che ricordasse la figura umana, lei la scartava, stracciandola prima di darle fuoco.
Ma, strano gioco dei sensi, le case pareva che avessero occhi attraverso le finestre e una bocca spalancata al posto della porta; i cofani delle automobili avevano un muso dallo sguardo ghignante; le superfici d'acqua disegnavano volti liquidi, spettrali; la neve accumulandosi a mucchi sugli alberi plasmava corpi dotati di arti e testa. Sembrava che là fuori qualsiasi cosa procreasse, che fossero illusioni o scrutamenti reali.
Poi, un giorno, si mise in macchina, lei con la sua Leica, così come faceva spesso, in cerca di una suggestione, di un'ispirazione: guidava lasciando scorrere semplicemente l'asfalto sotto le ruote e arrestandosi quando qualcosa nella mente le ingiungeva di fermarsi.
Fu quasi per caso che notò un cartello arrugginito che segnalava la direzione di una discarica. Non era certo ciò per cui si era messa in viaggio, eppure quel giorno decise di seguire il cartello. Dopo pochi chilometri, ecco che vide in lontananza quello che le sembrò l'ennesimo ventre gonfio, ma stavolta colmo di sacchi neri, azzurri e bianchi, di lamiere e piccoli oggetti colorati accatastati uno sull'altro.
Cercò di avvicinarsi il più possibile, cercando di resistere al tanfo del disinfettante apparentemente più tossico dell'afflato di tutti quei rifiuti.
Ecco il luogo dove la Terra non è più madre: è una femminilità abortente, che getta via ciò che semplicemente non le serve più. Erica raccolse la sua macchina fotografica e cominciò a scattare una dietro l'altra le immagini di quella asciutta disperazione. Concentrò l'obiettivo sui dettagli, sui giocattoli rotti, sugli elettrodomestici, sui rottami di ogni specie. In quello spazio si riuniva tutto ciò che era appartenuto alla vita ma che ora vi si opponeva, disgregandosi lenta, quasi refrattaria ad abbandonare l'esistenza senza prima averla contaminata. Ecco, un ventre gonfio, ma portatore di annichilimento e morte, pensò.
All'improvviso delle voci la ridestarono dalla sua attenzione concentrata. Giunsero alle sue orecchie delle risate infantili. Comparvero fulminei dei corpi dentro l'obiettivo, ma quando allontanò l'occhio dalla macchina fotografica per guardare direttamente non vide

Если вдруг случайно на фотографии с пейзажем появлялось нечто, хоть отдаленно напоминавшее человека, она тут же ее отбрасывала и, прежде чем сжечь, рвала на кусочки. Но странное дело: казалось, что на ее фотографиях дома смотрят на мир сквозь окна, а вместо дверей у них широко раскрытые рты. У капотов машин появлялись злобно ухмыляющиеся морды, на поверхности воды вырисовывались текучие призрачные лики, комья снега на деревьях походили на человеческие существа с головой и конечностями. Словно природа постоянно рождала – то ли иллюзии, то ли нечто реальное.

Как-то раз Эрика поехала на машине вместе со своей «Лайкой». Как обычно, отправляясь на поиски вдохновения и новых идей, она просто ехала вперед по асфальту, останавливаясь, когда ей приходило в голову остановиться

Почти случайно ее взгляд упал на ржавую табличку, указывающую в сторону свалки. Конечно, не ради этого она отправилась в путь, но все же в тот день она решила поехать по указателю. Несколько километров – и Эрика вновь увидела разбухшее лоно, однако на сей раз оно было наполнено черными, синими и белыми мешками, листами металла и пестрыми грудами разных предметов.

Она попыталась приблизиться, насколько это было возможно, несмотря на вонь дезинфицирующих средств – куда более ядовитую, чем шедший от мусора смрад.

Вот оно – то самое место, где Земля перестает быть матерью: здесь она просто женская сущность, которая выкидывает плод и избавляется от того, что ей больше не нужно. Эрика взяла фотоаппарат и принялась запечатлевать один за другим образы полной безысходности. Она направляла объектив на всякие мелочи: сломанные игрушки, домашние электроприборы, какие-то обломки. Здесь было собрано то, что раньше принадлежало жизни, а теперь противилось ей, медленно разлагаясь и упорно не желая расставаться с этой самой жизнью, не успев ее отравить. «Вот оно, разбухшее лоно, превратившееся во вместилище разрушения и смерти», – подумала Эрика.

Вдруг чьи-то голоса вывели ее из глубокой задумчивости. До ее ушей донесся детский смех. В объективе молниеносно пронеслись чьи-то тела, но когда она отодвинула фотоаппарат, чтобы взглянуть своими глазами, все исчезло, голоса словно улетучились.

nulla, anche le voci parvero volatilizzarsi di colpo. Ciò la inquietò un po', ma subito si disse che doveva essere stata una specie di allucinazione.
Lasciò il luogo per tornare il più in fretta possibile al suo studio, desiderosa di sviluppare al più presto quelle istantanee. Ma quando le immerse nel liquido di sviluppo, alla luce rossa dentro la camera oscura, poté constatare che non si era sbagliata. Qualcosa come una bava evanescente era collocata in primo piano, e non in una foto soltanto. Segno che doveva aver avuto sotto l'obiettivo un corpo in movimento senza essersene accorta.
Istintivamente fece per strappare la fotografia e buttarla via, ma subito qualcosa la trattenne. Quel corpo non c'era davvero, doveva essere stato solo una specie di effetto ottico, forse qualcosa che proiettava sull'obiettivo. Ma dato che tutt'attorno la discarica il luogo era pressoché deserto, non riusciva a capire da dove originasse la proiezione.
Tornò alla discarica per rifare le fotografie, cercando di ottenerle senza sbavature. Ma anche questa volta le immagini erano sporcate da quella presenza. Poi, all'improvviso, le venne un sospetto. Guardò l'obiettivo: sulla lente non sembrava esserci alcun graffio, però il difetto poteva venire da un ingranaggio più interno. Si trattava allora di farla semplicemente sistemare e ripulire. Affidò la sua Leica alle cure di un amico di cui conosceva l'ottimo servizio. Ma il giorno dopo quello la richiamò: "Guarda che la tua macchina fotografica non ha nulla che non vada" le disse.
Erica rifletté che certamente non poteva trattarsi nemmeno di un fantasma: non credeva in simili fantasie, però il fatto la lasciò perplessa. D'improvviso pensò che se quella macchia non era uno spettro allora doveva trattarsi di qualcuno, in carne e ossa.
Tornò alla discarica. Dovette aggirarsi silenziosa tra i cumuli, che si distribuivano in alti muri attorno a una sorta di corridoio labirintico. Finalmente sentì ancora quel riso. Si guardò attorno: non aveva più dubbi adesso. Qualcuno la stava osservando non visto.
"Ti prego, esci. Così mi spaventi" disse a voce alta. Ma nessuno rispose al suo appello. Per farsi coraggio, portò al viso la sua Leica e cominciò a guardare attorno osservando dall'obiettivo. Il mondo da quel punto di vista aveva lo strano effetto di mostrarsi come lei lo voleva.

Она немного встревожилась, но тут же подумала, что, наверное, ей всего-навсего померещилось.
И уехала, чтобы как можно быстрее добраться до студии и проявить фотографии. Но когда она поместила снимки в проявляющий раствор и взглянула на них в красном свете, освещавшем темную комнату, то смогла с уверенностью констатировать, что не ошиблась. На первом плане вырисовывалось нечто, напоминающее растекшуюся пену – и не только на одной фотографии. Это означало, что в объектив попало движущееся тело, которое она не заметила.
Инстинктивно Эрика собралась разорвать фотографию и выбросить ее в урну, но что-то ее остановило. Самого тела не существовало, наверное, это была оптическая иллюзия, что-то спроецировалось на объектив. Но свалку окружало пустое пространство, и она никак не могла понять, что же это могло быть.
Эрика вернулась на свалку – переделать фотографии. Она старалась не допустить смазанных снимков, но и на этот раз их портило все то же пятно. Тогда у нее закралось подозрение. Она пристально изучила объектив: вроде бы на линзе никаких царапин, но проблема могла быть где-то внутри. Нужно разобрать фотоаппарат и почистить. Она отдала «Лайку» приятелю, профессионалу своего дела. На следующий день тот позвонил и сказал: «Слушай, с твоим фотоаппаратом все в порядке».
Ну не привидение же это было, – подумала Эрика. Она не верила в подобные сказки и продолжала недоумевать. И тут ее осенило: если пятно не было призраком, значит, речь шла о ком-то из плоти и крови.
Эрика вернулась на свалку. Она тихо ступала среди груд мусора, выстроенных в высокие стены по обеим сторонам коридора-лабиринта. Наконец опять послышался знакомый смех. Она осмотрелась: сомнений не было. Кто-то невидимый наблюдал за ней.
– Выйди, пожалуйста! А то мне страшно, – громко попросила она. Никто не отозвался. Чтобы прийти в себя, она поднесла к лицу «Лайку» и начала смотреть по сторонам сквозь объектив. При таком способе смотреть на вещи создавался странный эффект: мир представал таким, каким она хотела его видеть.

Ed eccola ora, nel fuoco dell'occhio meccanico, la macchia farsi sempre meno diafana. Senza distogliersi dalla macchina fotografica, Erica disse alla sagoma: "Eccoti finalmente. Non ti muovere per favore. Voglio vederti meglio".
"Non puoi perché io non esisto" le rispose una voce infantile. A quella risposta Erica si scostò dall'obiettivo. A pochi passi da lei un bambino la guardava divertito.
"E come mai io ti vedo allora?".
"Solo la donna che mi ha abbandonato qui quando ero piccolo potrebbe vedermi. Per cui, forse sei mia madre. Ma se non lo sei…". Il bambino non finì la frase e cercò di correre via.
"Aspetta" implorò Erica. Il bambino si fermò volgendosi.
"Vuoi dire che tu… abiti qui? Stai aspettando lei?".
Il bimbo assentì col capo. "Potresti venire con me. La cercheremo insieme, la tua mamma".
"No, non credo che sia possibile. Ormai si sarà dimenticata di me. Lo so, è ciò che accade a ogni cosa che arriva qui". Così dicendo scavalcò un cumulo di sacchi e sparì.
E anche Erica si allontanò per andare dai carabinieri a segnalare la presenza di un bambino abbandonato alla discarica. Raccontò l'accaduto, il dialogo che si era svolto, e loro, nonostante dubitassero della possibilità che un essere umano potesse sopravvivere in quelle condizioni, perlustrarono la zona. Non trovarono nessuno.
Eppure Erica continuò a tornare in quel posto il giorno dopo e i seguenti ancora. Appariva sempre a cominciare da un presunto difetto nell'obiettivo per poi, poco alla volta, prendere forma.

И вот, наконец, в фокусе механического глаза из прозрачного пятна стало вырисовываться чье-то тело. Не убирая фотоаппарата от лица, Эрика обратилась к силуэту:
– А вот и ты. Не двигайся, пожалуйста! Хочу получше тебя разглядеть.
– У тебя не получится: на самом деле меня нет, – ответил ей детский голос. Услышав эти слова, Эрика убрала объектив. В нескольких шагах от нее стоял ребенок и с любопытством глядел на нее.
– А почему я тебя вижу?
– Меня может увидеть только женщина, которая бросила меня тут, когда я был маленьким. Наверное, ты моя мама. А если ты не моя мама…. – Малыш не закончил фразу и попытался убежать
– Погоди! – взмолилась Эрика. Малыш остановился и обернулся.
– Ты хочешь сказать, что ты… живешь здесь? И ждешь ее?
Ребенок кивнул.
– Пойдем со мной. Вместе поищем твою маму.
– Нет, не стоит. Наверное, она уже забыла обо мне. Так происходит со всем, что попадает сюда. – С этими словами он перепрыгнул через груду пакетов и исчез.
Эрика тоже ушла и отправилась прямиком в полицию – заявить о брошенном на свалке ребенке. Она рассказала о происшедшем, об их разговоре, и полицейские, хотя им трудно было поверить, что кто-то способен выжить в таких условиях, прочесали весь район. Никого не нашли.
Тем не менее, Эрика возвращалась туда каждый день. И всякий раз все начиналось с пятна в объективе, постепенно обретавшего форму.

Nota critica

La realtà non è quella che vediamo; la realtà che vediamo è pura apparenza. Per vedere davvero è necessario guardare oltre le apparenze, affidandosi all'immaginazione. È questo il messaggio che lancia Cristina Ottelli con *Gestazione di un angelo*.
Occorre intensificare, ci raccomanda la narratrice, i vincoli che l'immaginazione intreccia senza soste con la materia dei corpi.
Va prestata attenzione alla frase che all'inizio del racconto pronuncia la protagonista, ovvero la giovane donna che si aggira nel paesaggio con la sua macchina fotografica per cercare ciò che "oltre" quel paesaggio si trova. Erica – questo è il nome della protagonista – dichiara: "Genero bellezza".
Sappiamo che Erica è sterile. Non può avere figli; ma è consapevole che la facoltà dell'immaginazione, magari aiutata da un obiettivo fotografico, può ascendere al di sopra del dato corporeo. È consapevole che l'attività fantastica costituisce l'unico processo grazie al quale si può "generare" bellezza.
Erica non potrà mai avere figli, ma attraverso l'obiettivo della sua macchina fotografica sarà sempre in grado di trovare "il contorno desiderato, la linea sinuosa di un mistero in divenire"; un mistero che magari avrà il profilo di una creatura angelica… Ecco perché Cristina Ottelli può definire l'esperienza vissuta dal suo personaggio narrativo come la "gestazione di un angelo", inducendo così il lettore a misurarsi con l'enigma del *guardare*, quando *guardare* significa sprofondare lo sguardo tra le oscure ombre dell'interiorità.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Реальность не такова, какой мы ее видим; то, что мы видим, – всего лишь кажимость. Чтобы разглядеть что-то по-настоящему, нужно смотреть сквозь кажимость, отдавшись воле воображения. В этом основная мысль рассказа Кристины Оттелли «Рождение чуда».

Писательница подчеркивает, насколько важна тесная связь воображения с телесной материей.

Особого внимания заслуживают слова главной героини рассказа – девушки, которая всюду ходит с фотоаппаратом, стремясь увидеть то, что находится за пределами внешней картинки. Эрика – так зовут главную героиню – утверждает: «Я рождаю красоту».

Мы узнаем, что Эрика бесплодна. Она не может иметь детей, но осознает, что воображение с помощью объектива фотоаппарата в состоянии возвысится над телесностью. И что фантазия способна «родить» красоту.

Эрика никогда не сможет родить ребенка, но сквозь объектив своего фотоаппарата она всегда сумеет найти «желаемый контур и извилистую линию рождающегося чуда» – чуда, которое, возможно, будет иметь черты ангельского создания… Вот почему Кристина Оттелли назвала историю своей героини «рождением чуда», приглашая тем самым читателя разгадать загадку зрения, когда «видеть» означает «всмотреться», пробиться взглядом сквозь темные тени души.

Флавио Эрмини

Biografia

Cristina Ottelli (1983) è originaria di Brescia. Dopo aver conseguito la laurea in Filosofia alla facoltà di Lettere e filosofia di Trento, si è trasferita in Trentino. Attualmente insegna privatamente filosofia e cura l'immagine di artisti locali di cui recensisce in particolare le opere. Nel 2013 ha vinto il concorso letterario "Il Maestrale. L'immagine parla" con il racconto *L'Attesa*. Ha scritto due romanzi, il primo dei quali è presente su Amazon in formato e-book e l'altro è in attesa di un responso da parte degli editori.

Биография

Кристина Оттелли родилась в 1983 г. в г. Брешиа. По окончании факультета филологии и философии университета г. Тренто поселилась в области Трентино. В настоящее время дает частные уроки философии, работает PR агентом местных художников, публикует рецензии на их произведения. В 2013 г. Оттелли победила в литературном конкурсе «Мистраль. Говорящий образ» с рассказом «Ожидание». Автор двух романов, один из которых представлен в формате e-book на сайте Amazon.com, вопрос о публикации второго решается.

Livio Santoro

Traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

Ливио Санторо

Перевод на русский язык Ольги Витковской

I ROMANTICI E LA FINE DEL MONDO

S'era deciso che il mondo andava rifatto daccapo. Perché qualcosa nel loro progetto era andato storto, pensarono gli Dèi. Quanto esisteva s'era piuttosto ingrigito, fatto torbido. Le terre molto isterilite e i ghiacci disgraziatamente non più eterni. Ancora poco tempo e tutto sarebbe finito. Anche l'uomo sarebbe finito, il punto centrale del progetto divino, la chiave di volta, la pietra che un tempo, quando ancora il tempo non c'era, fu messa a chiudere l'arco su cui venne costruito l'universo. Sicché gli Dèi, che nel loro principio non conoscevano sesso, età né forma umana, ma soltanto materia di vapore e luce, si riunirono in concilio illuminando gli spazi al di là dei cieli, e il più saggio di loro, dal fondo dell'etere corrusco, sostenne con tono fermo che la salvezza andava lasciata all'uomo stesso, al più buono e retto di tutti gli esseri umani. Questi avrebbe dovuto pensare al mondo, senza responsabilità, senza sapere che dalla sua essenza sarebbe dipesa una palingenesi generale, e che dal suo pensiero ingenuo e docile sarebbe stato tratto il mondo nuovo. D'altronde gli animali innocenti s'abbeverano nell'acqua limpida, disse il più saggio degli Dèi. Non c'era altra via; loro, nonostante avessero sostanza divina, per quanto diafana, avevano già fallito. Nessuno ebbe a sollevare obiezioni e tutti acconsentirono, come sempre accade quando gli Dèi si riuniscono negli spazi al di là dei cieli. Sicché il più saggio di loro scese sulla Terra. Vagò per lustri numerosi lungo tutti i sentieri e le strade che solcano il pavimento dell'orbe e i suoi più remoti cantoni. Nel suo vagare assunse diverse sembianze. Fino a che, fattosi antropomorfo e per di più bellissimo, non incontrò Gloria, che subito riconobbe come la creatura più trasparente e incorrotta che avesse mai calpestato il suolo umido del mondo.

Era mattina, e Gloria camminava in un viale coronato da due file d'aceri dritti e imponenti, guardando sognante verso il cielo. Il più saggio degli Dèi le si presentò come Baldr e, splendendo di una luce che nessun essere umano aveva mai conosciuto, la abbacinò fin dentro gli angoli più reconditi dell'anima. Giacquero insieme, e quando, dopo l'amore, Gloria dolcemente s'addormentò nel suo stesso letto, lì accanto Baldr, che come tutti gli Dèi aveva accesso al sonno degli esseri viventi, entrò nel suo pensiero e seppe del mondo desiderato e sognato da Gloria. Con gli altri Dèi s'era deciso

РОМАНТИКИ И КОНЕЦ СВЕТА

Боги решили переделать мир с самого начала, потому что что-то в их задумке пошло не так. За то время, пока существовал мир, он очень посерел и помутнел, земли сильно истощились, а льды, к несчастью, перестали быть вечными. Еще немного – и всему придет конец. Придет конец и человеку – главной идее божественного замысла, тому краеугольному камню, что еще до начала времен был задуман, чтобы скрепить свод, над которым сомкнется вселенная. Изначально боги не знали ни пола, ни возраста, ни образа человеческого, а были лишь материей из пара и света. И они собрались на совет, и сияние их разливалось далеко за пределы небесных сфер. Из глубин сверкающего эфира мудрейший из них громогласно повелел, что спасение дóлжно оставить самим людям. Из наивной и кроткой мысли добрейшего и честнейшего из них будет создан новый мир, и этот человек даже не будет осознавать, что от его сущности зависит всеобщее возрождение. «Ведь невинные животные пьют из прозрачного источника», – сказал мудрейший из богов. Другого пути у них не было: несмотря на свою сущность – божественную и столь же прозрачную – боги ошиблись в своем изначальном замысле мира. Никто не возразил – так всегда случается, когда боги собираются на совет за пределами небесных сфер. И мудрейший из них спустился на Землю. Долгие годы бродил он по самым отдаленным уголкам мира, по тропинкам и дорогам, избороздившим земную твердь. Блуждая, он принимал разные обличия, пока не встретил Глорию. Сразу узнал он в ней самое чистое и честное создание, когда-либо ступавшее на влажную землю этого мира. Было утро. Глория прогуливалась по аллее, обрамленной двумя рядами стройных могучих кленов. Она мечтательно смотрела в небо, когда мудрейший из богов предстал перед ней в образе прекрасного человека и назвался Бальдром. Сиянием, неведомым прежде ни одному смертному, он ослепил Глорию и овладел ею, и свет залил самые потаенные уголки ее души. Глория сладко задремала на своей кровати рядом с Бальдром. Он же, как и все боги, умевший проникать в сны живых существ, вошел в ее мыс-

che in quello stesso momento tutto si sarebbe uniformato al desiderio della persona più buona, dell'animale innocente che s'abbevera nell'acqua più limpida. E così fu. Baldr divenne nuovamente vapore e luce e ritornò tra gli altri suoi simili, negli spazi al di là dei cieli. Gloria non avrebbe ricordato nulla di lui. Come tutti gli Dèi, Baldr aveva infatti accesso anche al ricordo delle donne e degli uomini, alla loro memoria.

Gloria si riebbe tra le lenzuola che profumavano di albedine, dopo un sonno lungo e fatto interamente di pace. Si risvegliò al tramonto e subito spalancò la finestra. Nel viale di casa gli aceri lasciavano cadere lentamente le foglie. La strada era un tappeto rossiccio come di miele e l'aria era docile. L'aria serale di quei piccoli ritorni autunnali dell'estate in cui basta una giacca leggera. Fuori era bellissimo, pensò Gloria. Richiuse la finestra, tirando le tende e lasciando che dai vetri puliti trasparisse l'arancione tenue che leggermente stava fuori. Stette a sedere per un po' sul divano, accarezzando in grembo il gatto che le si offriva arrendevole, come lei caldo di sonno. Sbrigò le solite faccende, rassettò casa approssimativamente e così stette pensando alle cose belle di cui era fatto il suo passato. Poi si vestì senza fretta, quasi dimenticando la giacca leggera, e scese in strada.

Fuori, nel viale, il sole basso all'orizzonte s'intrometteva tra i rami degli aceri regalando il suo colore alle foglie che andavano a poco a poco coricandosi al suolo. A Gloria sembrò di camminare sui velluti più soffici.

In lontananza, qualcuno passeggiava leggero, e attraverso le finestre dei palazzi di mattoni s'intravedeva la luce lieve delle case. Scambiò i soliti sorrisi e gli usuali cenni di saluto con i passanti che ricambiavano garbati. S'incamminò lungo la strada, fino al parco in cui già bimbetta giocava a nascondino. Ne ripercorse i nascondigli più efficaci. Sorrise ancora, ricordando le sue trecce e quella leggera mescolanza di delusione ed eccitazione che provava nell'essere scoperta. Il ricordo le regalò un impercettibile brivido di dolcezza.

Altri bimbi giocavano adesso intorno a lei, si rincorrevano tra le foglie, ridevano con garbo e un'impalpabile malizia senza peccato. Arrivò fino al laghetto delle anatre, e la sua solita panchina era libera, coperta soltanto da qualche foglia secca scesa giù dagli alberi rassicuranti. Si mise a sedere e aprì il suo nuovo libro. Il sole basso all'orizzonte le donava quella luce ancora buona per leggere senza sforzo degli occhi; così cominciò.

ли и увидел тот мир, о котором она грезит. И Боги решили, что в этот самый момент мир станет таким, каким его хочет видеть добрейший из людей – то невинное животное, что пьет из прозрачного источника. И случилось так. А Бальдр, вновь обратившись в пар и свет, вернулся к себе подобным за пределы небесных сфер. Глория ничего не помнила о нем. Как и все боги, Бальдр умел обращаться к памяти мужчин и женщин, проникать в их воспоминания.

После долгого безмятежного сна Глория очнулась, вдыхая аромат свежести и чистоты, исходивший от простыней. Она проснулась на закате и сразу же распахнула окно. От дома тянулась кленовая аллея, вдоль которой деревья медленно роняли листья. Улица превратилась в рыжеватый, словно медовый, ковер; воздух был мягким, податливым. В такие вечера, когда среди осени ненадолго возвращаются отблески лета, достаточно лишь легкого пиджака. «Как красиво на улице», – подумала Глория. Она закрыла окно и отодвинула шторы, чтобы через чистые окна проникал нежно-оранжевый свет, разливающийся по улице. Она немного посидела на диване, лаская кота. Он лежал у нее на коленях, теплый ото сна, как и она, и уступчиво поддавался ласке. Глория легко управилась с домашними делами, навела порядок и снова присела. Она вспоминала прекрасные мгновения своего прошлого. Не торопясь, она оделась и вышла на улицу, чуть не забыв легкий пиджак.

Там, на аллее, лучи низкого солнца вплетались в кленовые ветви и золотили медленно опускавшиеся на землю листья. Глории казалось, что она ступает по мягчайшему бархату. Вдалеке виднелись легкие силуэты прохожих, и сквозь окна кирпичных домов проглядывал слабый свет. Глория привычно улыбалась встречным, которые по обыкновению любезно отвечали на ее приветствия. Она пошла в парк и встретила маленькую девочку, играющую в прятки. В памяти промелькнули самые надежные потайные места, где она пряталась в детстве.

Глория еще раз улыбнулась, вспомнив свои детские косички и то смешанное, едва ощутимое чувство досады и оживления, когда ее находили. Это воспоминание подарило ей легкий трепет нежности. А сейчас дети, окружив ее, играли, бегали друг за

Era una notte incantevole, una di quelle notti che scendono solo se si è giovani, gentile lettore. Il cielo era stellato, sfavillante, tanto che, dopo averlo contemplato, ci si chiedeva involontariamente se sotto un cielo simile potessero vivere uomini irascibili e irosi… Nonostante i bimbetti, che ogni tanto arrivavano giocando fin nei pressi della panchina in riva al laghetto, e nonostante i gridolini felici di un'infanzia giustamente esuberante, Gloria restò con la testa nel suo libro, fino a che non ne chiuse l'ultima pagina… "Sapete perché sono così contenta?" disse "così contenta di vedervi? Sapete perché oggi vi amo tanto?". "Allora?" domandai, e il mio cuore trasalì.
Era sognante. Passarono alcuni minuti e Gloria si alzò dalla sua panchina, dopo essersi assicurata che lì attorno tutto stesse procedendo per il meglio. E davvero niente era fuori posto. Come se non potesse essere affatto altrimenti. Perché in effetti non sarebbe mai più stato altrimenti, fino alla prossima fine di un mondo che si sarebbe seccato di lì a poco, nel vasto tramonto autunnale di Gloria. Il tramonto in cui Baldr, il più saggio degli Dèi, essere fatto di luce, aveva precipitato ogni cosa. La donna sorrideva, e le foglie planavano delicatamente fino a coprire l'acciottolato. I bimbetti si rincorrevano felici, senza coscienza di quello che sarebbe venuto, le anatre scivolavano sull'acqua come a seguire una morbida danza. Le ombre, dal canto loro, s'allungavano sul pavimento rossiccio del suolo, quasi a volerne prendere quanto più possibile. E l'aria era dolce, l'aria serale di quei piccoli ritorni autunnali dell'estate in cui basta una giacca leggera. Era ancora tramonto, e soltanto tramonto sarebbe stato. Fino alla fine. Il sole basso all'orizzonte era cortese, perpetuo, donava l'arancione della sua luce fioca e non accecava, lo si poteva guardare dritto negli occhi. Se avesse avuto occhi, pensò Gloria.

другом по листьям и смеялись – с милым и неуловимым безгрешным лукавством. Она дошла до маленького озера, где плавали утки. Скамейка, на которой она обычно сидела, была свободна, и сухие листья, облетевшие с полных покоя деревьев, покрывали ее. Глория села и раскрыла новую книгу. Низкое солнце дарило свет, при котором приятно читается, безо всякого напряжения для глаз. Она начала: «Была чудная ночь, такая ночь, которая разве только и может быть тогда, когда мы молоды, любезный читатель. Небо было такое звездное, такое светлое небо, что, взглянув на него, невольно нужно было спросить себя: неужели же могут жить под таким небом разные сердитые и капризные люди…» Хотя дети, играя, то и дело подбегали к скамейке у маленького озера и счастливо кричали, как всегда кричат в льющемся через край детстве, Глория была полностью погружена в книгу, пока не перевернула последнюю страницу…

«– Знаете ли, отчего я так рада? – сказала она, – так рада на вас смотреть? так люблю вас сегодня?

– Ну? – спросил я, и сердце мое задрожало».

Она замечталась. Прошло несколько минут, и Глория поднялась со скамейки, убедившись прежде, что вокруг все хорошо. И вправду, ничто не нарушало порядок, и казалось, что по-другому и быть не может. И ведь на самом деле, никогда уже не будет иначе, до следующего конца того мира, который вскоре зачахнет в бесконечном осеннем закате Глории. Сотворенный из света Бальдр, мудрейший из богов, погрузил в этот закат все сущее. Женщина улыбалась, и листья мягко слетали с деревьев на мостовую. Дети догоняли друг друга, счастливые, не ведающие того, что произойдет; утки скользили по воде, словно в плавном танце. Тени растягивались по рыжеватому ковру земли, как будто хотели захватить все пространство. Воздух был нежным. Это воздух тех вечеров, когда среди осени ненадолго возвращаются отблески лета и когда достаточно лишь легкого пиджака. Все еще был закат, и только закат должен был быть. До самого конца. Низкое солнце, щедрое и вечное, дарило матовый оранжевый свет, который совсем не слепил, и солнцу можно было смотреть прямо в глаза.

«Если бы у него были глаза» – подумала Глория.

Nota critica

Questo nostro mondo è al suo declino. Niente e nessuno lo potrà salvare: né gli Dèi (i quali tardivamente scoprono che "qualcosa nel loro progetto era andato storto") né i mortali (i quali nella loro forma migliore sono dei "sognatori", e dunque facili prede delle illusioni). Gloria, la ragazza scelta dagli Dèi per salvare il mondo, è una sognatrice, esattamente come il sensibile protagonista de *Le notti bianche* di Dostoevskij. Sarà affidata a lei la salvezza del mondo. Ma sarà un tentativo destinato a fallire: niente può essere costruito sulle illusioni, se non un eterno tramonto votato a inghiottire ogni cosa…

Se il nostro cuore si innalza al di sopra della nostra realtà e possibilità, oltre i nostri limiti, ebbene siamo destinati a fallire! Le illusioni, dunque, non solo possono presentarsi come valori di fatto inconciliabili con la vita, ma possono anche portare la vita alla catastrofe… Questo sostiene Livio Santoro nel suo racconto *I romantici e la fine del mondo*: affidarsi alle illusioni significa non accettare la nostra natura, falsificarla.

Il "laghetto delle anatre", la "solita panchina", la "luce ancora buona per leggere"… si rivelano elementi esteriori di una sterile e fossilizzata idealizzazione della vita. Al contrario, la bellezza è tale solo se non è mai identica a se stessa, solo se si trasforma continuamente. Soltanto in questo modo ciò che è mortale si conserva e si salva.

Il nostro compito, ci indica Santoro, è di scegliere il sentimento e la bellezza non come una fuga dalla dura realtà, ma come scoperta di una dimensione dell'esistenza umana che ci renda pienamente partecipi di tutti – ma proprio tutti – gli aspetti della natura, poetici o impoetici che siano.

Flavio Ermini

Отзыв о рассказе

Мир, в котором мы живем, клонится к закату. Ничто и никто не сможет его спасти: ни боги, которые с опозданием обнаруживают, что «что-то в их задумке пошло не так», ни смертные, лучшие из которых – «мечтатели», легко попадающие в сети иллюзий. Глория, девушка, избранная богами, чтобы спасти мир, – мечтательница, точь-в-точь как чувствительный герой «Белых ночей» Достоевского. Именно ей будет доверено спасение мира. Но эта попытка потерпит неудачу: больше ничто не может строиться на иллюзиях, разве что вечный закат, который все поглотит…

Если наше сердце поднимется над реальностью и возможностями, преодолевая все пределы, тогда мы обречены на провал! Значит, иллюзии не только не совместимы с жизнью, они могут привести ее к катастрофе… Об этом говорит Ливио Санторо в рассказе «Романтики и конец света»: доверяться иллюзиям означает не принимать нашу природу, искажать ее.

«Маленькое озеро, где плавали утки», «скамейка, на которой она обычно сидела», «свет, при котором приятно читается»… Все это внешние признаки бесплодной окаменевшей идеализации жизни. И наоборот, красота является красотой, если она не тождественна самой себе, если она непрестанно преобразуется. Только так сохраняется и спасается то, что смертно.

Наша задача, утверждает Санторо, – выбрать чувства и красоту не как бегство от суровой реальности, но как открытие нового измерения человеческого существования. Это сделает нас сопричастными всем проявлениям природы, вне зависимости от того, наполнены ли они поэзией или нет.

Флавио Эрмини

Biografia

Livio Santoro, nato a Spoleto nel 1981, vive e lavora a Napoli. PhD in Sociologia e Ricerca Sociale, ha pubblicato il volume *Una fenomenologia dell'assenza. Studio su Borges* (Salerno 2011) e diversi articoli su temi filosofici e letterari. Collabora con alcune riviste on-line e fa parte della redazione della collana di narrativa latino-americana "Gli Eccentrici" delle edizioni Arcoiris.

Биография

Ливио Санторо родился в 1981 году в Сполето. Живет и работает в Неаполе. Кандидат наук (PhD) по специальности социология и социальные исследования. Опубликовал книгу «Феноменология отсутствия. Исследование творчества Борхеса» (Салерно, 2011), пишет статьи по философии и литературе. Сотрудничает с различными он-лайн журналами. Член редколлегии серии латиноамериканской прозы «Эксцентрики» издательства «Аркоирис».

Молодые российские переводчики
Giovani traduttori russi

Ольга Витковская родилась в 1986 г. в г. Усть-Илимске, Иркутской области. Окончила исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, кафедру новой и новейшей истории Италии. Преподавала итальянский язык на факультете журналистики МГУ. Работала в Институте внешней торговли Посольства Италии, переводчиком на Московском международном кинофестивале (2013 г.) и переводчиком композитора Эннио Морриконе (2011 – 2013 гг). В 2011 и 2013 гг. в качестве переводчика сопровождала группы итальянских писателей в поездках по Транссибирской магистрали и Центральной России, в 2012 г. – группу российских писателей в поездке по Сицилии.

Ol'ga Vitkovskaja è nata nel 1986 a Ust'-Ilimsk, nella regione di Irkutsk. Si è laureata presso la facoltà di Storia dell'Università Statale M.V. Lomonosov di Mosca (cattedra di Storia moderna e contemporanea d'Italia), dove ha poi insegnato Lingua italiana presso la facoltà di Giornalismo. Ha lavorato presso l'Istituto per il Commercio Estero dell'Ambasciata Italiana, come interprete per il Festival Internazionale del Cinema di Mosca (2013) e per il compositore Ennio Morricone (2011-2013). Nel 2011 e nel 2013, come interprete, ha accompagnato un gruppo di scrittori italiani in un viaggio in Transiberiana e nella Russia Centrale; nel 2012 un gruppo di scrittori russi in un viaggio in Sicilia.

Юлия Галатенко родилась в Москве в 1982 г. Кандидат филологических наук, доцент, заведующий секцией итальянского языка НИУ-ВШЭ, литературовед, переводчик. Автор более 30 научных работ. В 2004 г. с отличием окончила филологический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, в 2007 г. защитила диссертацию на тему «Эволюция музыкальности итальянской поэзии: от Дж. Марино до П. Метастазио». Область научных интересов – современная итальянская литература, литература Италии эпохи неореализма, поэзия XVII–XVIII вв.

Julija Galatenko è nata a Mosca nel 1982. È dottore di ricerca in Scienze filologiche, docente universitario, direttore della sezione di Lingua italiana della HSE (Higher School of Economics), critico letterario, traduttrice. È autrice di oltre trenta pubblicazioni scientifiche. Nel 2004 si è laureata a pieni voti presso la facoltà di Filologia dell'Università Statale M.V. Lomonosov di Mosca, nel 2007 ha discusso una tesi dottorale sul tema *L'evoluzione della poesia musicale italiana: da Marino a Metastasio*. I suoi interessi di ricerca sono: la letteratura italiana contemporanea, la letteratura italiana del Neorealismo, la poesia dei secoli XVII-XVIII.

Анна Кабанова родилась в 1984 г. в Новосибирске. В 2006 г. окончила Новосибирский государственный университет. Кандидат биологических наук.

Anna Kabanova è nata nel 1984 a Novosibirsk. Nel 2006 si è laureata presso l'Università Statale di Novosibirsk. È dottore di ricerca in Scienze biologiche.

Ксения Тименчик родилась в 1983 г. в Москве. В 2006 г. окончила РГГУ по специальности теоретическая и прикладная лингвистика. Стажировалась в Университете Ка' Фоскари (Венеция), Карловом университете (Прага) и Масариковом университете (Брно). Преподает чешский язык в РГГУ. Перевела несколько книг с чешского и итальянского языков, в том числе П. Сис «Стена: как я рос за железным занавесом» (М., 2009), С. Гандольфи «Альдабра. Черепаха, которая любила Шекспира» (М., 2010), М. Феррарис «Ты где? Онтология мобильного телефона» (М., 2010), Дж. Родари «Зоопарк историй» (М., 2010), Б. Питцорно «Послушай мое сердце» (М., 2011), М. Агус «Каменная болезнь» (М., 2011).

Ksenija Timenčik è nata nel 1983 a Mosca. Nel 2006 si è laureata in Linguistica teorica e applicata alla RGGU di Mosca. Stagista presso l'Università Ca' Foscari di Venezia, l'Università Carolina di Praga e l'Università Masaryk di Brno. Insegna Lingua ceca alla RGGU. Ha tradotto diversi libri dal ceco e dall'italiano, tra cui *Il Muro: crescere dietro la Cortina di Ferro* di P. Sís (Mosca 2009), *Aldabra. La tartaruga che amava Shakespeare* di S. Gandolfi (Mosca 2010), *Dove sei? Ontologia del telefonino* di M. Ferraris (Mosca 2010), *Lo zoo delle storie* di G. Rodari (Mosca 2010), *Ascolta il mio cuore* di B. Pitzorno (Mosca 2011), *Mal di pietre* di M. Agus (Mosca 2011).

Диляра Туишева родилась в 1984 г. в Крыму, в г. Евпатория, где отец проходил военную службу. В 1990 г. вместе с семьей вернулась в Ленинград (Санкт-Петербург). В 2001 г. окончила среднюю школу, в том же году поступила в Санкт-Петербургский Государственный университет культуры и искусств. Изучала итальянский язык и культуру. В 2006 г. защитила диплом по истории культурных связей России и Италии. В 2012 г. поступила на Высшие литературные курсы в Литературный институт им А.М. Горького в Москве, переводческий семинар.

Diljara Tuiševa è nata nel 1984 in Crimea, nella città di Evpatorija, dove suo padre era in servizio militare. Nel 1990 è tornata con la famiglia a Leningrado (San Pietroburgo). Nel 2001 ha terminato le scuole superiori, e nello stesso anno si è iscritta all'Università Statale di Cultura e Arti di San Pietroburgo. Ha studiato Lingua e cultura italiana. Nel 2006 ha discusso una tesi sulla storia dei rapporti culturali tra Russia e Italia. Nel 2012 è stata ammessa ai Corsi Superiori di Letteratura presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij di Mosca, seminario di traduzione.

МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ
GIOVANI NARRATORI RUSSI

Елена Ляшенко	Elena Ljašenko
Амалия Мокрушина	Amalija Mokrušina
Сергей Самсонов	Sergej Samsonov
Маргарита Урчева	Margarita Určeva
Дмитрий Филиппов	Dmitrij Filippov

Елена Ляшенко

Перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо

Elena Ljašenko

Traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

ЗАМЫКАНИЕ

Разъедающая сон трель вырывает меня из густого небытия и указывает на потолок. Парализованный пронзительным звуком, я с минуту вглядываюсь в белесые сумерки, в которых проступают очертания пятен плесени. Она начала свою экспансию от угла – туда старуха из верхней квартиры проливает воду из тазов с тухлыми тряпками. Вскоре пятна из нежно-зеленого окрасились в бурый и рыжий, взматерели и освоились. Их колония встречает меня каждое утро, безмолвно напоминая о том, что природа рано или поздно берет свое. Справившись с сонным оцепенением, я одним ударом отвоевываю у будильника еще сутки. Комната плавает в утренней мгле, будто я живу внутри дождевой тучи. 5:15 – есть ровно 45 минут до начала новой Вехи. Это важный день, я готов к нему и не позволю отлаженной системе дать сбой. Итак, туалет, ванная. С полным зубной пасты ртом позволяю себе помедлить пару мгновений, смотрю отражению в глаза. Зубы чисты, мешки под глазами полны лиловой тяжестью, щетина пятидневная – все по регламенту. Далее завтрак. Яичница, в которой запекся зародыш, избавленный от незавидной куриной биографии. Две сосиски молочные, 87 рублей за килограмм, процент содержания мяса уверенно стремится к нулю. Чай байховый из брикета, без сахара. Запястья прилипают к клеенке на столе. Она изрезана ножом, покрыта ожогами окурков и загибается по краям. На стене календарь за позапрошлый год, праздники на котором исправно отмечают только мухи. С первым трамвайным скрежетом за окнами иду одеваться. Мундир с вечера ждет меня на стуле: парадный свитер из сизых катышков и брюки со стрелками. Они кажутся отклонением от регламента, но я-то знаю секрет. Они коротки настолько, что открывают носки. Я надену их с полуразложившимися кроссовками.

LA CHIUSURA

Un trillo che intacca il sonno mi strappa dalla fitta oscurità e indica il soffitto. Paralizzato dallo stridulo suono, per un attimo osservo attentamente quel crepuscolo biancastro, nel quale si delineano i contorni delle macchie di muffa. Questa aveva iniziato la sua espansione dall'angolo: in quel punto la vecchia del piano di sopra rovescia l'acqua dalle bacinelle contenenti putridi stracci. In breve tempo le macchie, da verde tenue, sono diventate brune e ramate, si sono irrobustite e hanno attecchito. La loro colonia mi accoglie ogni mattina, ricordandomi silenziosamente che, prima o dopo, la natura si prende ciò che è suo. Avuta la meglio sul torpore assonnato, con un colpo solo sottraggo alla sveglia ancora un giorno. La stanza è immersa nella foschia mattutina, come se vivessi in una nube piovosa. Sono le cinque e un quarto del mattino: mancano quarantacinque minuti esatti all'inizio della Nuova Era. È un giorno importante, sono pronto per la sua venuta e non permetterò al sistema messo a punto di fallire. Dunque, vado in bagno e poi faccio la doccia. Con la bocca colma di dentifricio, permetto a me stesso di indugiare qualche istante, guardando negli occhi la mia immagine riflessa. Denti puliti, sotto gli occhi pesanti borse violacee, rigonfie, barba di cinque giorni: tutto secondo il regolamento. A seguire, la colazione. Una frittata, nella quale è stato cotto l'embrione, risparmiato da una poco invidiabile vita da gallina. Due salsicce, ottantasette rubli al chilo, la percentuale di carne contenuta è sicuramente vicina allo zero. Tè sfuso, di quello pressato in tavolette, senza zucchero. I polsi si incollano alla tela cerata che ricopre il tavolo. Tagliuzzata dal coltello, piena di bruciature di mozziconi di sigaretta, va piegandosi ai lati. Alla parete è appeso il calendario di due anni fa, sul quale solo le mosche vi segnano regolarmente le festività. Al primo stridore del tram oltre le finestre vado a vestirmi. La divisa mi aspetta sulla sedia dalla sera precedente: il maglione da festa coi pelucchi color grigio-azzurro e i pantaloni stirati con la piega. Sembrano scostarsi dal regolamento, ma io lo so, qual è il segreto. Sono corti a tal punto da far vedere i calzini. Li indosserò con le scarpe da tennis in avanzato stato di usura.

Da dietro il vetro della credenza di provenienza ceca Mariša mi sta fissando. Il suo sguardo è anneb-

Из-за стекла чешской стенки на меня смотрит Мариша. Ее взгляд туманен, но я знаю – она гордится мной, верит в меня, моя родная. Она понимает, что все это ради нее. Новая Веха, должно быть, станет предпоследней, если не последней в Цикле. От моих пальцев раздвижное стекло, за которым хранится Мариша, стало мутным – отпечатки наслаиваются день за днем, и кажется, что за этой плотной пеленой прикосновений моя единственная спрятана надежнее, чем в самой высокой башне мира. За Маришей виднеются корешки книг. Там есть и мои. Что-то по молекулярной биологии, чепуха, написанная во времена заблуждения.

Октябрь переливает предутренний сумрак в день, не прибавляя света, но я не включаю лампу. Во-первых, я помню все наизусть, а во-вторых, электричество отключили месяц назад. Захлопываю входную дверь. Нет нужды запирать ее – воры уже были у меня однажды. Я признателен им, они избавили меня от всего лишнего. Отвлекаться нельзя. Смрадная лестница утешает лишь тем, что нужно пройти всего один пролет. На выходе осенняя взвесь обволакивает легкие. Одежда моментально тяжелеет, капли тумана застревают в щетине. Мимо проходят первые мрачные дети понедельника. Поезда, груженые человечиной, уже помчались в центр города, но мое дело лежит исключительно на поверхности. Члены звена – проверенные люди, за ними не нужно следить. Достаточно приглядывать. Некоторых я уже увидел по пути и поприветствовал величественным кивком. В одной из самых пустынных точек звена, на углу Мебельной, мне предстоит провести инициацию. Тонкий юноша в куртке не по размеру озирается, трет глаза. Он подходит ко мне, я вижу в его взгляде сомнение.

– Здравствуйте, это вы Иго...

– Никаких имен. Я звеньевой северный. Только так меня и знают. Ты теперь Мебельный. Это твоя точка, запоминай. От перекрестка на десять домов в каждую сторону. Так сказать, твой крест, хех...

biato, ma io so che lei, la mia amata, è orgogliosa di me, crede in me. Lei capisce che tutto questo è per amor suo. La Nuova Era sarà probabilmente la penultima, se non addirittura l'ultima, nel Ciclo. Il vetro scorrevole, al di là del quale è custodita Mariša, è diventato torbido a causa delle mie dita; le impronte si stratificano giorno dopo giorno e sembra che dietro questo spesso strato di tracce il mio unico amore sia meglio nascosto che se fosse nella più alta torre del mondo. Dietro Mariša si intravedono i dorsi dei libri. Ci sono anche i miei, là. Qualcosa di biologia molecolare, sciocchezze, scritte in un momento di abbaglio.

Ottobre trasforma quella semioscurità antelucana in giorno, senza aumentare la luce, eppure io non accendo la lampada. Innanzitutto, conosco tutto a memoria, e in secondo luogo, hanno staccato la corrente elettrica un mese fa. Chiudo la porta d'entrata sbattendola. Non c'è bisogno di chiuderla a chiave, i ladri sono già stati da me una volta. Sono loro grato, mi hanno liberato da tutto il superfluo. Non è permesso distrarsi. La scala maleodorante mi rallegra solamente per il fatto di doverne scendere una rampa in tutto. Fuori, la condensa autunnale avvolge i polmoni. I vestiti si fanno immediatamente più pesanti, le goccioline di nebbia si impigliano nella barba. Accanto a me passano i primi figli del lunedì, i volti incupiti. I treni, carichi di massa umana, sono già partiti verso il centro della città, ma il mio compito si svolge esclusivamente in superficie. I membri della squadra sono persone fidate, non è necessario sorvegliarli. È sufficiente tenerli d'occhio. Strada facendo ne ho già visti alcuni, che ho salutato facendo maestosamente cenno con la testa. In uno dei punti più deserti della zona, all'angolo di via Mebel'naja, dovrò compiere una cerimonia di iniziazione. Un giovane esile, con addosso una giacca fuori misura, si guarda attorno strofinandosi gli occhi. Si avvicina a me, e io leggo nel suo sguardo il dubbio.

– Salve, è lei Igo...

– Nessun nome. Io sono il capo della squadra nord. Mi conoscono solamente così. D'ora in poi tu sarai Mebel'nyj. Questa sarà la tua zona, ricordatelo. Dieci case a partire dall'incrocio, in ogni direzione; per così dire, la tua croce, eh...

– Veramente io volevo guadagnare qualche soldo, ma poi in agenzia...

– Sono al corrente: ti hanno spiegato tutto, e tu sei d'accordo. Traggo questa conclusione dal fatto che sei qui.

– Я вообще-то подработать хотел, но потом в агентстве...
– Я в курсе. Тебе все разъяснили, и ты согласился. Делаю этот вывод из того, что ты здесь.
– Да. Правда, до сих пор странно. Я себе немного по-другому это представлял. Как в Библии, знаете. С огнем и серой и все такое.
– Дешевые сказки для тех, кто в настоящую минуту начинает холодный обзвон потенциальных клиентов. Им нужна надежда. Правду не каждый выдерживает. Тебе сколько лет?
– Четырнадцать. Так что я немного незаконно тут, и вы...
– Не смеши. Ты остальных видел? Все мы здесь незаконно. По закону человечеству и вовсе не следовало бы существовать.
Я понимаю, что впал в неубедительную патетику. Чтобы завладеть вниманием мальчика, переключаюсь на практические вопросы.
– Присядем. Мой долг как звеньевого – посвятить тебя в схему. Ты пришел по объявлению. Там было написано: «Дополнительный заработок для пенсионеров и молодежи». Это первая ступень отбора. Мы принимаем только тех, кто способен принять нас. Мудрых или сильных. Когда завершится Цикл, мудрые будут управлять, а сильные – созидать. Тебя определили в северное звено, потому что нам недостает сильных. На окраине всегда много стариков, а молодежь учится или торчит. Итак, близится конец Цикла. Цикл – это 570 лет с момента изобретения Гутенбергом печатного станка. За 570 лет информационное поле достигнет такой степени насыщенности, что на Земле не останется ни одного человека, мозг которого не будет отравлен. Информационная война подходит к концу – люди уже разучились запоминать данные, общаться вживую, работать руками. Настанет день Большого Замыкания, и информационная ломка сметет с лица земли адептов адаптеров и жрецов Яблока. Они сойдут с ума и вымрут. Мы готовимся уже давно. Каждый новый член звена про-

– Sì, anche se, a dir la verità, suona ancora un po' strano. Me l'ero immaginata diversamente. Sa, come nella Bibbia: il fuoco, lo zolfo e via dicendo.
– Le favole da quattro soldi sono per quelli che, in questo momento, iniziano un distaccato giro di telefonate tra potenziali clienti. Hanno bisogno di speranza. Non tutti sono in grado di sopportare la verità. Quanti anni hai?
– Quattordici. Quindi sarei un po' fuori regola qui, e voi...
– Non farmi ridere. Hai visto gli altri? Siamo tutti illegali qui. Secondo la legge, l'umanità non dovrebbe nemmeno esistere.
Capisco di essere caduto in un patetismo poco convincente. Per conquistare l'attenzione del ragazzo, passo alle domande pratiche.
– Sediamoci. Il mio dovere come capogruppo è renderti partecipe dello schema. Sei venuto perché hai visto l'annuncio. C'era scritto: «Guadagno supplementare per pensionati e giovani». È il primo gradino delle selezioni. Accogliamo solamente quelli che sono capaci di accogliere noi: i saggi e i forti. Quando si concluderà il Ciclo, i saggi governeranno, mentre i forti edificheranno. Sei stato assegnato alla zona nord, perché qui ci mancano quelli forti. In periferia ci sono sempre molti vecchi, mentre i giovani o studiano o fanno uso di droghe. Dunque, si sta avvicinando la fine del Ciclo. Il Ciclo sono 570 anni a partire dall'invenzione di Gutenberg della macchina da stampa. Nel giro di 570 anni la sfera dell'informazione raggiungerà una saturazione tale da non lasciare nemmeno un uomo sulla Terra il cui cervello non sia corrotto. La guerra dell'informazione si sta avviando alla fine: le persone hanno già disimparato a tenere a mente le informazioni, a comunicare dal vivo, a lavorare con le mani. Arriverà il giorno della Grande Chiusura e la crisi dell'informazione spazzerà via dalla faccia della Terra gli adepti della tecnologia e i sacerdoti di Apple. Impazziranno e si estingueranno. Ci stiamo preparando già da molto tempo. Ogni nuovo membro della squadra passa attraverso alcune tappe, da "corazziere" fino a raggiungere lo *status* di "colui che aspetta". Io sono qui già da due Ere.
– Quindi dalla metà negli anni Novanta, giusto? – mi interrompe l'adolescente.
– Ehi, Mebel'nyj, disabituati a questo. Ti sto dicendo due Ere. Puoi ancora fare in tempo a raggiungere lo *status* di "colui che aspetta" prima della fine del Ciclo. Ricorda: non è permesso distrarsi.

ходит несколько этапов – от кирасира до ждущего. Я здесь уже две Вехи.
– Это с середины 90-х, получается? – перебивает меня подросток.
– Эй, Мебельный, отвыкай от этого. Говорят тебе – две Вехи. Ты еще можешь успеть стать ждущим до завершения Цикла. Запомни: отвлекаться нельзя. Сегодня я выдам тебе кирасу.
Мимо нас медленно проходит человек в погонах, и я торопливо харкаю под ноги, начиная немного покачиваться для правдоподобности. Он бросает брезгливый взгляд на меня, равнодушный – на Мебельного, и ускоряет шаг.
– Так. Отвлекаться нельзя. Запоминай: существует великая цепь, состоящая из звеньев. Над каждым назначен звеньевой, который следит за соблюдением регламента. Это все те правила, что тебе сообщили в агентстве (не уходить с места, не выбрасывать бумагу) плюс еще – отказаться от журналов, интернета и телевизора и следовать бесцельности. Только так можно достичь атараксии, уйти в себя. Ты получаешь текст сначала опосредованно, через динамик. Позже сможешь повторять его сам в промежуточном коконе. И когда созреешь, станешь ждущим. Все понятно?
– Не-а. Почему сразу нельзя произносить текст самому? И как меня это вообще должно защитить в момент Большого Замыкания?
– А почему нельзя выпить залпом бутылку водки? Или делать операцию без анестезии? Просто не выдержишь. Текст начнет действовать и так. На третьей-четвертой неделе заметишь, как шум улиц стал тише, а движения прохожих медленнее. Став ждущим, уйдешь в себя и переждешь Замыкание. А затем вместе со всеми будешь возрождать мир по регламенту: натуральное хозяйство и общее благо.
Парень подходит нам. Молод, обучаем и одинок. Черная кайма под ногтями, грязные волосы. Мы идем к метро, с каждым шагом увеличивается концентрация окурков и жвачки под ногами. Я указываю на Садового,

Oggi ti consegnerò la corazza.
Accanto a noi, lentamente, passa un uomo in divisa, e io sputo frettolosamente per terra, tossendo e raschiandomi la gola, cominciando a dondolarmi un po' per verosimiglianza. L'uomo getta uno sguardo schifato verso di me e indifferente verso Mebel'nyj e accelera il passo.
– Allora, non è permesso distrarsi. Tienilo bene a mente: esiste una grande catena, composta da tante squadre. A ognuna di queste è assegnato un responsabile, addetto al controllo del rispetto del regolamento. Sono le stesse identiche regole che ti sono state esposte in agenzia (non lasciare mai il proprio posto, non buttare via i volantini) in più, ancora, rinunciare ai giornali, a internet, alla televisione e attenersi ai principi dell'inanità. Solamente in questo modo è possibile raggiungere l'atarassia, chiudersi in se stessi. All'inizio, riceverai il testo indirettamente, attraverso l'altoparlante. In seguito, sarai in grado di ripeterlo da solo dal tuo bozzolo di passaggio intermedio. E quando sarai maturo, raggiungerai lo *status* di "colui che aspetta". Tutto chiaro?
– No, per niente. Perché non è permesso pronunciare subito il testo da soli? E, comunque, come dovrebbe difendermi tutto questo nel momento della Grande Chiusura?
– Perché non si può bere una bottiglia di vodka tutta d'un fiato? Oppure essere sottoposti a un'operazione senza anestesia? Semplicemente perché non riusciresti a reggerlo. Il testo inizierà ad avere effetto anche così. Verso la terza, quarta settimana noterai come il rumore delle strade si farà meno intenso e i movimenti dei passanti più lenti. Raggiunto lo *status* di "colui che aspetta", ti chiuderai nel tuo guscio e aspetterai che passi la Chiusura. Dopodiché, assieme a tutti gli altri, farai rinascere il mondo secondo il regolamento: economia di sussistenza e bene comune.
Il ragazzo fa al caso nostro. Giovane, istruibile e solo; bordo nero sotto le unghie e capelli sporchi. Andiamo verso la metropolitana, passo dopo passo la frequenza di mozziconi di sigaretta e gomme da masticare per terra cresce sempre di più. Indico Sadovyj, in piedi vicino alle scale. Sul suo petto la corazza rosso-gialla pubblicizzante corsi accelerati di lingue straniere, mentre dall'altoparlante, stretto nella tremolante mano paonazza, una voce femminile grida a squarciagola.
– Corsi accelerati di lingue straniere in via Kropotkinskaja! – grida la donna invisibile. – Solo per oggi! Sconti a ogni iscritto!
Sadovyj sta fissando il vuoto, il suo sguardo è trasparente. Accortosi della mia presenza, fa un cenno

который стоит у лестницы. На груди его красно-желтая кираса УКИЯ, а в дрожащей багровой руке надрывается женским голосом динамик.
– Ускоренные курсы иностранных языков на Кропоткинской! – вопит невидимая баба – Только сегодня! Скидки каждому записавшемуся!
Садовый смотрит в пространство, взгляд его прозрачен. Заметив меня, он кивает и отворачивается. На спине видны цифры телефона и адрес сайта.
– Не лучший пример, ибо в кирасиры Садовый был разжалован, – оборачиваюсь я к Мебельному. – Был замечен за разговором с прохожими. И пить начал. Ты учти – звеньевой все примечает. Видишь, он грустный какой.
В следующем квартале мы встречаем Горького. Из кокона слышится бормотание: «Три набора по цене двух. Только сегодня. Ресторан «Сушняк» – японская кухня без границ. Порадуйте себя. Только сегодня». Горький в трансе переминается с ноги на ногу, и поролоновая узкоглазая башка покачивается на его голове, кивая прохожим. Мебельный засматривается на него.
– Это и есть промежуточный кокон?
– Да. В укрытии гораздо проще отрешиться. Читал у Пелевина про «хамлет»? Почитай, полезно. Вот кокон – это такой переносной хамлет. Кстати, мы пришли. Вот тебе кираса.
Мебельный примеряет картонные доспехи, скрепленные бечевкой на плечах, теребит в руках динамик. Я любуюсь им.
– Микрозаймы? Серьезно? Но кто пойдет занимать десять тысяч под залог квартиры? – он говорит это с досадой. – Или скидка три процента на шубы. Разве кто-то купит шубу только потому, что она стоит не 50 тысяч, а 48? Или сайентология. Кто поверит в курсы личного роста, если их рекламирует бомж на улице? Какой в этом смысл?!
– Ты нарушаешь правила. Нельзя искать смысл. Знаешь, кто у нас наверху иерархии? Те, кто раздает листовки с предложением раздавать листов-

con la testa e si gira da un'altra parte. Sulla schiena sono ben visibili i numeri di telefono e l'indirizzo del sito internet.
– Non è certo l'esempio migliore, visto che Sadovyj è stato retrocesso a "corazziere" – mi volto verso Mebel'nyj. – È stato visto mentre parlava coi passanti. E ha cominciato a bere. Tienilo presente, il caposquadra si accorge di tutto. Guarda com'è triste.
Nel quartiere successivo incontriamo Gor'kij. Dal bozzolo si sente borbottare: «Tre taglieri di sushi misto al prezzo di due. Solo oggi. Ristorante *Sushnjak*: cucina giapponese senza confini. Concedetevi un po' di felicità. Solo oggi». Gor'kij, in una sorta di *trance*, poggia ora su un piede ora sull'altro e il testone di gommapiuma dagli occhi a mandorla dondola sulla sua testa salutando i passanti. Mebel'nyj non riesce a distogliere lo sguardo da lui.
– Questo sarebbe il bozzolo di passaggio intermedio?
– Esatto. Al riparo è di gran lunga più facile diventare imperturbabili. Hai letto Pelevin, quando parla dello "hamlet"[1]? Leggilo, ti farà bene. Il bozzolo è come se fosse quindi il tuo hamlet portatile. Tra l'altro, siamo arrivati. Ecco la tua corazza.
Mebel'nyj prova la sua armatura di cartone, tenuta insieme da una corda sulle spalle, muove tra le mani l'altoparlante. Lo guardo, ammirandolo.
– Microcrediti? Sul serio? Ma chi vuoi che vada a prendere in prestito diecimila rubli dando in pegno l'appartamento? – dice con dispetto. – Oppure uno sconto del tre per cento su una pelliccia? Davvero uno compra una pelliccia solamente perché costa quarantottomila rubli anziché cinquantamila? Oppure Scientology. Chi crederà mai ai corsi di crescita personale se a farne pubblicità è un barbone per la strada? Che senso ha tutto questo?
– Stai infrangendo le regole. Non devi cercare il significato. Sai chi sta in cima alla nostra gerarchia? Quelli che distribuiscono i volantini con il proposito di distribuire volantini. Ma devi

---

[1] Viktor Pelevin (Mosca 1962), scrittore russo, ha pubblicato due romanzi (*Empire-V*, 2006; *Batman Apollo*, 2013) i cui protagonisti sono dei vampiri. Pelevin stesso, in *Batman Apollo,* fornisce la definizione di questo hamlet: «Ognuno di noi preferisce trascorrere qualche ora in più nel proprio hamlet (così si chiama un luogo intimo dove appendersi a testa in giù)». V.O. Pelevin, *Batman Apollo*. Moskva, Eksmo, 2013, p. 8. [N.d.T.]

ки. Но тебе еще предстоит дорасти. А пока будешь вместе с азиатами. Заметил, что микрозаймы чаще всего рекламируют азиаты? Это потому, что они питаются только интонацией из динамика. Это как сидеть на синтетическом наркотике. Никогда не достигнешь полной атараксии, если не настроишь на бесцельность свой разум. Часто прохожие говорят: «Зачем эти календарики? Их никто не берет, их выкидывают, не читая». И отвечают, успокаивая себя: «Если бы это не работало, то промоутеров не было бы так много. Значит, я не попадаю в целевую аудиторию». Мы внушаем людям идею мимолетности, ограничиваем их мысли сегодняшним днем. Отсюда это «Спешите! Только сегодня! Не пропустите!». Только сегодня. Реклама не знает слова «завтра». Еще вопросы?

– Да. Кто придумал этот регламент? Ведь должен быть кто-то главный.

– Странно, что ты этого не знаешь. Центральный, конечно.

– Это значит, он на Центральном вокзале живет?

– Он живет везде и нигде. Это пока единственный человек, который достиг полной атараксии. В доказательство он однажды собрал звеньевых и у нас на глазах отрезал себе два пальца. Он выше всех нас, он живет в будущем. Если вопросов больше нет, марш на Мебельную. У меня вахта простаивает.

Сутулый небритый мужчина стоит у автобусной остановки. На груди его линялая повязка, в руке пачка листовок. Взгляд расфокусирован, а губы монотонно повторяют: «Помощь в возврате прав, подаче судебных исков. Консультации. Нотариус. Скидки пенсионерам 10%. Только сегодня. Спешите. Юридическая фирма «Фемида и Компания». Только сегодня». Он не замечает, как из руки вытягивает листовку пожилая женщина. Она смотрит с сочувствием и вспоминает, как 20 лет назад устраивала похороны его жены, носила ему еду и отговорила родственников сдавать его в психиатрическую лечебницу. Он ушел из НИИ, перестал выходить из дома

ancora crescere per questo. Nel frattempo, starai assieme agli asiatici. Hai notato che sono più frequentemente gli asiatici a pubblicizzare il microcredito? Questo perché si nutrono esclusivamente dell'intonazione proveniente dall'altoparlante. È come fare uso di droghe sintetiche. Non raggiungerai mai la completa atarassia se prima non predisporrai la tua mente all'inanità. Spesso i passanti dicono: «A cosa servono questi calendarietti? Non li prende nessuno, li buttano via senza leggere». E rispondono, calmando se stessi: «Se questo non funzionasse, non ci sarebbero così tanti *promoter*. Significa che non rientro nei canoni del potenziale acquirente». Noi inculchiamo nella gente l'idea della fugacità, limitiamo i loro pensieri alla giornata di oggi. Da qui derivano gli «Affrettatevi! Solo oggi! Non mancate!». Solamente oggi. La pubblicità non conosce la parola «domani». Altre domande?
– Sì. Chi ha inventato questo regolamento? Perché ci deve essere un capo.
– Strano che tu non lo sappia. Il Centrale, è ovvio.
– Significa che lui vive alla stazione Centrale?
– Lui vive dappertutto e da nessuna parte. Per il momento è l'unica persona ad aver raggiunto la completa atarassia. A dimostrazione, un giorno radunò noi capisquadra e davanti ai nostri occhi si tagliò due dita. Lui è superiore a tutti noi, vive nel futuro. Se non ci sono altre domande, avanti, torna in via Mebel'naja. Devo riprendere il mio servizio di guardia.
Un uomo ingobbito, con la barba di alcuni giorni, se ne sta in piedi alla fermata dell'autobus. Sul suo petto una fascia sbiadita, un pacchetto di volantini in mano. Lo sguardo è sfocato, le labbra, invece, ripetono in maniera monotona: «Assistenza nel recupero della patente, nella presentazione di una domanda giudiziale. Consulenze. Notaio. Sconti ai pensionati del dieci per cento. Solo oggi. Affrettatevi. Studio legale *Temide & Co*. Solo oggi». Non si accorge di come un'anziana signora gli sfili un volantino dalle mani. Lei lo guarda con compassione e ricorda come, vent'anni prima, abbia organizzato i funerali di sua moglie, gli abbia portato del cibo e abbia dissuaso i suoi parenti dal farlo ricoverare in una clinica psichiatrica. Lui lasciò il suo lavoro al centro di ricerca, smise di uscire di casa di giorno e cominciò a bere. Un giorno, poi, sparì da qualche parte, ricomparendo una settimana dopo qui, alla fermata. L'anziana signora provò a scambiare qualche parola, ma lui la guardò solamente di sbieco e dichiarò che lei gli allagava l'appartamento. «A Mariša non piacerà

днем, запил. А потом пропал куда-то и появился спустя неделю здесь, на остановке. Она пыталась заговорить с ним, но он только посмотрел на нее искоса и заявил, что она заливает квартиру. «Марише не понравится эта плесень. Впрочем, будет уже все равно. Мне нельзя отвлекаться», – и с тех пор больше не проронил ни слова.

Где-то за бастионами мусорных контейнеров на Центральном вокзале бородатый старик в изодранном пуховике поливает левую руку водкой и аккуратно надрезает отмороженный и успевший почернеть палец. Его лицо безмятежно. Пальцев на руке останется два.

На углу Мебельной улицы в сыром тумане раздается бодрый голос: «Десять тысяч за десять минут. Нужен только паспорт. Приходите, мы поможем. Ставка меньше на два процента! Только сегодня! Бюро «Копейку бережем». Только сегодня!» Мальчик в картонных доспехах прислонился к мерзлому боку газетного киоска. Он улыбается во сне.

questa muffa. Tra l'altro, non fa più nessuna differenza. Non mi è permesso distrarmi»; e da quel momento non proferì più alcuna parola.
Da qualche parte, oltre la muraglia dei bidoni dell'immondizia, alla stazione Centrale, un vecchio barbuto, con un giubbotto stracciato, si bagna la mano sinistra con della vodka e, accuratamente, recide un dito congelato, fattosi già nerastro. Il suo volto è sereno. Nella mano rimarranno solamente due dita.
All'angolo di via Mebel'naja, immersa nell'umida nebbia, risuona una voce energica: «Diecimila in dieci minuti. Serve solo il passaporto. Venite, noi vi aiuteremo. Il tasso è inferiore al due per cento! Solo oggi! Agenzia *Risparmiamo il centesimo*. Solo oggi!». Il giovane con la sua armatura di cartone si appoggia alla parete ghiacciata del chiosco dei giornali. Sorride nel sonno.

Отзыв о рассказе

Елена Ляшенко выводит нас на улицы городов, на которых мы изо дня в день видим людей с рекламными носителями на груди и на спине. У такого человека, представителя живой (ходячей) рекламы, есть название: сэндвичмэн, человек-бутерброд, передвижной штендер. Во времена моей молодости на подобных промоутеров предлагали нам «полюбоваться» в журнальных или газетных статьях о тяжелой жизни «в мире капитала», которому ничего не стоило унизить человека, надев на него стенд из двух щитов (в рассказе Е. Ляшенко – кирасу). Такие кирасы были для нас когда-то столь же красноречивыми приметами Запада, как жевательная резинка и кока-кола.

И вот мы «догнали» Запад, о чем талантливо напоминает нам рассказ Елены Ляшенко. Герой повествования, руководитель одного из звеньев в цепочке ходячих промоутеров, проснувшись чуть свет по будильнику, чтобы инспектировать своих подопечных, видит в шкафу корешки книг, среди которых есть и его собственные. «Что-то по молекулярной биологии, чепуха, написанная во времена заблуждения». В этом беглом взгляде на прошлое нет ностальгии: жизнь поставила крест на многообещающей карьере молодого микробиолога.

Гротесковые краски в палитре автора акцентируют невеселую картину сегодняшней улицы – поля действия неудачников всех возрастов, зарабатывающих на хлеб способом, который двадцать-тридцать лет назад считался унизительным. Что до названия рассказа, то оно, скорее всего, связано с программированием и соответствует английскому термину closure, принятому для обозначения подпрограммы, сохраняющей контекст (привязку к переменным).

Евгений Солонович

Nota critica

Elena Ljašenko ci conduce nelle strade delle città dove noi, giorno dopo giorno, vediamo persone con i cartelloni pubblicitari appesi sul petto e sulle spalle. Questa persona, il rappresentante della pubblicità umana (mobile), ha un nome: *sandwich man*, uomo-panino, cavalletto pubblicitario mobile. Al tempo della mia giovinezza ci proponevano di "concentrare l'attenzione" su simili *promoter* in articoli di riviste e giornali incentrati sulla pesante vita nel "mondo del capitalismo", al quale non costava assolutamente nulla umiliare una persona mettendogli addosso un pannello pubblicitario composto da due cartelloni (nel racconto di Elena Ljašenko – una corazza). A quel tempo, queste corazze erano per noi tratti distintivi dell'Occidente tanto eloquenti quanto lo erano la gomma da masticare e la Coca-Cola.

Ed ecco che noi abbiamo "raggiunto" l'Occidente, fatto che il racconto di Elena Ljašenko con talento ci riporta alla mente. Il protagonista della storia, il capo di una delle squadre di cui è composta la catena di *promoter* ambulanti, svegliatosi all'alba al suono della sveglia per ispezionare i suoi sottoposti, vede nello scaffale i dorsi dei libri, tra i quali figurano anche i suoi personali. "Qualcosa di biologia molecolare, sciocchezze, scritte in un momento di abbaglio". Non c'è nostalgia per il passato in questa occhiata fugace: la vita ha messo una croce sopra la promettente carriera di un giovane microbiologo.

I colori grotteschi nella tavolozza dell'autrice accentuano il quadro triste delle strade al giorno d'oggi: il campo d'azione di perdenti di tutte le età che si guadagnano il pane in quella maniera che venti, trent'anni fa era considerata umiliante. In merito al titolo del racconto, esso è probabilmente legato al linguaggio della programmazione informatica e corrisponde al termine inglese *closure*, usato per contrassegnare un sottoprogramma atto al mantenimento del contesto (del vincolo alle variabili).

Evgenij Solonovič

Биография

Елена Ляшенко родилась в Кыргызстане в 1990 г. В 2006 г. переехала в Санкт-Петербург. Окончила СПбГУП. На IV курсе начала работать в местном филиале газеты «Известия» корреспондентом и редактором. Была корреспондентом «Российской газеты» в Петербурге. В настоящее время – редактор сайта газеты «Аргументы и факты». Сотрудничает в ряде других изданий и преподает основы журналистики на курсах в «Санкт-Петербургской школе телевидения». Художественные произведения прежде не публиковала.

Biografia

Elena Ljašenko è nata in Kirghizistan nel 1990. Si è trasferita a San Pietroburgo nel 2006. Laureata presso l'Università di Scienze umanistiche e sociali di San Pietroburgo, dal quarto anno ha iniziato a lavorare, come corrispondente e redattore, presso la filiale locale del giornale "Izvestija". È stata corrispondente per la "Rossijskaja Gazeta" di San Pietroburgo. Attualmente è redattore del sito web del giornale "Argumenty i fakty". Collabora con una serie di altre testate e insegna Fondamenti di giornalismo alla Scuola di televisione di San Pietroburgo. Non ha pubblicato opere letterarie prima d'ora.

Амалия Мокрушина

Перевод на итальянский язык Лилианы Скалы

Amalija Mokrušina

Traduzione in italiano di Liliana Scala

НЕМНОГО ТЕПЛА В СНЕЖНЫЙ ВЕЧЕР

Снова пошел снег. Все наслышаны о непредсказуемости петербургской погоды, но я не перестаю удивляться тому, как неожиданно ураганный ветер сменяется легким бризом, а снег, дождь и град, чередуясь, обрушиваются на родной город вслед за ярко светившим солнцем.

Снег тихонько опускается на землю и тотчас тает. Я вхожу в подъезд и поднимаюсь на третий этаж. Уже снизу я замечаю, что на моей площадке совсем темно – лампочка давно перегорела, а поменять ее некому. До моей двери остается всего один лестничный пролет, и я запускаю руку в сумочку, пытаясь нащупать ключ, как вдруг различаю едва слышные всхлипы и тяжелый вздох. Я всматриваюсь в темноту, щурясь и пытаясь выхватить хоть какие-то черты, и скорее угадываю, чем вижу силуэт, застывший в дверях соседней квартиры.

– Тетя Нина, – тихо говорю я, – удивительно, соседке девяносто лет, но слух она сохранила отличный, – тетя Нина, это Вы?

Тетя Нина, конечно, уже давно не тетя, а бабушка. Но я зову ее так по привычке, сохранившейся с тех давних пор, когда родители оставляли меня на пару часов – тогда еще трехлетнюю – под присмотром Нины Ивановны и Николая Андреевича.

– Тетя Нина, – снова негромко окликаю я темную фигуру, но вместо ответа слышу приглушенное бормотание и еще несколько тяжелых вздохов.

Наконец, нащупав ключ, я открываю дверь, и свет из моей прихожей падает на фигуру тети Нины, тяжело прислонившейся к косяку входной двери.

– Тетя Нина, Вам плохо? Что случилось? – мне кажется, что произошло, что-то бесконечно ужасное, раз она стоит вот так и плачет.

Я бросаю сумку на табурет в прихожей и выбегаю назад на площадку.

– Ну что случилось?

Тетя Нина просто мотает головой и всхлипывает так горько, что у меня сжимается

UN PO' DI TEPORE IN UNA SERA DI NEVE

Ha ripreso a nevicare. L'imprevedibilità del tempo pietroburghese è cosa risaputa, io però non faccio che stupirmi di come a una bufera di vento possa inaspettatamente succedere una brezza leggera mentre neve, pioggia e grandine, alternandosi, si riversano sulla città natia sulla scia di un sole splendente. La neve si posa lieve a terra e subito si scioglie.
Entro nell'androne e salgo al secondo piano. Già dabbasso noto che sul mio pianerottolo è buio pesto: la lampadina si è fulminata da un pezzo e non c'è nessuno che la sostituisca. Manca soltanto una rampa di scale alla mia porta, affondo la mano nella borsetta cercando di trovare al tatto le chiavi quando, all'improvviso, avverto dei singulti appena percettibili e un sospiro profondo. Scruto l'oscurità strizzando gli occhi e, sforzandomi di cogliere perlomeno qualche fattezza, vedo, o meglio intuisco, un profilo irrigidito sull'uscio dell'appartamento vicino.
"Zia Nina" sussurro; è sorprendente che la mia vicina nonostante i suoi novant'anni abbia mantenuto un udito perfetto, "Zia Nina è lei?".
È da molto, s'intende, che Nina Ivanovna è più una nonnina che una zia, ma io continuo a chiamarla così per un'abitudine conservata dal tempo lontano in cui, allora avevo solo tre anni, i miei genitori mi affidavano per un paio d'ore alle sue cure e a quelle di Nikolaj Andreevič.
"Zia Nina", chiamo ancora sottovoce l'oscura figura, ma per tutta risposta sento un sordo borbottio e ancora dei profondi sospiri.
Trovate le chiavi, apro finalmente l'uscio di casa e la luce del mio ingresso si proietta sulla figura di zia Nina, addossata pesantemente allo stipite della sua porta.
"Zia Nina, si sente male? Cosa è successo?". Deve essere accaduto qualcosa di veramente grave se se ne sta lì così a piangere.
Getto la borsa sullo sgabello all'ingresso e torno di corsa sul pianerottolo.
"Beh, che cosa è successo?"
Zia Nina scrolla soltanto il capo e singhiozza in modo così accorato da stringermi il cuore. Dolcemente, ma con fermezza, presa la vicina sottobraccio, la accompagno nel suo appartamento.

сердце. Мягко, но настойчиво, взяв соседку под руку, я завожу ее в квартиру.
Я давно не была здесь – наверное, с детства. Но тут же узнаю старый ковер на стене и полку с хрусталем, и большую кровать, и семь маленьких слоников, понуро бредущих друг за дружкой по верхней панели телевизора.
В кресле сидит Николай Андреевич – муж тети Нины. Он еще старше жены, ему девяносто три года. Правда узнала я об этом случайно, когда в прошлом году он попросил вызвать скорую, а диспетчер стала спрашивать у меня фамилию пациента, адрес и год его рождения.
– Добрый вечер, Николай Андреевич! – я немного успокоилась, увидев, что он в порядке. – Что у вас случилось?
Николай Андреевич в отличие от жены глуховат, поэтому мне приходится говорить как можно громче.
– Добрый вечер, добрый вечер, – отвечает он тоже громче, чем следовало бы. Смотрит на жену с досадой: – Ну, может, хватит уже?
Тетя Нина, наконец, поднимает заплаканные почти прозрачнее старческие глаза:
– Что хватит? Что?!
Она внезапно резко оборачивается ко мне и почти отчаянно выкрикивает:
– Он меня со свету сжить хочет!
Я с удивлением перевожу взгляд с нее на Николая Андреевича – тот недовольно морщится.
– Перестань, Нина! – говорит он.
Но тетю Нину уже не остановить, она смотрит мимо меня и совершенно неожиданно заявляет:
– На чужих женщин смотрит и жалуется им на меня! Жалуется им, представляешь?!
Я застываю в недоумении – мне жаль ее и немного смешно. Но тетя Нина, видно, не сомневается в том, что ее девяностотрехлетний супруг способен вскружить голову любой даме.
Николай Андреевич встает с кресла и пытается усадить в него жену.

Era da tanto che non venivo qui, dall'infanzia, credo. Riconosco tuttavia immediatamente il vecchio tappeto sulla parete, la cristalleria sul ripiano della credenza, il letto grande e i sette elefantini che, a testa bassa, arrancano incolonnati sul pannello superiore del televisore.
Il marito di zia Nina, Nikolaj Andreevič, sta seduto in poltrona. È ancora più anziano della moglie, ha novantatré anni. Invero, l'ho scoperto per caso l'anno scorso, quando mi ha pregato di chiamare il pronto intervento e l'operatrice ha voluto sapere cognome, indirizzo e data di nascita del paziente.
"Buona sera, Nikolaj Andreevič!", accertatami che stava bene, mi sono tranquillizzata. "Che cosa è accaduto?"
A differenza della moglie, Nikolaj Andreevič è un po' duro d'orecchio, ragion per cui mi tocca alzare la voce a più non posso.
"Buona sera, buona sera" risponde anche lui con un tono più alto del dovuto.
Guarda la moglie con aria stizzita: "Beh, perché non la finisci?".
Zia Nina, finalmente, alza gli occhi senili, gonfi di pianto e diafani:
"Di fare che cosa? Cosa?!"
Si volta di scatto verso di me e ormai disperata grida:
"Vuol vedermi morta!"
Con stupore sposto lo sguardo da lei su Nikolaj Andreevič che fa una smorfia di contrarietà.
"Smettila, Nina!" dice.
Ma zia Nina ormai è irrefrenabile, fissa lo sguardo oltre il mio e, di punto in bianco, esclama:
"Guarda le altre e va a lagnarsi con loro di me! Te lo immagini?!"
Resto attonita, mi rincresce per lei e mi viene anche un po' da ridere mentre zia Nina, evidentemente, non mette affatto in dubbio che suo marito a novantatré anni suonati possa ancora far girare la testa a qualsiasi donna.
Nikolaj Andreevič si alza dalla poltrona e tenta di farvi sedere la moglie.
"Guarda le altre..!", continua a mugugnare zia Nina ormai con un tono di gran lunga più pacato.
Finalmente riusciamo a sistemarla in poltrona e Nikolaj Andreevič prende l'apparecchio per misurare la pressione.
"Duecentodieci la massima!"

– На чужих женщин смотрит..., – продолжает бормотать тетя Нина уже гораздо тише.
Наконец, мы устраиваем ее в кресле и, Николай Андреевич достает аппарат для измерения давления.
– Двести десять верхнее.
– Скорую?
Тетя Нина вдруг снова начинает плакать – но на сей раз тихо, без всхлипов. Слезы просто льются по ее морщинистому лицу, и теряются в глубоких складках кожи.
Николай Андреевич склоняется над женой:
– Мы с тобой вместе шестьсот двадцать семь лет вместе живем, и ни на кого я не смотрю. На тебя только!
Скорая приехала быстро, и врач оказалась очень хорошей. Сделала укол тете Нине, а потом, заполняя на нее карточку, спросила у Николая Андреевича:
– А Вы жену не забыли поздравить с днем рождения? Вот тут в паспорте смотрю, у нее же тридцатого ноября был юбилей.
Я ушла от них около двенадцати.
– У нее давление просто... Это из-за погоды..., – бормотал Николай Андреевич, провожая меня до двери.

Через несколько дней в дверях я столкнулась со старшим сыном тети Нины и Николая Андреевича.
– Вот продукты несу своим, – сообщил он мне.
Я киваю, и он вдруг начинает рассказывать мне о том, как тяжело и неудобно ему по три-четыре раза в неделю ездить в пригород, чтобы проведать родителей. Что он вынужден часто отпрашиваться с работы, и, совершенно очевидно, что начальник подумывает в связи с этим об его сокращении. И добавляет даже, что своего младшего сына – да, помню-помню, лохматый такой паренек, с которым мы когда-то давно играли в школу – он не навещал уже месяца четыре.
– А у него, кстати, родились близнецы.

“Chiamo l’ambulanza?”
Zia Nina ricomincia a piangere, questa volta però di un pianto sommesso, senza singhiozzi, le lacrime le solcano il viso rugoso e si perdono tra le profonde pieghe della pelle.
Nikolaj Andreevič si china sulla moglie:
“Sono secoli che stiamo insieme e io non ho mai guardato nessun’altra. Soltanto te!”
L’ambulanza è arrivata in fretta e la dottoressa si è rivelata davvero in gamba. Ha fatto un’iniezione a zia Nina e poi, mentre riempiva la scheda d’intervento, ha domandato a Nikolaj Andreevič:
“Non avrà mica dimenticato di fare gli auguri di compleanno a sua moglie? Qui, dal passaporto leggo che il trenta di novembre ha compiuto gli anni!”
Li lasciai intorno a mezzanotte.
“Ha la pressione proprio alta... È colpa del tempo...!” andava mormorando Nikolaj Andreevič, mentre mi accompagnava alla porta.

Trascorsi alcuni giorni incrocio sull’uscio di casa il figlio maggiore di zia Nina e di Nikolaj Andreevič.
“Sto portando la spesa ai miei” mi informa.
Annuisco e lui inizia subito a raccontarmi di quanto sia gravoso e disagevole venire in periferia tre o quattro volte a settimana per far visita ai genitori; che sovente è costretto a mettersi in permesso ed è più che logico, quindi, che il suo capo stia valutando la possibilità di licenziarlo. Aggiunge ancora che dal figlio minore (sì, ricordo, ricordo un ragazzetto dai capelli arruffati con cui giocavo a scuola tanto tempo fa...) erano ormai all’incirca quattro mesi che non ci andava.
“A proposito, ha avuto due gemelle!”
“Davvero? E come le hanno chiamate?”
“Anja e Katja.”
“Tanti auguri!”
Poi, però, la conversazione scivola di nuovo su zia Nina e su Nikolaj Andreevič.
“E non ha considerato di prenderseli con sé? Ormai hanno una certa età!...”
Viktor Nikolaevič, mi rivolgo a lui con nome e patronimico, in fin dei conti ha la stessa età dei miei genitori, fa schioccare la lingua.

– Правда? И как назвали?
– Аня и Катя.
– Поздравляю.
Но потом разговор вновь возвращается к тете Нине и Николаю Андреевичу.
– А Вы не думали их к себе забрать? Все-таки возраст...
Виктор Николаевич – а я обращаюсь к нему именно так, ведь он в возрасте моих собственных родителей, – цокает языком.
– Так я забрал месяц назад мать к себе. Ей нездоровилось несколько дней и я подумал, пусть поживет с нами, пока не почувствует себя лучше. Все-таки отцу сложно за ней ухаживать.
Я киваю.
– И как?
– Да никак! – Виктор Николаевич раздраженно поводит плечами, но в следующую секунду я улавливаю нотки гордости, сквозящие в его голосе и интонациях. – На следующий же день мать собрала свои вещи и заявила, что немедленно едет домой. А когда я попытался ее остановить, огрела меня своей палкой и сказала, что без нее, видите ли, дед с голоду помрет – ничего сам себе не сможет поесть приготовить!
Я едва сдерживаю улыбку, представляя, как тихая тетя Нина бьет великовозрастного сына палкой и выдвигает свой ультиматум.
– И что потом? – интересуюсь я.
Мой собеседник на секунду замолкает, но потом все-таки произносит:
– Отец заплакал, когда я маму привез. Сказал, что вообразил, будто не увидит ее больше живой.
Виктор Николаевич прощается и уходит, а я выхожу на улицу. Снег растаял, и по-весеннему тепло.

“Così ho fatto, un mese fa ho preso mia madre e me la sono portata a casa. Erano alcuni giorni che stava male e ho pensato di farla venire da noi finché non si fosse rimessa. D’altra parte mio padre fa fatica a prendersene cura.”
Annuisco. “E allora?”
“Allora niente!” Alza le spalle irritato Viktor Nikolaevič, ma un attimo dopo colgo una nota d’orgoglio trasparire dal tono della sua voce. “L’indomani stesso, ha raccolto tutte le sue cose e ha annunciato che sarebbe tornata immediatamente a casa. E quando ho provato a trattenerla, mi ha assestato una bella bastonata e ha detto che senza di lei, c’era da crederci, il povero vecchio non sarebbe stato in grado di prepararsi nulla da mangiare e sarebbe morto di fame.”
Figurandomi la placida zia Nina che bastona quel figlio grande e grosso e che lancia il suo ultimatum, trattengo a stento un sorriso.
“E poi?” chiedo.
Il mio interlocutore tace per un momento, ma poi proferisce:
“Quando ho riportato la mamma a casa, mio padre è scoppiato in lacrime. Ha detto di aver creduto che non l’avrebbe più rivista viva.”
Viktor Nikolaevič mi saluta e se ne va; io intanto esco in strada. La neve si è sciolta, si avverte un tepore quasi primaverile.

Отзыв о рассказе

У Амалии Мокрушиной вполне благополучная биография молодого ученого. Родилась в Санкт-Петербурге в 1981 году. Окончила Санкт-Петербургский университет. Защитила диссертацию, стала кандидатом филологических наук. Преподает в университете арабский язык, пишет научные статьи по арабистике и переводит с арабского художественную прозу.

Никого бы не удивило, если – в соответствии с профессией – в присланном на конкурс рассказе действие разворачивалось бы, как в сказках «Тысячи и одной ночи», под жарким солнцем, делающим все краски особенно яркими, еду пряной, а чувства – страстными. Но фон нашего рассказа – промозглый зимний вечер в Санкт-Петербурге с традиционным питерским мокрым снегом и перегоревшей лампочкой в подъезде. Герои живут в скромной квартире, где вещи состарились вместе с ними, страдают от обычных старческих немощей и терпеливо несут бремя прожитых лет. И все-таки рассказ дарит удивительное ощущение волшебной сказки, человеческого тепла, пронесенного через всю долгую жизнь тепла большой, настоящей любви. Без пафоса, с мягким, человечным юмором рисует писательница своих героев. И мы благодарны ей за этот добрый взгляд, за «немного тепла в снежный вечер».

Нина Литвинец

Nota critica

Quello di Amalija Mokrušina è il curriculum di una giovane studiosa affermata. Nata a San Pietroburgo nel 1981, si è qui laureata presso l'Università Statale. Ha conseguito un dottorato di ricerca in Scienze filologiche. È docente universitaria di Lingua araba, scrive saggi scientifici di arabistica e traduce dall'arabo prosa d'arte.
Nessuno si sarebbe meravigliato se, in linea con la professione dell'autrice, il racconto destinato al concorso fosse stato ambientato, come nelle fiabe de *Le mille e una notte*, sotto un sole cocente tale da rendere le tinte particolarmente vivide, il cibo speziato e i sentimenti passionali. Lo scenario del nostro racconto, al contrario, è un'umida notte invernale a San Pietroburgo con la sua tipica neve bagnata e le lampadine fulminate negli androni dei palazzi. I protagonisti vivono in un appartamento modesto in cui gli oggetti sono invecchiati con loro, soffrono dei comuni acciacchi della vecchiaia e sopportano con pazienza il fardello degli anni trascorsi. Eppure il testo regala la sensazione sorprendente di un racconto fiabesco, di un calore umano mantenuto vivo nel corso di una lunga esistenza, il calore di un grande, vero amore. La scrittrice tratteggia i suoi personaggi senza enfasi, con un tocco di umano umorismo. E noi le siamo grati per questo sguardo delicato e per "un po' di tepore in una sera di neve".

Nina Litvinec

Биография

Амалия Мокрушина (1981) родилась в Санкт-Петербурге. В 2005 г. окончила Санкт-Петербургский государственный университет со степенью магистра востоковедения, африканистики. В 2009 г. защитила диссертацию на соискание степени кандидата филологических наук. В настоящее время преподает арабский язык на Восточном факультете и на факультете свободных искусств и наук (Санкт-Петербургский государственный университет). Автор более тридцати научных работ, переводит поэзию и прозу.

Biografia

Amalija Mokrušina (1981) è nata a San Pietroburgo. Nel 2005 si è laureata presso l'Università Statale di San Pietroburgo, specializzandosi in Orientalistica e africanistica. Nel 2009 ha conseguito il dottorato di ricerca in Scienze filologiche. Attualmente insegna Lingua araba presso la facoltà di Studi Orientali e presso la facoltà di Arti Liberali e Scienze dell'Università Statale di San Pietroburgo. È autrice di più di trenta contributi scientifici. Traduce testi in poesia e in prosa.

Сергей Самсонов

Перевод на итальянский язык Джакомо Фони

Sergej Samsonov

Traduzione in italiano di Giacomo Foni

СВОЙ И ЧУЖОЙ

Хуже нет, чем убитая мать... на тебя... чем когда должен ты ее как-то... заткнуть, безъязыкий, безрукий. На хрена ее было – сейчас! – выпускать, словно рыбу на лед из ведерка, из стальной конуры на колесах, из ушедшего рылом в кювет невредимого в целом «икс-пятого»?... и теперь без пощады, не горлом – разоренным нутром закричала: «А-ы-ы-ы-ы-а-а!... » – так, что каждый почуял, как полезли из-под ногтей когти, из разодранной пасти – клыки у нее; разорвать и загрызть ломанулась на Вову – на тяжелые снулые туши, сквозь плечи – и, влепившись в живую плотину, увязнув, колотилась, рычала в сугробах патрульно-постового мужицкого мяса, в берегущих ее от падения руках Тарапуньки и Штепселя: «Гад! Он в машине меня закрыл, гад... стоял смотрел, как тут ребенок умирает!» – в асфальтовой, панельной ледяной заснеженной пустыне Открытого шоссе: пускай проснутся все за тысячами окон, в бетонных парусах, полотнищах вдали, пускай проснутся «там», на верхних этажах, в отсутствующем небе и увидят... и крик ее резал по мозгу, как по дубовому простуженному комлю.

Нагульнов озирался: кто с какого расстояния что мог видеть, – вот кто здесь задает вопросы и решает, кому жить, начальник криминальной полиции района, чугунного литья квадратный подполковник с единственной трудовой мозолью от курка и стершимися о людей давильными глазами.

– Он сына моего убил! – Со смирившейся болью мать качнулась к нему как к последней на земле справедливости, силе, что должна капитана Малыгина Вову стереть, дважды, трижды убить, подымая назад из земли, чтоб еще раз..., – заглянула в Нагульнова черными ненасытными дырами: слышишь?!

Нагульнов не услышал, и баба захлебнулась так резко, будто кто убрал ее под воду, сломалась в грязных джинсовых коленях и повисла, провисла на руках зовущих ее «пэпсов»: «Вы слышите меня?»... убрали, увели в патрульную машину, а крик ее все длился для Вовы одного, и в нем уже не бился упругий молот крови – вмурован был

IL SÉ E L'ALTRO

Non c'è niente di peggio di una madre avvilita... quando ti assale... di quando, in qualche maniera, devi farla... stare zitta, ammutolito e impotente. Perché cazzo dovevano farla uscire – proprio adesso! – come il pesce da un secchiello quando viene rovesciato sul ghiaccio, da quella tana d'acciaio con le ruote, dall'x-5 ancora intatta, finita col muso nella fossetta? E adesso, senza pietà, non con la gola, ma con il ventre depredato, urlava: «AAAaIiiiiOoooo!...» così che ognuno sentisse che le stavano spuntando gli artigli da sotto le unghie, e le zanne dalle fauci spalancate; pronta a sbranare e divorare, si scagliò contro Vova, contro le massicce carcasse apatiche alle spalle, e invischiata in quella barriera umana, impigliata, si dimenava, ruggiva tra i grossi mucchi di carne della polizia, tra le mani di Tarapun'ka e Štepsel[1] che la tenevano per non farla cadere – «Bastardo, mi ha chiuso in macchina, bastardo! Stava lì a guardare come muore un bambino!» – in mezzo al deserto ricoperto di neve e di ghiaccio, d'asfalto e di prefabbricati dell'*Otkrytoe šosse*: che si sveglino pure tutti dietro la muraglia di finestre, nelle vele di cemento, dietro le tende lontane, che si sveglino pure, "là", ai piani superiori, sotto il cielo assente e vedano... e il suo grido penetrava nel cervello, come in un ceppo di quercia raggelato.
Nagul'nov diede uno sguardo attorno per capire chi vedeva che cosa e da quale distanza – ecco chi è che fa le domande qui, e decide chi è degno di vivere, il capo della polizia criminale del quartiere, un tenente colonnello quadrato, fatto tutto di un unico pezzo di ghisa, con un unico callo da grilletto sulle dita come segno distintivo e occhi opprimenti consumatisi a furia di fissare le persone. «Ha ucciso mio figlio!» – con rassegnato dolore la madre barcollò verso di lui quasi fosse l'ultima fonte di giustizia sulla terra, l'ultima forza che doveva annientare il capitano Vova Malygin, ucciderlo due, tre volte, sollevandolo di nuovo da terra in modo da poterlo fare ancora – guardò Nagul'nov dai suoi insaziabili buchi neri: «Mi senti?!».

---

[1] Celebre duo comico dell'epoca sovietica. [N.d.T.]

он в то, что началось тут для него лишь одного и никогда теперь уже не кончится.
– Рассказывай. – Нагульнов взглянул в него сантехником, врачом, уже понасмотревшимся на вырванные взрывом перепонки, принесшим все с собой для ликвидации прорывов и протечек...
– Короче, значит, еду... и эти двое тут – оттуда к остановке. Увидел их, когда они уже на середине... – кто-то из Вовиных соседей, живущих в голове, в какой-то смежной комнате, на верхнем этаже, хотел, чтобы он, Вова, это говорил, чтоб продолжал поползшее пятнадцать (?) минут назад движение руки, сдавившей телефон, как ладанку, иконку, заученно нашарившей в «контактах» единственное сильное «НАГУЛЬНОВ», такого «своего» железного их подпола, который вызволял, вытаскивал всегда... – И что мне – тормозить? Опасно, гололед. Я газу – проскочить, а он мне под колеса! Ну, сдуру побежал! Я вправо, влево... ну и...
– Куда хоть ехал, гонщик? – Нагульнов повел головой на длину тормозного пути.
– В тридцатую больницу. Звонят: жена рожает. Она там у меня на сохранении... таз узкий, все такое, – кто-то еще из маленьких людей, живущих в капитане, это помнил – про Вову, за Вову – что это он завел часы у Светы в животе, машинку будущего, жизнь, необходимый только на ничтожную, теперь уже далекую минуту, чтоб в Свете это появилось, сперва диаметром два с половиной миллиметра; что, может быть, пока он тут... там, в белом кафельном покое, уже зажил, заворочался сам по себе и орет неправдиво отдельный от Светы кусочек, слепая гусеница, ящерка с красно-морщинистыми лапками... или, может быть, сделалось что-то не так, не хватило «дыши» и «кричи», и жену его режут сейчас... только сейчас об этом он и вспомнил; он вот и раньше-то не мог вместить существования этой новой жизни и делал все, оглохнув и не веря, что это важное имеет отношение к нему, а уж теперь понять не мог совсем: как это так – «он» там лежит, бывший живым, и теплым, и смеющимся, а его собственный ребенок только будет, не пропадет, пропасть не может, и значит, сам он, Вова, дальше должен быть.
– Пошел за мной. – Нагульнов двинул к своему двухтонному «Инфинити», махнул рукой Тарапуньке, дернул дверцу, точным движением слесаря достал из бардачка флакон с

Nagul'nov non aveva sentito e la donna soffocò così bruscamente che sembrava le avessero ficcato la testa sott'acqua, crollò in ginocchio sui jeans sporchi, si aggrappò e si incurvò sulle mani dei "pulotti" che la chiamavano: «Mi sentite?!» – la presero, l'accompagnarono via verso la volante, ma il suo grido si prolungò per il solo Vova, in cui già il sangue non affluiva più, lui era murato in ciò che era cominciato per lui e per lui soltanto, e che ormai non sarebbe più finito.
«Racconta.» Nagul'nov lo squadrò come un idraulico, un medico, che di membrane lacerate dall'esplosione ne ha già viste a bizzeffe e che ha portato con sé tutto l'occorrente per tamponare le falle e le infiltrazioni...
«Sì, insomma, stavo guidando... e questi due sono sbucati da laggiù, in direzione della fermata. Li ho visti quando erano già in mezzo alla strada... – qualcuno, tra i vicini di Vova, che vivevano nella sua testa, in qualche camera adiacente, al piano di sopra, voleva che lui, Vova, lo dicesse, che continuasse quel movimento che si protraeva ormai da quindici (?) minuti, quel movimento della mano che stringeva il telefono come un amuleto, un'icona, che tra i contatti si fermava in modo automatico sull'unico forte NAGUL'NOV, quel "suo" tenente colonnello di ferro, che lo cavava sempre d'impaccio, lo tirava fuori dai guai... – E che dovevo fare, frenare!? Era pericoloso, c'era il ghiaccio. Ho dato gas, è caduto e l'ho preso sotto! Si è messo a correre quello stupido! Io a destra, a sinistra, e...»
«E dove stavi correndo, campione?!» chiese Nagul'nov indicando con la testa i lunghi segni di frenata.
«All'ospedale numero trenta. Mi hanno chiamato, mia moglie sta per partorire... è là sotto osservazione, ha il bacino stretto dopotutto e...» – qualcun altro tra gli omuncoli che vivevano nel capitano se lo ricordava, – di Vova, per Vova, – che l'aveva caricato lui l'orologio nella pancia di Sveta, quella piccola macchina del futuro, la vita, necessario solo in quel misero e ormai lontano istante perché in Sveta ciò diventasse evidente, dapprima con un diametro di due millimetri e mezzo; che mentre lui è ancora lì... là, in quella quiete piastrellata di bianco, ha già iniziato a vivere, a muoversi da solo e grida ingiustamente, quella briciolina separata da Sveta, quel bruchino cieco, quella lucertolina con le zampette rosse e grinzose... o, magari, qualcosa è andato storto, non c'è stato il «respira», «grida» e ora stanno operando sua moglie... di tutto ciò se ne ricordò solo in quel momento. Fino

коричневой жидкостью и золотой трехзвездочной этикеткой – кратко нажал на подбежавшего глазами, и Тарапунька понял все, давно известное ему, и пошагал с бутылкой в рукаве назад к патрульному мигалочному «Форду», чтобы там: «Вот, выпейте, это вам надо, до дна», – кромкой стаканчика разжав сцепившиеся зубы и пересилив встречные подкатывающие спазмы, не дав выплевываться толчками коньяку, как изо рта откачанной утопленницы... Вова все понимал, но как будто вместе с тем не мог понять, кто и зачем это делает; все вокруг изменилось, осталось таким же, но уже без него, жизнь пошла без него, ничего он не весит, никуда не возьмут, никогда он не сможет уже жить как раньше и не сможет никак; обвалился с Нагульновым рядом в машину, и Нагульнов опять посмотрел в него не тяжело, ничего в нем, Малыгине, не разрывая, но от этого только почему-то страшнее:

– Значит, слушай сюда. Был бы это сейчас кто-нибудь из моих, я б тогда твоего – на мороз без пеленок, как Штирлиц. Только ты же ведь, Вова, не мразь, воевал, дырки вон за меня получал – сколько мы с тобой по этой жизни рядком. Что ж как с гада с тебя буду спрашивать? Так что сам решай, сам, как ты с этим. Я могу сейчас сделать это все по уму. Грамм двести Тарапунька в нее влил, заключение будет, что она на дороге была невменько, ну а с камерой... – глянул на светофор, где повесили камеру, – я знакомых гайцов попрошу, чтобы запись почикали. Но решай это прямо сейчас. Если да, значит, да. Но тогда уж смотри, чтоб потом покаянием тебя не накрыло... и чтоб всех нас говном... Ну чего молчишь? Делаем?

Как не разрубишь пополам магнит – он, капитан, застрял меж полюсов; смотрел из капсулы вовне сквозь лобовое на подползавшие мигалки ДПС; там из «скорой» уже подавали раскладную каталку и мусорный черный мешок; по обочинам сусликами возле собственных будто бы норок жадно замерли первые зрители: торопились нажраться, боясь пропустить птичьи тонкие кости, щенячью шкурку, на которой уже перестал таять снег; прибавлялось дубленок, и пуховик, и оранжевых дворницких азиатских жилеток, и Нагульнов сказал, что вот этих не жалко, поживших и прогнивших уже изнутри, а ребенок был новый, лет семь пацану, а потом сказал: «С каждым такое могло

a poco prima non riusciva a concepire l'esistenza di questa nuova vita, e faceva tutto come tramortito, non credendo che tutto ciò avesse un legame importante con lui, mentre adesso non poteva assolutamente capire: com'è possibile – "l'altro" è lì, steso, prima era vivo, era caldo, rideva, e suo figlio invece ha tutto il futuro davanti, non morirà, non può morire e, dunque, anche lui, Vova, deve continuare a vivere.
«Seguimi» – Nagul'nov si diresse verso la sua Infinity da due tonnellate, fece un cenno a Tarapun'ka, aprì con un brusco strappo la portiera, con un movimento preciso da meccanico estrasse dal vano portaoggetti una boccetta con un liquido marrone e un'etichetta dorata con tre stelle, fece un cenno con gli occhi all'altro che accorreva, e Tarapun'ka capì tutto ciò che gli era noto ormai da tempo, e tornò indietro con la bottiglia nella tasca del giubbotto verso la Ford lampeggiante della pattuglia: «Su, bevete, vi fa bene, fino all'ultimo sorso...», forzando con il bordo del bicchiere i denti serrati e vincendo i conati che salivano su, non permettendo che il cognac fosse sputato fuori tra gli spasmi, come dalla bocca di un'annegata che viene rianimata...Vova aveva capito tutto, ma allo stesso tempo non poteva capire chi facesse tutto ciò e perché; tutto era mutato intorno a lui, era rimasto lo stesso, ma senza di lui ormai, la vita continuava senza di lui; non contava più niente, non aveva più scopo, non avrebbe più potuto vivere come prima, né in nessun altro modo; si accasciò in macchina accanto a Nagul'nov, Nagul'nov lo guardò di nuovo, in modo leggero, senza violare niente in lui, in Malygin, ma proprio per questo il suo sguardo risultò, chissà perché, ancora più terribile: «Senti... Se fosse capitato a qualcuno dei miei figli, il tuo lo avrei messo fuori a congelare senza pannolino, come in Stierliz[2]. Tu però, Vova, non sei una canaglia, hai combattuto, hai preso le pallottole al posto mio, quante ne abbiamo passate tu e io insieme in questa vita! Mica posso trattarti come un delinquente! Perciò decidi tu cosa vuoi fare. Posso sistemare tutto in modo intelligente. Tarapun'ka le ha versato in gola duecento grammi, penseranno che non era in sé quando andava per la strada,

---

[2] Max Otto von Stierliz, agente segreto protagonista di alcuni romanzi di Julian Semënov e della serie televisiva *Diciassette attimi di primavera* da essi tratta. L'episodio dell'infante lasciato al freddo senza pannolino compare nella nona puntata. [N.d.T.]

– ну, сорвался с нарезки на радостях», или сам себе Вова вот это сказал, и от мысли о сыне в мозгу его вспыхнула яркая лампа, и с какой-то отсекшей его от всего, запаявшей наглухо изнутри его силой он почуял, что есть только он, капитан, есть его только крошечный, нестерпимо живой, настоящий единственный сын и жена, быть защитой которых он должен всегда; все другое в сравнении с этой правдой ничтожно, по сравнению с родностью двух любимых и любящих – даже эта вот баба, которую он обнесчастил налетом всех своих лошадиных взбесившихся сил, даже это цыплячье тельце в застегнутом наглухо черном мешке... не должны приварить его к этому месту и отнять у него счастье всей их со Светой и маленьким будущей жизни... и уже, пробивая в груди все преграды, разжимая держащие изнутри его когти, подтекло к его горлу решенное с бесповоротностью «делай».

– Значит, все, ты решил. – Вбил Нагульнов ему гвоздь в промерзлое темя, толкнулся из машины и пошел проходческим комбайном, метростроевским щитом рассказывать дежурным операм и дэпээсникам, «как было»: откуда Вова ехал, когда и где увидел женщину с ребенком, и где начал сбрасывать скорость, и где дал три предупредительных сигнала... и Вова не мог уместить, что он его, Нагульнова, уже об этом попросил, что целиком и навсегда уже свободен... санитары уже подтащили каталку с мешком к пасти «скорой» – конвейер, стертоглазая «Почта Россия», рядом с ними откуда-то, как-то появилась забытая всеми, беспризорная мать и набросилась на запакованный маленький взгорок с бескогтистым, бесклыким «отдайте!»... и свалилась так, будто вся кровь ее разом ушла вот на этот рывок.

Возвратился Нагульнов, втолкнулся за руль:

– Порешали. – Словно выбросил ком туалетной бумаги, оттерев заржавевшие пальцы в мозолях. – Ну, куда мне?

– В роддом. – Вот что снимет его подступившей водой с неподвижного этого места – захотел, как взмолился, он первого неумелого прикосновения к несомненной живой, нежной тяжести мальчика, чтобы с точным ударом беспощадного счастья почуять: он есть, продолжается, будет...

mentre per la telecamera – guardò il semaforo, dove avevano montato la telecamera – chiederò ai ragazzi della stradale di distruggere la registrazione. Però devi decidere adesso. Se è sì, allora è sì. Ma bada bene poi di non farti prendere dai rimorsi e di non metterci tutti nella merda... Perché non dici niente? Lo facciamo?».
Come una calamita, che non può essere divisa a metà, il capitano rimase sospeso tra due poli; dall'abitacolo guardò fuori, attraverso il parabrezza, i lampeggianti delle volanti che si avvicinavano; dall'autoambulanza avevano già tirato fuori la barella e il sacco nero dei rifiuti; sui bordi della strada, simili a roditori accanto alle proprie tane, si erano fermati avidamente i primi spettatori: si erano precipitati lì per banchettare, temendo di perdere le esili ossa dell'uccellino, la pelle del cucciolo, su cui aveva già cessato di sciogliersi la neve; si erano poi aggiunti montoni, piumini, e gilet arancioni da netturbino asiatico, e Nagul'nov disse che se fosse successo a questi qui, che hanno vissuto e sono già marciti dentro, non sarebbe stato un gran male, ma il bambino era piccolo, un ragazzino di sette anni, e disse anche: «Sarebbe potuto accadere a chiunque, era fuori di testa per la felicità», o forse fu Vova a dirselo da sé, e al pensiero del figlio gli si accese in testa come una lampadina, e con una qualche forza che lo isolava da tutto, che lo schermava dal di dentro come una saldatura ermetica, sentì che ora esisteva solo lui, il capitano, che ora esistevano solo quel suo minuscolo, insopportabilmente vivo, unico e autentico figlio e la moglie, e che lui avrebbe dovuto difenderli per sempre; tutto il resto era insignificante in confronto a questa verità, in confronto al legame con quei due che amava e che lo amavano, perfino questa donna, a cui aveva tolto la felicità con il raid dei suoi cavalli furiosi, perfino quel corpicino di pulcino, chiuso ermeticamente in quel sacco nero... non dovevano inchiodarlo qui e privarlo di tutta la felicità della vita futura con Sveta e il piccolino... e già, dal petto, facendosi strada tra gli ostacoli e allentando la morsa degli artigli che lo attanagliavano da dentro, affiorava alla gola un deciso e irrevocabile: «Fallo!».
«Bene, è deciso dunque» – Nagul'nov troncò ogni discussione, uscì dalla macchina e con l'andatura di una talpa meccanica, di uno scudo rotante della Metro andò a raccontare agli operatori in servizio della Squadra Mobile e agli agenti della Stradale «com'era andata»; da che direzione veniva Vova, quando e dove aveva visto la donna col bambino, dove aveva iniziato a diminuire la velocità, dove aveva dato tre colpi di clacson come avvertimento... e Vova non riusciva a realizzare di aver già chiesto

Отползли от мигалок, от смерти, развернулись, летели к месту Вовиной службы, рождения; должен был становиться все прочней, вырастать – точно так же, как он вырастал в великана час назад, когда сам гнал машину в подымающем вещем предчувствии: «вечен!» и в пришпоривающем страхе, что «там» что-то криво пошло и не сбудется... пока этот щенок, колобок в толстой шубке – «куда, бль, куда?!»... но сейчас становилось все меньше его, будто ехал не к сыну, а от... будто эти знакомые улицы и деревья, цепляясь сучками, размотали его до конца, слово бинт. И когда ткнулись рылом в больничный шлагбаум, он с какой-то режущей, окончательной ясностью, безо всяких пустых назиданий типа «все возвращается», «ты потом обязательно будешь наказан», увидел: из-под бабы той, из-под чужого навсегда неподвижного мальчика он себя уже, Вова, не вытащит. Пусть никто не нагонит, не прыгнет на плечи, пригибая к земле и защелкнув на лапах браслеты (он, Малыгин, в «системе», он сам где угодно нагибает любого), все равно это будет в самом нем, внутри – как железная гиря в кадушке с капустой, что уже вот сейчас из него выжимает Нагульнову в ухо: «Зря мы все-таки сделали это, Толян».

a Nagul'nov di fare tutto, e di essere ormai completamente libero, per sempre... gli inservienti avevano già trasportato la barella con il sacco verso le fauci dell'autoambulanza – il nastro trasportatore, la "Posta russa" sbarra-occhi – quando accanto a loro, venendo da chissà dove, apparve la madre abbandonata e dimenticata da tutti, si gettò su quella piccola prominenza, con un indifeso e inerme «Ridatemelo!»... e si accasciò come se tutto il sangue le fosse defluito via in quello slancio.
Nagul'nov tornò e si sistemò al volante:
«Tutto sistemato» – quasi gettasse via un mucchietto di carta igienica, dopo aver ripulito il grasso dalle dita callose. – «Dove ti porto?»
«Ostetricia.» – Ecco che l'avrebbe portato via, come le acque di un'esondazione, da quel posto immobile; aveva voglia, e quasi lo implorava, di un primo maldestro contatto con il peso tenero e indubitabilmente vivo di quel bambino, per sentire in un colpo secco di implacabile felicità che lui esiste, e continua a esistere, ed esisterà...
Si trascinarono via dai lampeggianti, dalla morte, fecero inversione a U e sfrecciarono verso il luogo di servizio del piccolo Vova, della nascita; doveva diventare bello forte, crescere, proprio come lui un'ora prima quando era diventato un gigante, e lanciava la macchina a briglia sciolta lungo l'onda ascendente del presentimento: «è eterno!», o lungo l'incalzante paura che laggiù qualcosa era andato storto e non se ne sarebbe venuti a capo... mentre questo cucciolo, questo piccolo orsacchiotto dentro la sua grossa pelliccia – «dove, cazzo, dove?» ... ma adesso diventava man mano più piccolo, come se non stesse andando dal figlio ma via da lui... come se quelle strade e alberi ben conosciuti si annodassero tra loro e lo srotolassero completamente, come una benda. E quando incocciarono contro la sbarra dell'ospedale, egli con una lucidità acuta e definitiva, senza nessun pensiero elevato del tipo «il male fatto torna sempre indietro» e «sarai inevitabilmente punito per questo», capì: lui, Vova, non avrebbe più potuto trascinarsi fuori da sotto quella donna, da sotto quell'altro bambino, ormai immobile per sempre. Sì, nessuno lo avrebbe raggiunto, saltandogli alle spalle, spingendolo faccia a terra e mettendogli le manette (lui, Malygin, era parte del sistema, era lui a spingere gli altri a terra dove voleva), ma ugualmente gli sarebbe rimasto dentro un peso, un macigno sulle spalle, che già adesso gli spreme fuori, nell'orecchio di Nagul'nov, un: «Tolja, abbiamo fatto tutto questo per niente».

Отзыв о рассказе

«Нас всех подстерегает случай», – эти поэтические строки всплывают в памяти при чтении рассказа Сергея Самсонова «Свой и чужой», в котором роковое дорожное происшествие резко меняет привычный ход жизни главного персонажа и ставит его перед драматическим выбором. Капитан полиции Владимир Малыхин мчится на автомобиле к жене в больницу, где она вот-вот разродится. Появившийся вдруг на дороге вместе с матерью мальчик погибает под колесами его автомобиля, и этот несчастный случай должен надолго отделить его от жены и будущего ребенка, лишить их мужской опоры. Ошеломленный Малыхин, прошедший, как видно из точно расставленных и непедалированных акцентов, непростой боевой путь в горячих точках, «теперь понять не мог совсем: как это так – «он» там лежит, бывший живым, и теплым, и смеющимся, а его собственный ребенок только будет, не пропадет, пропасть не может, и значит, сам он, Вова, должен дальше быть».
Должен быть, но как? И здесь капитан Малыхин готов прибегнуть к корпоративной помощи уважающего его за боевое прошлое начальника, подполковника Анатолия Нагульнова, который может подпоить мать задавленного мальчика, «скорректировать» данные видеонаблюдения и т.п., но принять «главное» решение надо капитану самому. Автор рассказа демонстрирует писательское мастерство, органично сочетая внешнее повествование и внутренние монологи, умело используя минимальные изобразительные средства, верно отобранные художественные детали и штрихи для раскрытия духа времени, своеобразия человеческих характеров, колебаний сознания в сложных комбинациях добра и зла, правды и лжи, героизма и подлости. Для понимания сути того глубинного сомнения, самоотчуждения и пожизненного самонаказания капитана Малыхина, которая выражена в заключительной фразе рассказа: «Пусть никто не нагонит, не прыгнет на плечи, пригибая к земле и защелкнув на лапах браслеты (он, Малыхин, в «системе», он сам где угодно нагибает любого), все равно это будет в самом нем внутри – как железная гиря в кадушке с капустой, что уже вот сейчас из него выжимает Нагульнову в ухо: «Зря мы все-таки сделали это, Толян»».

Борис Тарасов

Nota critica

"Tutti ci coglie di sorpresa il Caso": ci affiorano subito alla memoria questi versi mentre leggiamo il racconto di Sergej Samsonov, *Il sé e l'altro*, in cui un fatale incidente stradale cambia radicalmente la vita del protagonista ponendolo di fronte a una scelta drammatica. Il capitano di polizia Vladimir Malygin sfreccia a tutta birra verso l'ospedale, dove la moglie sta per partorire. Un bambino, apparso all'improvviso in mezzo alla strada con la madre, muore investito dalla sua automobile, e questa disgrazia sembra doverlo separare per lungo tempo dalla moglie e dal nascituro, privandoli così del loro sostegno maschile. Lo sconvolto Malygin che, come si evince dalle allusioni puntualmente collocate nel testo ma non enfatizzate, ha vissuto nelle zone calde dei focolai post-sovietici un'esperienza bellica tutt'altro che semplice, "non poteva assolutamente capire: com'è possibile – l'altro è lì, steso, prima era vivo, era caldo, rideva, e suo figlio invece ha tutto il futuro davanti, non morirà, non può morire e, dunque, anche lui, Vova, deve continuare a vivere".
Deve continuare a vivere, ma in che modo? E qui il capitano Malygin è pronto a ricorrere all'aiuto corporativo del suo superiore, da lui stimato per i suoi trascorsi militari, il tenente colonnello Anatolij Nagul'nov, che può far ubriacare la madre del bambino investito, "correggere" i dati delle telecamere di sorveglianza, ecc. ecc.; sarà però il capitano a dover prendere la decisione definitiva.
L'autore del racconto dimostra di possedere talento letterario, combinando in modo organico narrazione oggettiva e monologo interiore, utilizzando con abilità espedienti figurativi minimali, pennellate e dettagli artistici adeguatamente selezionati per rendere lo spirito dell'epoca, l'originalità dei caratteri umani, i tentennamenti della coscienza di fronte alle complesse combinazioni di bene e male, verità e menzogna, eroismo e vigliaccheria e per far comprendere il cuore della profonda esitazione, dell'autoalienazione e della perenne autopunizione del capitano Malygin, espressa nella frase finale del racconto: "Sì, nessuno lo avrebbe raggiunto, saltandogli alle spalle, spingendolo faccia a terra e mettendogli le manette (lui, Malygin, era parte del sistema, era lui a spingere gli altri a terra dove voleva), ma ugualmente gli sarebbe rimasto dentro un peso, un macigno sulle spalle, che già adesso gli spreme fuori, nell'orecchio di Nagul'nov, un: 'Tolja, abbiamo fatto tutto questo per niente'".

Boris Tarasov

Биография

Сергей Самсонов. Родился в 1980 г. в Подольске. Окончил Литературный институт имени Горького (семинар прозы С. Н. Есина). Работал книгопродавцем, копирайтером, редактором в издательстве. Публикуется с 2003 г. в литературных журналах «Знамя» и «Октябрь». Шорт-лист литературной премии «Национальной бестселлер» (2009), ежегодные премии журналов «Знамя» и «Октябрь» (2010), лонг-лист литературной премии «Большая книга» (2012). Основные произведения: романы «Ноги» (2007), «Аномалия Камлаева» (2008), «Кислородный предел» (2009), «Проводник электричества» (2011). Публиковался в антологиях «Москва Нуар» (2010) и «Десятка. Антология современной русской прозы» (2011). Переводы на иностранные языки: «Un fuoriclasse vero / Nogi, romanzo» (ISBN Edizioni, Milano, 2009), «Moscow Noir» (Akashik Books, NY, 2010).

Biografia

Sergej Samsonov. È nato nel 1980 a Podol'sk. Si è laureato presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (nel seminario di prosa di S.N. Esina). Ha lavorato come produttore cinematografico, copywriter, redattore editoriale. Ha iniziato a pubblicare nel 2003 nelle riviste letterarie "Znamja" e "Oktjabr'". È stato selezionato nella Short-List del premio letterario "Nacional'nyj bestseller" (2009), dei premi annuali delle riviste "Znamja" e "Oktjabr'" (2010), e nella Long-List del premio letterario "Bol'šaja kniga" (2012). Le sue opere principali sono: *Piedi* (2007), *L'anomalia di Kamlaev* (2008), *Mancanza d'ossigeno* (2009), *Il conduttore elettrico* (2011). I suoi lavori sono stati inclusi nelle antologie *Mosca Noir* (2010) e *La decina. Antologia di prosa russa contemporanea* (2012). In lingua straniera sono stati pubblicati: *Un fuoriclasse vero / Nogi, romanzo* (ISBN Edizioni, Milano 2009) e *Moscow Noir* (Akashik Books, New York 2010).

Маргарита Урчева

Перевод на итальянский язык Франчески Скандурры

Margarita Určeva

Traduzione in italiano di Francesca Scandurra

ЛОЖКА САХАРА

В соседней комнате взвизгнул будильник, загремели, запрыгали монетки в кастрюле. Мама всегда ставит будильник в кастрюлю, чтобы звенел громче. И монетки кладет на дно. Звон осыпается во все стороны, и сон моментально проходит.
Прижалась головой к стене, обои приятно холодили висок. Мама копошилась, искала тапочки. Слышу: выключила свет и направилась на кухню, на ходу ударяясь о шкафы. Чиркнули спички, и раздался звук льющейся воды.
Я лежала с открытыми глазами и всматривалась в вязкий сумрак ночи. Наверное, уже пора вставать.
– Мам... – позвала я, и мой голос растворился в тишине.
Через минуту мама появилась в комнате.
– Спи, спи. Еще только четыре... – поправила одеяло.
– Как четыре? Мы же опоздаем!
Спустила ноги на холодный пол, почувствовала, как тут же к ним прилипли соринки. Стало зябко и неуютно. Натянула шорты, майку. Побрела умываться.
– Ты все-таки решила идти? – спросила мама, размешивая сахар в чае. – Спала бы. Зачем тебе мучиться.
– Ну мам...
Вопрос не требовал ответа, все уже давным-давно решено. Сейчас позавтракаем и отправимся в путь.

На улице было свежо, бегали пугливые кошки, вздыхали деревья. Мама несла мотыгу. Крепкий деревянный остов был облокочен на худое плечо, металлический треугольничек на конце перевязан цветастой косынкой. Мы шли с мамой к остановке, где собралась уже целая толпа. Ровно в пять нас должна забрать специальная машина и отвезти в Байку.

UN CUCCHIAIO DI ZUCCHERO

Nella stanza accanto la sveglia stridette, le monetine risuonarono e rimbalzarono nella pentola. La mamma ripone sempre la sveglia in una pentola, perché suoni più forte, e mette le monetine sul fondo. Il suono si sparge in tutte le direzioni, in un attimo il sonno sparisce.
Appoggiai la testa al muro, la carta da parati rinfrescava piacevolmente le mie tempie. La mamma annaspa, cerca le ciabatte. La sento: ha spento la luce ed è andata in cucina, nel percorso ha sbattuto contro gli armadi. Sfrigolio di fiammiferi, poi il suono dell'acqua versata. Me ne stavo distesa con gli occhi aperti a fissare il crepuscolo denso della notte. Probabilmente era già ora di alzarsi.
"Mamma..." chiamai, e la mia voce si dissolse nel silenzio.
Dopo un minuto la mamma apparve nella stanza.
"Dormi, dormi. Sono solo le quattro..." mi rimboccò le coperte.
"Come le quattro? Siamo in ritardo!"
Appoggiai i piedi sul pavimento freddo, e subito percepii che vi si era attaccata della sporcizia. Provai una sensazione di freddo e di disagio. Infilai i pantaloncini e la maglia e mi trascinai fino al bagno per lavarmi.
"Quindi hai deciso di venire ugualmente?" disse mia madre mescolando lo zucchero nel tè. "Avresti potuto rimanere a dormire, perché sacrificarti?"
"Ma, mamma..."
La domanda non richiedeva una risposta, tutto era già stato deciso da tempo. Adesso avremmo fatto colazione e poi in marcia.

Per strada era fresco, gattini spauriti correvano, gli alberi sospiravano. La mamma portava una zappa: il robusto bastone di legno appoggiato sulla spalla magra, l'estremità triangolare metallica avvolta in un fazzoletto colorato. Io e la mamma andavamo verso la fermata, dove si era già raccolta una grande folla. Alle cinque in punto sarebbe venuto a prenderci un autobus speciale che ci avrebbe condotte a Bajka.

Пыхтя и бессильно подергиваясь своим железным телом, к нам подъехал грузовик. Приставив ржавую лесенку, люди стали поспешно забираться в кузов. Меня, как ребенка, пропустили вперед. С ловкостью поднялась наверх. Слышу, мама кричит снизу:
– Занимай, скорее занимай!
Огляделась – в кузове, как в самодельном театре, стоят скамеечки по бокам, и люди быстренько рассаживаются на них, закрывая руками соседние места для кого-то еще. Дернулась – там занято, там тоже. Побежала ближе к кабине, здесь вроде бы свободно. Плюхнулась и тоже загородила рукой соседнее место – для мамы. Всем скамейки не достались. Остальные люди расстелили белые шуршащие мешки и сели прямо на сцену, в середину кузова. Машина надрывно зарычала, дернулась, и мы поехали.
Все успокоились, затихли. Те самые женщины, которые совсем недавно расталкивали локтями друг друга, чтобы побыстрее очутиться в кузове, блаженно дремали, ловили последние мгновения ночного сна. Я разглядывала их лица, надеялась, что кто-нибудь проснется, заметит меня, спросит, что я здесь делаю, как у меня дела, ведь я еще ребенок, младше их всех, а уже еду с ними. Я сразу скажу, что вчера закончила восьмой класс. Между прочим, на отлично закончила. Первый раз на отлично. И мне на линейке дали грамоту. Но пока об этом никто кроме мамы не знает. А вот сегодня, в первый день каникул, я помогаю. Может быть, меня похвалят...
Вдруг я увидела свою бывшую учительницу. Она сидела в середине кузова среди толстых женщин и смотрела вдаль.
– Мам, мам, там Ирина Петровна, слышишь? – зашептала я.
– Где?
– Вон там, только не смотри.
Не успела отвести взгляд. Ирина Петровна сама нас заметила и вздрогнула. Обе смутились, поздороваться я так и не решилась. Отвернулась и сделала вид, что не вижу ее, потому что вовсе не на нее смотрю, а немного левее, на лесок, а потом совсем положила голову на мамины колени, пора отдыхать.
Вспомнила, как несколько лет назад Ирина Петровна раздала нам анкеты и попросила

Sbuffando e sobbalzando stancamente con il suo corpo metallico, arrivò il camion. Una volta appoggiata la scaletta arrugginita le persone cominciarono ad affollarsi verso il cassone. Poiché ero la più piccola mi lasciarono passare avanti. Salii agevolmente. Sentii mia madre che urlava dal basso: "Occupa un posto, veloce, occupalo!"
Mi guardai intorno: nel cassone del camion, come in un teatro improvvisato, c'erano delle panchine disposte sui lati e la gente che velocemente vi si sedeva occupava con le mani il posto per qualcun altro. Scattai: qui era occupato, lì pure. Corsi vicino alla cabina di guida, lì sembrava essere libero. Mi fiondai e con la mano occupai a mia volta il posto accanto a me per la mamma. Le panchine non bastavano per tutti. Gli altri distesero sacchi bianchi fruscianti per terra e si sedettero proprio sul palco, al centro del cassone. Il camion emise un ruggito straziato, fece uno scatto in avanti e partì.
Tutti si calmarono, pian piano tacquero. Le stesse donne che fino a un attimo prima sgomitavano per arrivare prime al cassone, adesso sonnecchiavano beatamente, approfittando degli ultimi attimi di sonno notturno. Scrutavo i loro volti, sperando che qualcuna si svegliasse, mi notasse, mi chiedesse cosa facessi lì, come stessi, ero solo una bambina, più piccola di tutti loro, eppure stavo andando insieme a loro. Allora gli avrei detto che proprio ieri avevo finito l'ottava classe. Tra l'altro con il massimo dei voti. Per la prima volta con il massimo dei voti. Alla consegna mi avevano dato anche un diploma d'onore. Ma a parte la mamma, questo, per ora non lo sapeva nessuno. E oggi, il primo giorno di vacanza, ero lì a dare una mano. Magari qualcuno mi avrebbe fatto i complimenti...
All'improvviso scorsi una mia vecchia insegnante. Sedeva al centro del cassone in mezzo ad alcune donne grasse, il suo sguardo era perso nel vuoto.
"Mamma, mamma, lì c'è Irina Petrovna, mi senti?" sussurrai.
"Dove?"
"Là, tu però non guardare."
Non feci in tempo a distogliere lo sguardo. Irina Petrovna stessa si accorse di noi e sussultò. Entrambe fummo turbate, io non mi decisi a salutarla. Mi voltai fingendo di non averla notata, perché non stavo guardando verso di lei, ma un po' più a sinistra, verso il boschetto, poi appoggiai la testa sulle ginocchia della mamma, era ora di riposare. Mi tornò alla mente come alcuni anni prima Irina Petrovna ci avesse distribuito dei questionari e avesse richiesto che i nostri genitori li

родителей заполнить их, чтобы вписать в классный журнал личную информацию каждого ученика. Требовалось указать место работы папы. Мне стыдно было признаться, что мой папа с высшим образованием не нашел себе работу в нашем чахлом городе и вынужден был поехать за деньгами в Москву простым строителем, поэтому я убедила маму, что нам непременно надо наврать, но сделать это как-нибудь красиво, солидно. Долго думали и решили написать, что папа работает преподавателем училища в соседнем городе. Ведь преподаватель – это выше школьного учителя и очень интеллигентно звучит, значит, Ирина Петровна поймет, что мой папа значимее. Но мамин почерк подвел. Когда я раскрыла последнюю страницу школьного журнала, увидела, что там написано «продавец училища». Мне стало не по себе. Представила своего папу на месте нашей буфетчицы тети Тони, которая напяливает на самые брови большой белый колпак и, продавая пирожки, сердито на всех покрикивает: «Нету сдачи, где я вам возьму! С повидлом девяносто две копейки, с картошкой шестьдесят три. Нету сдачи, говорю вам, нету!» Тетя Тоня, наверное, считается продавцом школы, а мой папа по милости учительницы теперь продавец училища. От обиды я закрылась с журналом в туалете и совсем вырвала злополучную страницу с местом работы родителей. Был скандал, но меня не вычислили. Зато с тех пор журналы не дают в руки ученикам. А то раньше мы их переносили из кабинета в кабинет. Теперь это делают сами учителя.

А машина тем временем привезла нас в поле. Все разбрелись по своим участкам.

– Вот этот рядок и половина этого, – показала мне мама. – Часа за три закончим.

– Может, и раньше, чего тут осталось, – подмигнула я ей и кинулась руками срывать тонкие, но цепкие ленты порея, сражаться с сорняками, освобождать свекольные ростки.

Почти неуловимое выражение мелькнуло на лице у мамы – как же мне тебя жалко – словно говорила она. «Ничего, ничего, пробьемся», – отвечала я одними глазами и продолжала работу. Мама глубоко вздохнула, завязала платок на голове, чтобы защититься от солнца, и пошла с мотыгой по грядке.

Люди принимались за дело, лениво потягивались, поглядывали друг на друга. Издалека

compilassero, per inserire nel registro di classe informazioni personali riguardanti ciascun allievo. Bisognava indicare il posto di lavoro di papà. Io mi vergognavo ad ammettere che mio padre, con un'istruzione superiore, non era riuscito a trovare lavoro nella nostra decadente città ed era stato costretto a recarsi a Mosca per guadagnarsi da vivere lavorando come semplice operaio. Per questo avevo convinto la mamma che dovevamo assolutamente mentire, ma farlo per bene, in maniera credibile. Avevamo pensato a lungo e alla fine avevamo deciso che papà lavorava come insegnante all'istituto tecnico della città vicina. Il professore è una carica più alta del semplice maestro di scuola e suona molto intellettuale, Irina Petrovna avrebbe capito che il mio papà era più importante. Tuttavia la grafia di mamma ci giocò un brutto tiro. Quando aprii l'ultima pagina del registro di classe mi accorsi che c'era scritto "venditore presso istituto tecnico". Mi sentii male. Immaginai il mio papà al posto della venditrice del bar della scuola, la signora Tonja, che si ficca il suo copricapo bianco fin sulle sopracciglia e vendendo i *pirožki* [1] grida a tutti risentita: "Niente resto! Da dove volete che lo prenda? Con la marmellata fanno novantadue copechi, con le patate sessantatré. Non ho resto, vi dico, non ce l'ho!". La signora Tonja probabilmente si ritiene una venditrice della nostra scuola, invece il mio papà, grazie alla mia maestra, adesso era diventato un venditore dell'istituto tecnico. Per l'offesa mi chiusi in bagno con il registro scolastico e strappai la pagina sventurata con il posto di lavoro dei genitori. Ci fu un grande scompiglio, ma non mi espulsero. Tuttavia da quel momento non affidarono più i registri scolastici agli allievi. Prima li portavamo noi da una classe all'altra. Da allora lo fanno i maestri.

Nel frattempo il camion era arrivato al campo. Tutti raggiunsero il proprio appezzamento.

"Questa è la nostra fila e metà di quella" mi mostrò la mamma. "In tre ore dovremmo finire."

"Può darsi anche prima, non è che sia rimasto poi tanto da fare" ammiccai e iniziai a strappare con le mani gli steli del porro sottili ma robusti, a combattere con i parassiti e a liberare i germogli di barbabietola. Un'espressione quasi impercettibile balenò sul volto della mamma: "Quanto mi dispiace per te" sembrava dire. "Non fa niente, ce la possiamo fare" rispondevo io con gli occhi

---

[1] Fagottini di pasta lievitata con ripieni di vario genere. [N.d.T.]

все такими маленькими казались. А поле огромное, нежно зеленое в непрополотых частях и пестрое в прореженных. Весь мир заполнился рассветным уютом, и стало так спокойно, радостно. Такое чувство бывает только по утрам, когда встаешь рано-рано и думаешь, что сегодня успеешь сделать столько всего хорошего. Но приходит обед, и твоя готовность постепенно рассеивается.

Наступил полдень и у нас. Солнце скользило по травам, дорогам, освещало игривым огнем деревья на горизонте. Все утопало в солнечной желтизне. У нас оставался последний рядок. Я уже не полола, просто сидела на грядке и рассматривала ростки свеклы, их бордовые прожилки, похожие на кровеносные сосудики. Вдруг заметила колорадского жука с большим черно-желтым панцирем, окрашенным, как неправильный арбуз. Он куда-то спешил, тяжело перебирал лапками. Я с издевкой подула на него, он собрал свои короткие лапки и пугливо прижался к земле. Закончилась буря – побежал дальше. Ладно уж, дружок, не буду мешать.

Ко мне приблизилась толстая тетя в розовом купальнике. Сверкая белым задом с тонкой ниточкой трусов, нисколько не смутившись меня, она повернулась спиной и начала новый рядок. Только мелькал черенок ее мотыги, как маятник на часах – тик-так, тик-так... Мы, оказывается, соседи. Резвая какая! Все ей нипочем. А я изнемогаю, почти лежу на этой грядке, сил никаких. Такая злость заполнила сердце на всех тех, кто это придумал и кто ушел вперед. Дотянулась рукой до соседнего рядка и начала выдергивать свеклу. Пусть у этой тети в розовом будет хуже урожай. Все без разбора выдергивала, а сама ругалась: «Гады, гады, так вам и надо!»

Мама оказалась около меня. Облокотилась на стоящий черенок мотыги, тяжело задышала.

– Как ты?.. – на ее лице появилась и поплыла тихая улыбка, живо подернулись морщинки вокруг глаз. – Ты можешь в лесок сходить, только ненадолго, скоро домой поедем.

Через час мы уже тряслись в том же самом грузовике. Нам повезло и на этот раз – заняли скамейку. Все лица были утомленные, кто-то дремал, кто-то поглядывал на дорогу

continuando a lavorare. La mamma sospirò profondamente, si legò sul capo il fazzoletto per proteggersi dal sole e si incamminò con la zappa per il filare.
La gente si metteva a lavoro, si stiracchiavano pigramente, guardandosi l'un l'altro. Da lontano sembravano tutti così piccoli. Il campo invece era enorme, teneramente verde nelle parti non sarchiate e screziato in quelle arate.
Il mondo intero si riempì della sensazione di benessere dell'alba e tutto divenne calmo, gioioso. Questo sentimento si percepisce solo al mattino, quando ti alzi presto presto e pensi che oggi riuscirai a fare tante cose buone. Ma poi arriva il pranzo e i buoni propositi a poco a poco svaniscono.
Arrivò mezzogiorno anche da noi. Il sole scivolava sull'erba, sulle strade, illuminava con una fiamma giocosa gli alberi all'orizzonte. Tutto affogava nel giallo del sole. Ci rimaneva l'ultima fila. Io ormai non sarchiavo più, sedevo sul terreno e osservavo i germogli di barbabietola, le loro striature bordeaux, simili a piccoli vasi sanguigni. All'improvviso notai uno scarabeo della patata con la corazza giallo-nera dipinta come un'anguria sbagliata. Correva da qualche parte, a fatica prendeva qualcosa con le zampette. Con dispetto gli soffiai addosso e lui ritirò le zampette corte e impaurito si schiacciò al suolo. Cessato l'uragano, si rimise in marcia.
Tranquillo amico, non ti disturberò più.
Mi si avvicinò a quel punto una grassa signora, con un costume rosa. Lasciando intravedere il fondo schiena bianco con il sottile bordo delle mutande, senza curarsi minimamente della mia presenza, si voltò di spalle e iniziò una fila nuova. Si distingueva solo il bastone della sua zappa, come il pendolo dell'orologio, tic tac, tic tac... quindi siamo vicine. È talmente energica! Niente sembra scalfirla. Mentre io sono sfinita, praticamente distesa sul filare, senza forze. Mi sentii invadere da una tale cattiveria verso tutti coloro che avevano inventato questo lavoro e verso quelli che erano riusciti a fare più di me. Allungai la mano verso la fila vicina e cominciai a strappare le barbabietole. Così la signora in rosa avrebbe avuto un raccolto peggiore. Senza distinzione cominciai a strappare ogni cosa, e imprecavo: "Schifosi, schifosi, ecco cosa vi meritate!". Mia mamma si trovò accanto a me. Si appoggiò al bastone della zappa e iniziò a respirare a fatica. "Come stai?..." sul suo volto balenò un sorriso quieto, intorno agli occhi le rughe si fecero evidenti. "Puoi andare nel boschetto, solo non trattenerti a lungo, tra poco andiamo a casa." Dopo un'ora sobbalzavamo già sullo stesso camion

и думал о чем-то своем. Один мужик облокотил ногу о другую и стал разглядывать почерневшую от земли трещину на пятке. Узнала тетю в розовом купальнике. Сейчас она сидела в майке с надписью «надежный человек» и двумя толстыми пальцами отшелушивала кожу с плеча. И мне неожиданно стало жалко всех этих людей. Они показались мне несчастными и обездоленными. Стыдно, что кому-то выдернула свеклу. Они работали, работали, а я...

– Мам, а с десятка свекл сколько сахара можно получить?

– Ложку, наверное, – приоткрыла глаза мама. – А что?

– Да так.

Ложка сахара... Вроде бы мало, а в чае ее размешаешь, и как сладко станет. И показалось мне, что я кого-то без этой самой кружки сладкого чая оставила. А ему как будто эта кружка жуть как нужна...

Всю ночь не могла уснуть. Наутро даже отказалась от чая, аппетита не было. Пошли с мамой без завтрака на биржу труда, отмечаться, что не работаем. Заодно хотели мои детские пособия получить.

Отстояли две огромные очереди, но детские нам так и не заплатили. Оказывается, мы допустили какую-то ошибку в оформлении, и теперь уже поздно ее исправлять, не дадут нам денег.

Возвращаемся с мамой домой и злимся на кассиров, будто бы они виноваты, что нам не начислили деньги. В сознании картинка нарисовалась, как бы я всех отругала: «Вот сволочи! Специально все подстроили, да?» И воображаемые кассиры тут же появились передо мной, виновато потупили взгляд и закивали, как китайские болванчики, да, мол, подстроили, но больше не бу-удем...

А дома мы сидим с мамой за столом и пьем чай с сахаром. Сладкий сахар, еще прошлогодний, а скоро нам свежий дадут, за прополку. Целый мешок будет стоять в углу за холодильником. Наш сахар, нами заработанный. Хорошо так становится и жалко всех: и тех, кто пропалывал, и знакомых, и незнакомых, и кассиров, которые не дали деньги, и тех, кто сейчас проходит мимо нашего дома. И кажется, весь мир жалко.

dell'andata. Anche questa volta eravamo state fortunate, avevamo occupato una panchina. Tutti i volti erano distrutti: chi dormiva, chi guardava la strada perso nei suoi pensieri. Un uomo appoggiò una gamba sull'altra e cominciò a osservare una screpolatura sul tallone anneritasi per la terra. Riconobbi la signora in rosa. Adesso indossava una maglia con la scritta "persona affidabile" e con due dita grasse rimuoveva della pelle morta dalla spalla. E d'improvviso ebbi pena di tutta quella gente. Mi sembrarono infelici e disgraziati. Provai vergogna per aver estirpato la barbabietola di qualcuno. Loro avevano lavorato tanto, io invece...
"Ma', quanto zucchero si può ricavare da una decina di barbabietole?"
"Un cucchiaio, credo" dischiuse gli occhi la mamma. "Perché?"
"Niente, così."
Un cucchiaio di zucchero... Sembra poco, ma se lo sciogli nel tè diventa così dolce. E mi sembrò quasi di aver privato qualcuno della sua tazza di tè dolce. E che quel qualcuno ne avesse un estremo bisogno.
Non riuscii a chiudere occhio tutta la notte. La mattina seguente rifiutai il tè, non avevo fame.
Ci recammo con mamma, senza aver fatto colazione, all'ufficio collocamento, a iscriverci come disoccupate. Allo stesso tempo volevamo ricevere il mio sussidio per l'infanzia. Passammo due file enormi, ma non ci pagarono il sussidio. Pare che avessimo commesso un qualche errore nella compilazione della pratica e che adesso fosse troppo tardi per correggerla, non ci avrebbero pagato. Tornammo a casa prendendocela con i cassieri, come se fosse loro la responsabilità di non averci dato i soldi. Immaginai una scena in cui insultavo tutti: "Che canaglie! Lo avete fatto di proposito, è vero?". E nella mia immaginazione i cassieri si presentavano al mio cospetto con aria colpevole, abbassavano lo sguardo e come marionette annuivano "sì, lo abbiamo fatto di proposito, ma non lo faremo più...".
A casa io e la mamma sediamo attorno al tavolo e beviamo il tè con lo zucchero. Il dolce zucchero è dell'anno scorso, ma presto ci daranno quello nuovo, come compenso per la sarchiatura. Un intero sacco starà nell'angolo, dietro il frigorifero. Il nostro zucchero, guadagnato col nostro lavoro. Mi sento così bene e provo pena per tutti: per quelli che hanno sarchiato, per i conoscenti, per gli sconosciuti, per i cassieri che non ci hanno dato i soldi e per coloro che in questo momento stan-

Обнять бы его, прижать к себе крепко-крепко, и чтобы всем в эту секунду хорошо стало. И чаем их напоить.

Спокойно так, сидим и пьем. Больше некуда спешить. А завтра будет новый день. Только уже вставать никуда не надо, свекла закончилась, лето на дворе, каникулы.

no passando accanto alla nostra casa. Provo pena per tutto il mondo. E vorrei quasi abbracciarlo, stringerlo forte forte a me, in modo che tutti, per un secondo, si sentano bene. E offrirei a tutti loro del tè.
Sediamo tranquille e beviamo il tè. Non abbiamo più alcuna fretta. Domani è un altro giorno. Non dobbiamo alzarci presto per andare da nessuna parte: la barbabietola è finita, è iniziata l'estate e con lei le vacanze.

Отзыв о рассказе

Рассказ Маргариты Урчевой «Ложка сахара» можно прочитать как горькое свидетельство того положения, в котором очутилась Россия и ее так называемые простые люди в относительно недавнем прошлом после краха социализма. Брошенные государством, предоставленные сами себе, они выживали и кормились, как умели. Героини рассказа – мать и дочь-старшеклассница – занимаются прополкой свеклы, за что должны получить мешок сахара. В рассказе много точных подробностей, верных деталей, отобранных, с одной стороны, очень тщательно, бережно, можно сказать, экономно, с другой, их ровно столько, сколько необходимо для создания образа времени и места. В этом смысле рассказ выстроен композиционно безупречно, в нем замечательно используется прием повествования от первого лица, но авторский фокус двоится, сообщая произведению необходимую глубину и стереоскопичность. Мы видим все события глазами юной героини, но одновременно ее саму глазами автора, и понимаем ее лучше, чем она понимает себя.

И все же Маргарита Урчева написала нечто большее, чем достоверную и по содержанию, и по форме социальную прозу, изображающую общее через конкретное. Она показала на нескольких страницах поразительный силы характер, замешанный на любви. Писательница сумела дать урок своей героине и от имени своей героини и не побоялась того, чего современные литераторы боятся как огня и чего никогда не боялась русская классика – сформулировать мораль, но сделала это так тонко и ненавязчиво, так художественно, что рассказ от этого лишь выиграл.

Алексей Варламов

Nota critica

Il racconto di Margarita Určeva, *Un cucchiaio di zucchero*, può leggersi come amara testimonianza della posizione della Russia e dei suoi cosiddetti "uomini semplici" in un passato relativamente vicino, all'indomani del crollo del socialismo. Abbandonati dallo Stato, lasciati a se stessi, sopravvivevano e si nutrivano come potevano. Le eroine del racconto, una mamma e una figlia che deve iniziare le superiori, lavorano alla sarchiatura della barbabietola in cambio di un sacco di zucchero. Nel racconto vi sono molti particolari precisi, dettagli verosimili che, se da una parte sono stati selezionati molto accuratamente, con cautela, quasi con parsimonia si direbbe, dall'altra sono esattamente quelli necessari a restituire l'immagine di un'epoca, di un luogo. In tal senso, il racconto ha una composizione impeccabile; l'espediente narrativo del racconto in prima persona viene usato magistralmente, ma la focalizzazione dell'autrice è come sdoppiata, cosa che trasmette all'opera l'indispensabile profondità e respiro. Da una parte vediamo tutti gli avvenimenti attraverso gli occhi della giovane protagonista, dall'altra vediamo la stessa attraverso gli occhi dell'autrice. E la capiamo meglio di come si capisca lei stessa.
Margarita Určeva è autrice di una prosa sociale convincente, per forma e contenuto, che rappresenta il generale attraverso il particolare. In poche pagine è riuscita a mostrare una sorprendente forza di carattere, fondata sull'amore. La scrittrice riesce a dare una lezione alla sua eroina e a nome della sua eroina non ha avuto paura di ciò che i letterati contemporanei, a differenza della grande letteratura russa, temono più di ogni altra cosa: la formulazione di una morale. Tuttavia ciò le è riuscito in maniera talmente sottile e non pretenziosa e con una finezza artistica tale che, solo per questo, il racconto ha meritato il riconoscimento ottenuto.

Aleksej Varlamov

Биография

Маргарита Урчева (Каткова). Родилась в 1989 г. в городе Белорецке, республике Башкортостан. Занималась танцами и живописью. Выпускница Литературного института имени А.М. Горького (2012) (семинар Александра Рекемчука). Победитель российско-белорусского конкурса молодых литераторов «Мост дружбы» (2013). Проиллюстрировала несколько книг. Волонтер молодежного движения «Даниловцы» при Свято-Даниловом монастыре. Проводит занятия по рисунку, лепке и аппликации в детском отделении НИИ им. Бурденко. Опубликовала повесть «Счастье» (альманах «Пятью пять». М., 2011), очерки, рассказы.

Biografia

Margarita Určeva (Katkova) è nata nel 1989 a Beloreck, nella Repubblica di Baschiria. Ha praticato danza e pittura. Nel 2012 si è laureata presso l'Istituto Letterario A.M. Gor'kij (seminario di Aleksandr Rekemčuk). Vincitrice del concorso russo-bielorusso per giovani letterati "Most Družby" nel 2013. Ha curato l'illustrazione di alcuni libri. Svolge attività di volontariato all'interno del movimento giovanile "Danilovcy" presso il Monastero Danilov. Tiene lezioni di disegno, modellazione e decorazione presso il reparto infantile dell'Istituto di Neurochirurgia intitolato a N.N. Burdenko. Ha pubblicato saggi e racconti, tra cui il racconto *La felicità* (almanacco *Pjat'ju Pjat'*, Mosca 2011).

Дмитрий Филиппов

Перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

Dmitrij Filippov

Traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

ГОД ЛОШАДИ

Мудак приклеился сзади и слепил меня дальним светом. Я мигал ему аварийкой, оттормаживал – бестолку, тащился, как на поводке, не обгонял и не давал оторваться. Трасса была пуста и угрюма, и первые часы нового года тянулись, как резиновый шланг.
Тетя Надя дремала на заднем сиденье. Я поглядывал на нее в зеркальце – свет фар машины сзади очерчивал ее голову сияющим нимбом, старческие морщины на лице делались отчетливее, прикрытые глаза казались впалыми и высохшими. Она не дремала, но монументально несла себя миру в великой немоте и неподвижности.

Мать позвонила часа в два ночи, когда уже отгремели салюты и первые бутылки легли под стол.
– Беда случилась, Игорь тетю Надю убивает.
– Как убивает?
– Кулаками!
– Он что, с ума сошел?
– Говорит, или ее убью, или себя.
– Стоп, еще раз, по порядку.
Игорь – это мой дядя. Художник. Очень хороший художник. Тетя Надя – его мать. То есть мне она двоюродная бабушка, но я с младых лет звал ее тетя Надя, так повелось. Игорь не только хороший художник. Он еще алкоголик. В запой он не уходит – проваливается, пьет много и тяжело, долго, – никто не в силах его остановить. Когда он допивается до белой горячки, тетя Надя вызывает нарколога. После серии капельниц Игорь спит несколько суток, иногда просыпается, пьет много воды, снова засыпает. Путает день с ночью. Потом едет в клинику Бехтерева и подшивается на год, но полный год никогда не выдерживает, срывается раньше. В очередной запой он рухнул за неделю до Нового года.

L'ANNO DEL CAVALLO

Un coglione mi si incollò dietro e mi accecò con gli abbaglianti. Io gli lampeggiavo con le quattro frecce, frenavo – non c'era verso, si trascinava, come al guinzaglio, non sorpassava e non lasciava che mi staccassi. La strada era vuota e cupa, le prime ore del nuovo anno si strascicavano come un tubo di gomma.
Zia Nadja sonnecchiava sul sedile posteriore. Ogni tanto le lanciavo un'occhiata dallo specchietto: la luce dei fari dell'auto contornava da dietro la sua testa con un nimbo luminoso, sul viso le rughe di vecchia apparivano più marcate, gli occhi socchiusi sembravano incavati e rinsecchiti. Non dormiva, ma portava al mondo il monumento di se stessa in una grande e muta fissità.

Mia madre chiamò verso le due di notte, quando ormai il rimbombo dei fuochi d'artificio era cessato e le prime bottiglie giacevano sotto al tavolo.
– È successa una disgrazia. Igor' sta ammazzando zia Nadja.
– Come la sta ammazzando?
– A pugni!
– Ma è fuori di testa?
– Dice che o ammazza lei, o si ammazza lui.
– Aspetta, ripeti per bene.
Igor' è mio zio. Un artista. Un artista molto valido. Zia Nadja è sua madre. Quindi, lei è la mia prozia, ma è da quando sono piccolo che la chiamo zia Nadja, per abitudine. Igor' non è solo un valido artista. È anche un alcolista. Non ha delle semplici crisi di alcolismo, ci sprofonda; beve molto e pesante, per lunghissimi periodi; nessuno è in grado di fermarlo. Quando si ubriaca fino a delirare, zia Nadja chiama il tossicologo. Dopo una serie di flebo, Igor' dorme per giorni, ogni tanto si sveglia, beve moltissima acqua e crolla di nuovo. Confonde il giorno con la notte. Poi va alla clinica Bechterev e si disintossica per un anno, ma un anno intero non ce la fa a resistere, molla prima. A una settimana da Capodanno era ripiombato nell'ennesima crisi. Si era bevuto tutti i soldi.

Пропил все деньги. Стал клянчить у матери – та не дала. И тогда он ее ударил.
– Надо спасать человека, – продолжала мать, – я все придумала. Ты сейчас заберешь тетю Надю и привезешь ее к нам, она согласна. Погостит несколько дней, придет в себя.
Мать с отцом живут в замерзшем провинциальном городке в ста километрах от Питера. Два часа в одну сторону, два часа обратно. Еще час до тети Нади. Я покосился на жену, на гостей за праздничным столом.
– Чего ты молчишь?
– Я слушаю, слушаю...
– Надо спасать человека! – повторила мать еще раз. Эта фраза раздувалась от сознания подвига. – Что скажешь?
Что я мог сказать?

Монотонность дороги убаюкивала. Я остановился на заправке выпить кофе. Кассир с теплотой в голосе поздравила меня с праздником, я поздравил ее в ответ.
Мудак тоже заехал заправиться. Из шестой «Мазды» вышел крупный мужик, но не мощный, а скорее рыхлый, короткостриженный, с тупой мясистой челюстью. Посмотрел на меня вопросительно. Бывает такая вопросительность с вызовом.
– С Новым годом, – сказал я.
Он ничего не ответил, отвернулся.
Я допил кофе, крепко потянулся, хрустя позвонками, сел в машину.
– Мы уже приехали? – спросила тетя Надя.
– Нет, на заправке. Через часик приедем.
– А-а-а...
Я резко тронулся, выезжая на трассу. Мудак двинулся следом. Закапал дождь.

Дверь в квартиру была приоткрыта. Силуэт тети Нади бесплотной тенью разбавлял прострел коридора.

Aveva cominciato ad accattare dalla madre, ma lei non gli dava nulla. E allora l'aveva picchiata.
– Bisogna salvare quella donna – continuò mia madre – ho pensato a tutto. Tu ora recuperi zia Nadja e la porti qui da noi, lei è d'accordo. Rimarrà qualche giorno e si tranquillizzerà.
I miei genitori vivono in una gelida cittadina di provincia a cento chilometri da San Pietroburgo. Due ore all'andata, due ore al ritorno. Più un'ora fino a casa di zia Nadja. Lanciai uno sguardo a mia moglie, agli ospiti seduti alla tavola imbandita.
– Ci sei?
– Ti ascolto, ti ascolto...
– Dobbiamo salvare quella donna! – ripeté di nuovo mia madre. La frase era rigonfia di consapevole eroismo. – Che ne dici?
Cosa potevo dire?

La monotonia della strada mi cullava. Mi fermai a una stazione di servizio per bere un caffè. La cassiera mi fece gli auguri con voce calorosa, io li ricambiai.
Anche il coglione accostò per far benzina. Dalla Mazda Sei uscì un bestione grosso ma non massiccio, anzi flaccido, con i capelli rasati, la mascella tonda e carnosa. Mi guardò con aria interrogativa. A volte uno sguardo interrogativo ha il valore di una sfida.
– Buon anno – dissi.
Non rispose, si voltò.
Finii di bere il caffè, mi sgranchii a fondo facendo scrocchiare le vertebre, salii in macchina.
– Siamo già arrivati? – chiese zia Nadja.
– No, è la stazione di servizio. Arriveremo fra un'oretta.
– Ahhh...
Con una partenza brusca mi immisi nella carreggiata. Il coglione si mosse subito dietro. Cominciò a piovigginare.

La porta dell'appartamento era socchiusa. La sagoma di zia Nadja diluiva l'angustia del corridoio con un'ombra incorporea.

– Костик, заходи...
– Коо-о-остик, захо-о-о-оди-и-и, – пьяно передразнил дядя из глубины комнаты.
– Бьет он меня, – прошамкала она слабыми губами.
В квартире был бардак. Тарелки на праздничном столе сметены в одну кучу, у подоконника разбитый цветочный горшок, на полу валяются книги, газеты, засаленный мужской халат.
– Собирайся, тетя Надя.
Игорь вышел из комнаты, кряхтя и пошатываясь.
– Здорово, что ли, – протянул мне руку.
– Здоровей видали.
Выглядел он жалко: пропитый, опухший, с разбитой нижней губой; в углах рта слипшиеся желтые колтуны, на полметра разит перегаром.
– Ты чего творишь, Игорь?
– А ничего... Эта п***а старая вот уже где сидит. – Он постучал ребром ладони по кадыку. – Забирай ее на**й.
– Герой.
– Все затрахало, жить не хочу...
– Так не живи.
– Мать жалко... – Он всхлипнул. – Как она без меня?
Тетя Надя убирала продукты в холодильник.
– Пойдем, покурим.
Курили в ванной. Дядя выдыхал сизый дым трудно, с усилием. Загреб ладонью лысеющую макушку. Руки его затряслись.
– Работу тебе надо найти.
– Да, надо бы...
Работать он не умел. Трудиться любил, и делал это самозабвенно, а вот работать от звонка до звонка не мог. Что-то дворянское было в этом. Сейчас жил на шее матери – блокадная пенсия тети Нади позволяла не умирать с голоду.

– Kostik, vieni...
– Kooo-o-stik, vii-i-i-eni-i-i-i – lo zio ubriaco le fece il verso dal fondo della stanza.
– Mi picchia – biascicò lei fra le labbra deboli.
Nell'appartamento c'era il caos. Un ammasso di piatti impilati sulla tavola apparecchiata; sul davanzale un vaso da fiori in frantumi; buttati sul pavimento libri, giornali e una vestaglia da uomo lercia.
– Preparati, zia Nadja.
Igor' uscì dalla stanza, gemendo e barcollando.
– Stiamo alla grande – mi tese la mano.
– Siamo stati meglio.
Aveva un'aria pietosa: rovinato dal bere, gonfio, con il labbro inferiore spaccato; grumi gialli impastati agli angoli della bocca, l'alito che puzzava di alcol a mezzo metro di distanza.
– Che cosa combini, Igor'?
– Ma niente... Questa vecchia str... eccola dove mi sta. – Si batté il lato della mano sul pomo d'Adamo. – Portala a farsi fott...
– Sei un eroe.
– Mi sono rotto di tutto, non ho più voglia di vivere...
– Allora falla finita.
– Mi dispiace per la mamma... – singhiozzò. – Come fa senza di me?
Zia Nadja rimetteva a posto del cibo nel frigorifero.
– Vieni, fumiamo un po'.
Stavamo fumando in bagno. Lo zio buttava fuori il fumo grigio-azzurro a fatica, con sforzo. Si strinse nel palmo il cocuzzolo dai capelli ormai radi. Le sue mani presero a tremare.
– Devi trovare un lavoro.
– Sì, dovrei...
Di lavorare non era in grado. Gli piaceva faticare, e lo faceva con abnegazione, ma a lavorare dalla mattina alla sera proprio non ci riusciva. C'era qualcosa di aristocratico in ciò. Adesso viveva alle spalle della madre: la pensione di guerra di zia Nadja gli permetteva di non morire di fame.

– Скажи мне, Костя, я ведь не последнее говно?
– Не последнее.
– Нет, ты прямо скажи. Я ведь что-то сделал за свою жизнь: работ четыреста наберется. В Америке мои картины есть, в Германии... Тридцать лет коту под хвост. Ни денег, ни славы, ни счастья. Кому все это было нужно?
– Тебе.
– А теперь и мне не нужно. Зачем дальше жить? Мне бы пистолет – пустил пулю в сердце.
– Как Маяковский?
– Ну да, в голову – не эс... не эстетично. – Он запнулся на длинном слове. – В петлю лезть – пошло; с крыши прыгать... как малолетка, тьфу...
– Все правильно. В сердце – то, что надо.
Разговоры о смерти он вел уже лет пять. Я привык. Все привыкли. Да и он, наверное, тоже привык. Просто мысль эта тешила его самолюбие, согревала в череде унылых проспиртованных дней.
Поскреблась в дверь тетя Надя.
– Костя, я готова.

Дворник нещадно скрипел, лобовое стекло запотело. Я периодически протирал его на ходу. Этот мир и правда сходит с ума, если в новогоднюю ночь идет дождь.
– Я лекарство забыла, – произнесла тетя Надя.
– Возвращаться не будем.
Мы летели по спящей стране, мимо вымерших деревень вдоль дороги. Фары высвечивали покосившиеся дома, вмятые крыши, рваные гармошки сельских магазинов. И в пелене дождя, в желтушном свете фар их мелькание походило на мелькание жизни... За окном проносятся годы и километры, оставляя на обочине покинутые людьми дома. Дом без хозяина умирает. Это такой невыносимый закон русской жизни. Беда не в том, что в эти дома никто не вернется – беда в том, что некому возвращаться.

– Dimmi, Kostja, almeno non sono l'ultimo degli stronzi?
– Non sei l'ultimo.
– No, dimmelo sinceramente. Dopotutto qualcosa ho combinato nella mia vita: ho messo insieme centinaia di lavori. I miei quadri sono in America, in Germania... Trent'anni in fumo. Né soldi, né gloria, né felicità. Per chi ho fatto tutto ciò?
– Per te.
– Be', ora non serve neanche a me. Continuare a vivere per cosa? Se avessi una pistola, mi sparerei una pallottola nel cuore.
– Come Majakovskij?
– Ma sì, in testa è anties... antiestetico. – Si impappinò sulla parola più lunga. – Mettersi un cappio al collo è volgare; saltare dal tetto... come un ragazzino, pfui...
– Esatto. Nel cuore è quello che ci vuole.
Era da almeno cinque anni che faceva discorsi sulla morte. Ero abituato. Tutti eravamo abituati. Forse persino lui era abituato. Semplicemente quel pensiero solleticava il suo amor proprio, lo riscaldava nel susseguirsi dei giorni malinconici e pregni di alcol.
Zia Nadja raschiò la porta.
– Kostja, sono pronta.

Il tergicristallo strideva senza pietà, il parabrezza si era appannato. Lo dovevo pulire varie volte mentre guidavo. Il mondo impazzisce veramente, se piove la notte di Capodanno.
– Ho dimenticato la medicina – annunciò zia Nadja.
– Indietro non ritorniamo.
Volavamo per terre addormentate, accanto a villaggi spopolati lungo la strada. I fari illuminavano case sbilenche, tetti ammaccati, fisarmoniche bucate di negozietti di campagna. E nella coltre di pioggia, nella luce itterica dei fari, il loro balenio somigliava al balenio della vita... Dietro al finestrino sfrecciano gli anni e i chilometri, lasciando sul ciglio della strada case abbandonate dalla gente. Una casa senza padrone muore. È una legge davvero insopportabile della vita russa. Il guaio non è che nessuno tornerà in quelle case, il guaio è che non c'è nessuno che vi possa tornare.

Я не успел сбросить скорость перед постом ДПС. Плотный «гаец» в фосфорицидной жилетке решительно махнул жезлом. Пришлось останавливаться. Мудак на «Мазде» ловко проскочил дальше.
– Сержант Светлов, ваши документы.
Я протянул права и ПТС.
– ОСАГО?
Я протянул страховку.
– Пойдем.
Он лениво махнул мне рукой и направился к своей бетонной будке.
– Нарушаем. – Светлов показал мне табло радара.
– Задумался.
– Ну что, штраф будем выписывать? Или?.. – Он не договорил, зная, что я его понимаю.
– Штраф.
– Как знаете. – Тон стал сухим и официальным.
Минут пять он заполнял протокол, дал мне расписаться. Оторвал копию и протянул вместе с документами:
– Больше не нарушайте. С Новым годом.
Отчего-то я не смог поздравить в ответ. Молча развернулся и вышел.
Тетя Надя опять проснулась, опять спросила:
– Костик, мы приехали?
– Нет, тетя Надя, ты спи, я разбужу.
– А-а-а... Хорошо.
Я медленно тронулся, с удовольствием набирая скорость, предвкушая, как догоню мудака на «Мазде».

Судьба Игоря Разина и тети Нади – это типичная русская боль. Так бывает, когда рвутся родовые связи. Так всегда бывает, когда отказываешься от голоса крови.
Это была большая семья. Три сестры. Тетя Надя была средней сестрой. Я не знаю, отче-

Non feci in tempo a ridurre la velocità prima del posto di blocco della stradale. Uno sbirro tarchiato con un gilet fluorescente agitò deciso il bastone. Mi toccò fermarmi. Il coglione della Mazda passò svelto e proseguì.
– Sergente Svetlov. Documenti, prego.
Allungai la patente e il libretto di circolazione.
– L'assicurazione?
Gli allungai pure quella.
– Andiamo.
Mi fece un gesto svogliato con la mano e si diresse verso la sua garitta di cemento.
– Siamo oltre il limite. – Svetlov mi mostrò il tabellone dell'autovelox.
– Ero sovrappensiero.
– Che facciamo, eleviamo una contravvenzione? Oppure?... – Non finì la frase, sapendo che avevo capito.
– La contravvenzione.
– Perfetto – il tono si fece secco e ufficiale.
Ci mise circa cinque minuti a stilare il verbale, me lo dette da firmare. Strappò una copia e me la passò assieme ai documenti:
– D'ora in poi si regoli. Buon anno.
Non so perché ma non riuscii a contraccambiare gli auguri. Mi girai in silenzio e uscii.
Zia Nadja si svegliò di nuovo e di nuovo mi chiese:
– Kostik, siamo arrivati?
– No, zia Nadja, dormi, ti sveglio io.
– Ahhh... Va bene.
Ripartii piano, aumentando con piacere la velocità, pregustando di raggiungere il coglione della Mazda.

Il destino di Igor' Razin e zia Nadja è il tipico male russo. Succede così quando i legami familiari si spezzano. Succede sempre così quando si rinnega la voce del sangue.

го все рухнуло – я был мальцом. Спор вышел из-за дачи – маленького домика и участка в десять соток. Сначала дом разделили на две половины. Стянутый гвоздями и перегородками, с заколоченными пролетами – дом глубоко вдохнул и не смел выдохнуть. Ему словно кость в горло забили: не выхаркать, не продышаться. Так и продолжал жить с костью в горле, но уже всем было понятно, что это только начало. Мелочи накапливались, как снежный ком. Сестрам казалось, что они воруют друг у друга удобрения, помидоры, огурцы, торф, песок... Это рыбная кость в горле дома гноилась и врастала в гортань.

Потом тетя Надя переписала дом на Игоря и молниеносно провела приватизацию. Я не вникал в техническую сторону процесса, не знаю, как это произошло. Нельзя сказать, что двух сестер выживали, нет. Просто у дома появился новый хозяин, и эта властная персонализация стала всем очевидна. Две сестры стали приезжать на дачу все реже, их половины дома незаметно отвоевывались. Это не было захватом, как и не было в том злого умысла, – лишь естественный процесс поглощения. Кость вросла в горло и уже не мешала дышать, но нагноение разрослось в опухоль. Дом лишился энергии, питавшей его все эти годы, опустел и иссох.

Семья распалась.

Помню фотографической памятью ребенка: Игорь с дядей Мишей меняют крышу веранды; женщины чистят зелень перед раковиной, стругают салат; дед стыдливо выглядывает из-за гаража, успев втихаря принять сто грамм на грудь; на столе крупными кусками нарезан арбуз, утопая лапками, в красной мякоти вязнут осы. Печет июльское солнце. Мужчины упорно трудятся, блестят от пота загоревшие тела. Две сосны, посаженные на рождение Игоря и дяди Миши, отбрасывают густую плотную тень на западную сторону. В этой тени сижу я, играю в солдатиков, нападая на неприятельский муравейник. Дом живет, дышит легко и спокойно. Кажется, где-то в глубине, под чердачными перекрытиями лежит в сундуке за семью печатями его деревянное сердце, равномерно бьется в такт ударам молотка. И еще, кажется, так будет вечно.

Era una grande famiglia. Tre sorelle. Zia Nadja era la sorella di mezzo. Non so come sia crollato tutto: ero un ragazzino. Le liti sono cominciate a causa della dacia, una piccola casetta con un terreno di dieci centesimi di ettaro. All'inizio la casa fu divisa a metà. Ristretta con chiodi e divisori, le campate richiuse, la casa tirò un respiro profondo e non riuscì più a espirare. Quasi le avessero conficcato una lisca in gola: non poteva né sputarla fuori, né respirare a pieni polmoni. E così continuò a vivere con la lisca in gola, ma tutti sapevano che era solo l'inizio. Piccolezze si accumulavano come grumi di neve. Le sorelle credevano che l'una rubasse all'altra fertilizzante, pomodori, cetrioli, torba, sabbia... La lisca di pesce in gola per via della casa suppurava e si radicava nella laringe.
Poi zia Nadja intestò la casa a Igor' e in un lampo formalizzò la privatizzazione. Non sono andato a fondo dell'aspetto tecnico della procedura, non so come avvenne. Non si può dire che fecero sloggiare le due sorelle, no. Semplicemente in casa apparve un nuovo proprietario e quella personalizzazione autoritaria divenne evidente a tutti. Le due sorelle cominciarono a venire alla dacia sempre più di rado, le loro parti di casa cessarono impercettibilmente le ostilità. Non si trattava di un'occupazione, non era stato fatto alcun dolo, era soltanto un fisiologico processo di assorbimento. La lisca si radicò nella gola e ormai impediva la respirazione, ma l'infezione si accrebbe in un tumore. La casa perdette l'energia che l'aveva nutrita in tutti quegli anni, si svuotò e si rinsecchì.
La famiglia si disgregò.
Lo ricordo con la memoria fotografica di bambino: Igor' e zio Miša cambiano il tetto della veranda; le donne puliscono le verdure davanti al lavandino, tagliuzzano l'insalata; il nonno imbarazzato fa capolino dal garage, dopo essere riuscito a bersi di nascosto cento grammi di vodka; sul tavolo un'anguria è stata tagliata a grosse fette, affondando con le zampette le vespe si invischiano nella polpa rossa. Il sole di luglio brucia. Gli uomini lavorano con ostinazione, i corpi avvampati brillano di sudore. I due pini, piantati per la nascita di Igor' e zio Miša, gettano un'ombra densa e compatta sul lato occidentale. Sotto quell'ombra sono seduto io, gioco ai soldatini, ad assaltare un formicaio nemico. La casa vive, con un respiro leggero e tranquillo. Sembra che da qualche parte in profondità, sotto la copertura del solaio, in un cassone chiuso con sette sigilli, ci sia il suo cuore legnoso, che pulsa regolare al ritmo dei colpi di martello. E sembra che sarà così in eterno.

Мы въезжали в городок ранним утром, в тот мутный новогодний час, когда вся страна уже засыпает пьяным и сиплым сном. Последние гости уже разбрелись по домам, улицы завалены мишурой и пустыми бутылками из-под шампанского. Праздник вывернулся наизнанку: впереди похмелье, скисший оливье и новый рабочий год.
Мать, конечно, спала. Я с трудом ее разбудил, она вяло отмахивалась и несла сонную чушь. Потом вдруг резко привстала, посмотрела сквозь меня долгим объемным взглядом и спросила:
– Зачем?
– Мам, это я. Тетя Надя приехала.
Отозвавшись на голос, она вынырнула из предсонья. Взгляд ее обрел фокус.
Потом мы пили кофе на кухне, доедали подсохшие бутерброды с икрой. Тетя Надя сидела на краешке стула и клевала носом, мать задумчиво курила.
– Я думала, ты откажешься, не приедешь, – сказала она.
– А я приехал.
– Спасибо.
– Спасибо не булькает.
Мы усмехнулись одновременно.
– Как внучка моя поживает?
– Все хорошо.
– Ты мрачный какой-то.
– Все нормально, просто устал, спать хочу.
– Ложись, поспи.
– Не, поеду. Дома посплю.
Мать отвернулась, закусив губу.
– Ты и так дома.
Я допил кофе одним долгим горячим глотком и стал собираться.

Тетя Надя позвонила через три дня, голос ее был усталый и тусклый:

Entrammo nella cittadina di mattino presto, in quell'ora appannata del nuovo anno in cui tutto il paese ormai sprofonda in un sonno ubriaco e roco. Gli ultimi invitati sono già tornati alle proprie case, le strade sono ricoperte di fili argentati e bottiglie di spumante vuote. La festa si è girata a rovescio: d'ora in avanti la sbornia da smaltire, l'insalata russa inacidita e un altro anno di lavoro.
Mia madre, ovviamente, dormiva. La svegliai a fatica, lei mi scacciò fiaccamente e disse qualche sciocchezza assonnata. Quindi si sollevò bruscamente, mi attraversò con lungo sguardo stereoscopico e chiese:
– Cosa c'è?
– Mamma, sono io. È arrivata zia Nadja.
Reagendo alla voce, riemerse dal dormiveglia. Il suo sguardo mise a fuoco l'obiettivo.
Poi bevemmo un caffè in cucina, finimmo le tartine con il caviale ormai seccate. Zia Nadja era seduta sul bordo della sedia e dormicchiava, mia madre fumava pensosa.
– Credevo che ti saresti rifiutato, che non saresti venuto – disse.
– E invece sono qui.
– Grazie.
– Grazie non basta.
Sorridemmo contemporaneamente.
– Come sta la mia nipotina?
– Tutto bene.
– Sei un po' cupo.
– Tutto a posto, sono solo stanco, voglio dormire.
– Sdraiati, dormi un po'.
– No, riparto. Dormirò a casa.
Mia madre si voltò, mordendosi il labbro.
– Anche qui sei a casa.
Finii di bere il caffè con un lungo caldo sorso e cominciai a prepararmi.

Zia Nadja telefonò tre giorni dopo, la sua voce era stanca e spenta:

– Тревожно мне, Игорь на звонки не отвечает...
– Спит, наверное.
– На сердце камень...
– Хорошо, тетя Надя, я скоро приеду.
В первые дни нового года подморозило, выпал снег. Не то чтобы он примирил пейзаж и реальность, но стало легче глазам и спокойнее на душе. Показалось, что всю страну можно переписать заново, с чистого белого листа. Новая глава будет написана каллиграфическим почерком, без ошибок и стилистической каши. Главное, чтобы у народа, который будет держать перо, не тряслись руки с похмелья.
Мы ехали по той же трассе. Тетя Надя все так же молчала. Только один раз за всю дорогу спросила:
– Какой год?
– 2014-ый.
– Нет, по восточному календарю.
– Год лошади.
– А-а-а...
Как будто эта информация успокоила ее. Мол, если год лошади, то ничего страшного, поскрипим еще, потерпим.
Тетя Надя входила в квартиру с поспешностью и даже не пыталась ее скрыть. Игорь спал. Лежал на животе, раскинувшись на весь диван, тяжело сопел заложенным носом. Перед диваном сгрудилась батарея пустых бутылок. Из открытой форточки тянуло сквозняком. Тетя Надя облегченно потопталась на месте и накрыла Игоря одеялом. Сели на кухне. Тетя Надя нашлепала бутербродов. Я уже допивал чай, когда она мне сказала:
– Из садоводства звонили. Помнишь, в ноябре был ураган, дамбу перекрывали?
– Ну.
– Сосны упали. Прямо на дом. Одно пополам сломалось, рухнуло на веранду. Нет больше веранды. Другое вырвало с корнем и обрушило посередине. Крышу пробило,

– Sono in ansia, Igor' non risponde al telefono...
– Forse dorme.
– Ho un macigno sul cuore...
– Va bene, zia Nadja, arrivo subito.
I primi giorni del nuovo anno aveva gelato, era caduta la neve. Non che la neve avesse riconciliato il paesaggio e la realtà, ma lo sguardo era diventato più leggero e l'anima più calma. Sembrava si potesse riscrivere l'interno paese da capo, partendo da un foglio immacolato. Il nuovo capitolo sarebbe stato scritto in bella calligrafia, senza errori e confusione di stili. L'importante era che al popolo che avrebbe impugnato la penna non fossero tremate le mani per i postumi della sbornia.
Viaggiammo sulla stessa strada. Zia Nadja taceva come sempre. Solo una volta in tutto il viaggio mi chiese:
– Che anno è?
– Il 2014.
– No, per il calendario cinese.
– L'anno del cavallo.
– Ahhh.
Come se l'informazione l'avesse tranquillizzata. Be', se è l'anno del cavallo, allora niente di grave, tireremo ancora avanti, pazienteremo.
Zia Nadja entrò nell'appartamento con grande fretta e senza cercare di nasconderla. Igor' dormiva. Giaceva sulla pancia, steso su tutto il divano, emetteva pesanti sbuffi dal naso tappato. Davanti al divano era ammucchiata una batteria di bottiglie vuote. Da una finestrella aperta entrava uno spiffero. Zia Nadja, sollevata, scalpitò e coprì Igor' con una coperta.
Ci sedemmo in cucina. Zia Nadja preparò un sacco di tartine. Stavo già finendo il tè quando mi disse:
– Hanno chiamato dalla cooperativa agricola. Ti ricordi che a novembre c'è stato l'uragano e hanno sbarrato la diga?
– Allora?
– I pini sono caduti. Proprio sulla casa. Uno si è rotto a metà, è finito sulla veranda. La veranda non

обшивку, шифер. Говорила Игорю, съезди, посмотри, – какое там... Все рушится, все летит куда-то.
– Что делать будешь?
Она замолчала. Мой вопрос прижал к нёбу ее язык (бывают такие вопросы), и потребовалась вся твердость, вся бескрайняя теплота, разлитая в ее имени, чтобы протолкнуть одно слово:
– Жить.

c'è più. L'altro è stato sradicato ed è caduto in mezzo. Ha sfondato il tetto, il rivestimento, l'ardesia. Ho detto a Igor', vai, guarda che cosa è successo... Crolla tutto a pezzi, ogni cosa vola di qua e di là.
– Che cosa pensi di fare?
Taceva. La mia domanda premette la sua lingua contro il palato (capitano simili domande) e le ci volle tutta la fermezza, tutto lo sconfinato calore infuso nel nome Nadja, "speranza", per far uscire una sola parola:
– Vivere.

Отзыв о рассказе

В рассказе Дмитрий Филиппова «Год лошади» звучат типичные для русской литературы темы: драматическая история дома, распад семьи, зимняя дорога, размышления о жизни и смерти. Иногда все сюжетные линии сходятся не столько даже в типичный, но, скорее, тривиальный узел, когда, казалось бы, следует прекратить чтение, но ты не только не прекращаешь, но продолжаешь жадно схватывать каждое слово. И это тоже тривиальная ситуация для читателя. Талант автора захватывает читателя и мгновенно, без усилий вводит его в тот самый дом и семью, о которых идет речь.

Д. Филиппов без излишнего суетливого многословия сумел спровоцировать читателя на самостоятельное погружение в контекст. Кроме того, следует отметить профессиональное владение автором всеми регистрами языка – от краткого площадного ругательства до пронзительного бунинского слога, и этот слог вызывает нежность и жалость к людям, к пейзажу и к архетипическому понятию дома – главного героя этого рассказа.

«Дом живет, дышит спокойно» или «... дом глубоко вдохнул и не смог выдохнуть». Катастрофа остро чувствуется именно в простейшей формуле, действующей гораздо сильнее любых многословных фраз и стилистически выверенных построений.

В прозе Д. Филиппова видятся выраженные черты литературного мастерства, которые позволяют надеяться на успешный творческий путь автора.

Елена Пастернак

Nota critica

Nel racconto di Dmitrij Filippov *L'anno del cavallo* risuonano temi tipici per la letteratura russa: la storia drammatica di una casa, il disgregarsi della famiglia, la strada d'inverno, la riflessione sulla vita e la morte. A volte, quando tutte le linee della trama convergono in un intreccio non solo tipico, bensì banale, sembrerebbe opportuno interrompere la lettura, e invece non solo non la si interrompe, ma si continua ad afferrare avidamente ogni parola. Anche questa è una situazione banale per il lettore. Il talento dell'autore cattura chi legge e, in un istante, senza alcuno sforzo, lo trasporta proprio in quella casa e in quella famiglia di cui narra la storia.

Filippov, senza verbosità superflua e irrequieta, riesce a indurre il lettore a una spontanea immersione nel contesto. Inoltre, occorre notare la padronanza da professionista che l'autore mostra nei confronti di tutti i registri linguistici, dalle concise imprecazioni della strada all'acuto stile buniniano, uno stile che suscita tenerezza e compassione verso le persone, il paesaggio e la concezione archetipica della casa, vera protagonista del racconto.

"La casa vive, con un respiro leggero e tranquillo" oppure "... la casa tirò un respiro profondo e non riuscì più a espirare". La catastrofe viene percepita acutamente proprio nella formulazione più elementare, che agisce in modo assai più incisivo di qualsiasi frase complessa e costruzione stilisticamente accurata.

Nella prosa di Filippov si ritrovano i tratti spiccati della maestria letteraria, che autorizzano a confidare in un percorso artistico di successo per l'autore.

Elena Pasternak

Биография

Дмитрий Филиппов родился в 1982 г. в городе Кириши Ленинградской области. Окончил филологический факультет Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Работал педагогом-организатором, грузчиком, продавцом, подсобным рабочим, монтажником вентиляции. Служил в армии на территории Чеченской республики с 2006 по 2008 гг. Старший сапер. В настоящий момент работает в студенческом отделе Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. Лауреат премии «Альтернативная литература 2012», лонг-лист премии «Дебют» в номинации «малая проза» (2012), финалист российко-итальянской премии «Радуга» (2013). Автор повести «Билет в Катманду» (2012), ряда рассказов и статей, вышедших в журналах «Знамя», «Север», «Волга, «Нева». В 2011 г. выпустил сборник прозы «Три времени одиночества». Постоянный автор газет «Литературная Россия», «День литературы».

Biografia

Dmitrij Filippov è nato nel 1982 a Kiriši nella regione di Leningrado. Si è laureato alla facoltà di Lettere dell'Università Statale A.S. Puškin di San Pietroburgo. Ha lavorato come educatore e animatore culturale, scaricatore di porto, commesso, manovale, tecnico d'impianti di aerazione. Ha prestato servizio militare nella Repubblica Cecena dal 2006 al 2008. È sottufficiale del Genio. Attualmente lavora nel settore studenti dell'Università Statale A.S. Puškin di San Pietroburgo. Vincitore del premio "Letteratura alternativa 2012", Long-List del premio "Debjut" per la categoria "Narrativa breve" (2012), finalista nel 2013 del premio russo-italiano "Raduga". È autore del romanzo breve *Un biglietto per Katmandu* (2012), di una serie di racconti e articoli pubblicati sulle riviste "Znamja", "Sever", "Volga", "Neva". Nel 2011 è uscita la raccolta *Tre tempi di solitudine*. Scrive regolarmente sulle riviste "Literaturnaja Rossija" e "Den' literatury".

Giovani traduttori italiani
Молодые итальянские переводчики

Giacomo Foni è nato a Sansepolcro (Arezzo) nel 1983. Dopo aver conseguito il diploma di maturità classica, si è laureato in Lingue e letterature moderne europee e americane presso l'Università degli Studi di Firenze. Ha poi terminato il dottorato in Scienza della traduzione all'Alma Mater Studiorum di Bologna. I suoi principali interessi di studio sono la letteratura russa dell'Ottocento e il pensiero filosofico-religioso russo tra il XIX e il XX secolo.

Джакомо Фони родился в 1983 г. в Сансеполькро (Ареццо). Окончил классический лицей, затем Флорентинский государственный университет (специальность «Современные языки и литературы Европы и Америки») и докторантуру Болонского государственного университета (специальность «Перевод»). Занимается исследованием русской литературы XIX века, а также русской философской и религиозной мысли XIX – XX вв.

Niccolò Galmarini è nato a Erba (Como) nel 1985. È dottore di ricerca in Ittitologia e, oltre a occuparsi di civiltà del Vicino Oriente antico, si interessa di lingua e letteratura russa affiancando all'attività di ricerca quella di traduttore e redattore editoriale. Nel 2013 ha tradotto il romanzo *Scimmia nera* di Zachar Prilepin per Voland Edizioni.

Никколо Гальмарини родился в 1985 г. в г. Эрба (Комо). Защитил докторскую диссертацию по хеттологии, однако его научные интересы охватывают историю цивилизации Ближнего Востока, а также русский язык и литературу. Помимо научной работы занимается переводом и редактированием. В 2013 г. перевел для издательства «Воланд» роман Захара Прилепина «Черная обезьяна».

Chiara Rampazzo (1984) nel 2012 ha conseguito a pieni voti la laurea magistrale in Lingue e letterature moderne presso l'Università degli Studi di Udine, discutendo una tesi dal titolo *Georgij Ivanovič Čulkov e l'anarchismo mistico*. Dal 2009 al 2012 ha vissuto e studiato nella Federazione Russa. Presso l'Università degli Studi di Ivanovo ha ottenuto un diploma di riqualificazione professionale nell'ambito della traduzione e dell'insegnamento della lingua russa come lingua straniera. Attualmente frequenta il primo anno del dottorato di ricerca in Scienze linguistiche, filologiche e letterarie presso l'Università degli Studi di Padova.

Кьяра Рампаццо родилась в 1984 г. В. 2012 г. окончила на отлично магистратуру Университета г. Удине (специальность «Современные языки и литературы»), защитив диплом по теме «Георгий Иванович Чулков и мистический анархизм». В 2009–2012 гг. жила и училась в России. Имеет свидетельство, выданное Ивановским государственным университетом, о присвоении профессиональной квалификации в сфере перевода и преподавания РКИ. В настоящее время обучается в докторантуре Падуанского университета (специальность «Лингвистические, филологические и литературоведческие науки»).

Liliana Scala (1979) ha studiato a Londra per poi iscriversi al corso in Lingue e culture comparate (russo e serbo-croato) dell'Università L'Orientale. Ha studiato presso la SPbGU, la TGU e la TPU beneficiando di una borsa. È in procinto di discutere la tesi sul teatro russo d'avanguardia per la quale ha tradotto la *Veselaja Smert'* di Evreinov. È stata titolare di una borsa come tutor di Linguistica. Ha partecipato alle Giornate della Traduzione Letteraria e a un corso di perfezionamento della EST. Frequenta un corso in traduzione presso Voland Edizioni.

Лилиана Скала родилась в 1979 г. После учебы в Лондоне поступила в Неаполитанский университет «Л'Ориентале» (специальность «Сравнительное изучение языков и культур (русский и сербо-хорватский языки)». Стажировалась в СПбГУ, ТГУ и ТПУ. Готовит к защите дипломную работу, посвященную русскому авангардному театру, для которой она перевела «Веселую смерть» Н. Евреинова. Удостоена стипендии «Тьютор по лингвистике». Участвовала в Днях художественного перевода, прошла курс повышения квалификации в Европейской школе перевода. Посещает переводческие курсы при издательстве «Воланд».

Francesca Scandurra è nata nel 1983 a Palermo. Ha intrapreso gli studi di slavistica all'Università degli Studi di Palermo, dove ha conseguito la laurea triennale in Lingue e culture moderne nel 2006. Nel 2009 si è laureata a pieni voti in Lingue e letterature europee ed extra europee presso l'Università degli Studi di Milano specializzandosi in filologia slava. Ottenuta una borsa di studio ministeriale, ha frequentato un corso di specializzazione annuale presso l'Istituto Statale di Lingua Russa intitolato ad A.S. Puškin, a Mosca (anno 2009-10). Nel 2011 ha frequentato e concluso il corso di specializzazione "Traduttore per le culture emergenti" presso l'Agenzia Formativa "tuttoEuropa" di Torino. Attualmente collabora con alcune agenzie di traduzione e redazioni giornalistiche in Russia.

Франческая Скандурра родилась в 1983 г. в Палермо. Начала заниматься славистикой в Палермском университете, в 2006 г. прошла трехгодичный курс обучения (специальность «Современные языки и культуры»). В 2009 г. завершила высшее образование, окончив на отлично Миланский государственный университет (специализация по славянской филологии). В 2009–2010 гг. прошла годовой курс обучения при ГИРЯ имени А. С. Пушкина в Москве. В 2011 г. прослушала курс «Перевод и развивающиеся культуры» при туринском Образовательном агентстве «tuttoEuropa». Сотрудничает с рядом российских переводческих агентств и редакциями печатных СМИ.

INDICE
ОГЛАВЛЕНИЕ

4 Associazione Conoscere Eurasia

7 Istituto Letterario A.M. Gor'kij

9 ALMANACCO LETTERARIO 5

10 Antonio Fallico
Presidente dell'Associazione Conoscere Eurasia

12 Boris Tarasov
Rettore dell'Istituto Letterario A.M. Gor'kij

14 Premio letterario Raduga

16 Albo d'oro del Premio Raduga

22 Giuria italiana

25 Giuria russa

29 GIOVANI NARRATORI ITALIANI

31 Gianluca Boroni *Sette nani*
Traduzione in russo di Diljara Tuiševa

43 Giovanni Duminuco *La ferita*
Traduzione in russo di Ksenija Timenčik

57 Gianluca Lattuada *Pasticceria dal 1908*
Traduzione in russo di Anna Kabanova

5 Ассоциация «Познаём Евразию»

6 Литературный институт имени А.М. Горького

9 ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ 5

11 Антонио Фаллико
Президент Ассоциации «Познаём Евразию»

13 Борис Тарасов
Ректор Литературного института им. А.М. Горького

15 Премия «Радуга»

17 Победители и финалисты Премии «Радуга»

22 Итальянское жюри

25 Российское жюри

29 МОЛОДЫЕ ИТАЛЬЯНСКИЕ ПИСАТЕЛИ

31 Джанлука Борони *Семь гномов*
Перевод на русский язык Диляры Туишевой

43 Джованни Думинуко *Рана*
Перевод на русский язык Ксении Тименчик

57 Джанлука Латтуада *Кондитерская 1908 года*
Перевод на русский язык Анны Кабановой

70 Cristina Ottelli *Gestazione di un angelo*
Traduzione in russo di Julija Galatenko

81 Livio Santoro *I romantici e la fine del mondo*
Traduzione in russo di Ol'ga Vitkovskaja

91 *Giovani traduttori russi*

95 GIOVANI NARRATORI RUSSI

97 Elena Ljašenko *La chiusura*
Traduzione in italiano di Chiara Rampazzo

115 Amalija Mokrušina *Un po' di tepore in una sera di neve*
Traduzione in italiano di Liliana Scala

127 Sergej Samsonov *Il sé e l'altro*
Traduzione in italiano di Giacomo Foni

141 Margarita Určeva *Un cucchiaio di zucchero*
Traduzione in italiano di Francesca Scandurra

158 Dmitrij Filippov *L'anno del cavallo*
Traduzione in italiano di Niccolò Galmarini

179 *Giovani traduttori italiani*

70 Кристина Оттелли *Рождение чуда*
Перевод на русский язык Юлии Галатенко

81 Ливио Санторо *Романтики и конец света*
Перевод на русский язык Ольги Витковской

91 *Молодые российские переводчики*

95 МОЛОДЫЕ РОССИЙСКИЕ ПИСАТЕЛИ

97 Елена Ляшенко *Замыкание*
Перевод на итальянский язык Кьяры Рампаццо

115 Амалия Мокрушина *Немного тепла в снежный вечер*
Перевод на итальянский язык Лилианы Скалы

127 Сергей Самсонов *Свой и чужой*
Перевод на итальянский язык Джакомо Фони

141 Маргарита Урчева *Ложка сахара*
Перевод на итальянский язык Франчески Скандурры

158 Дмитрий Филиппов *Год лошади*
Перевод на итальянский язык Никколо Гальмарини

179 *Молодые итальянские переводчики*

Almanacco letterario 5
Conoscere Eurasia Edizioni
è stato stampato nel mese di maggio 2014
da Cierre Grafica, Quadrante Europa, via Ciro Ferrari 5,
37066 Caselle di Sommacampagna (Verona), Italia.

Литературный альманах – Выпуск 5
Издательство «Познаём Евразию»
напечатан в мае 2014 года
Чиэрре Графика, Куадранте Европа, ул. Чиро Феррари, 5
37066 Казелле ди Соммакампанья (Верона), Италия

conoscere Eurasia

федеральное агенство
по печати и массовым
коммуникациям

Литературный институт
им. А.М.Горького

БАНК ИНТЕЗА

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
АЗБУКА-АТТИКУС

Con la partecipazione di

Istituto
Italiano
di Cultura
Mosca

la Feltrinelli

РОССОТРУДНИЧЕСТВО